

ЛЕВТЕНИЙ ПЕТРОВ

Фронтальная
Бывальщина

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

*Фронтовая
Бывальщина*

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1987

Рецензент писатель Ю. Ф. Стрехнин

Художник М. З. Шлосберг

Петров Е. А.

П30 Фронтовая бивальщина.— М.: Сов. Россия,
1987.— 272 с., ил.

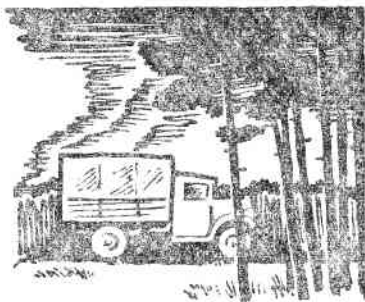
Рассказы-раздумья о войне, о друзьях и товарищах, с которыми автор — военный журналист участвовал в первых схватках с фашизмом и прошел по фронтовым дорогам до светлого дня Победы.

Евгений Петров повествует о том, как и чем жили разведчик А. Жариков и его одноподчане в суровые дни сорок первого года, о совместной работе на газетной полосе писателей Е. Поповкина, И. Чекина, В. Апреяна, поэта А. Кулешова, журналистов М. Стрехова, П. Белого, П. Лисуна, А. Калинаева, о их встречах с рядовыми бойцами и прославленными командирами.

Книга привлекает своей суровой правдой и документальностью.

П 4702010200—076
М-105(03)87 151—1987

9(c)27

ГОД СОРОК ПЕРВЫЙ,
ДЕВЬ ЗА ДНЕМ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. Вечером 14 сентября сорок первого года техник-радиот армейской газеты «Знамя Советов» Павел Мусько, как обычно, настроил приемник на московскую волну. Наборщики ждали очередного сообщения Советского Информбюро. Место для сводки оставалось белым пятном на готовой к печати первой полосе.

Прием в тот вечер шел, к счастью, без помех. Слова диктора из Москвы радиот записывал без пропусков, слово в слово. В полночь Мусько передал текст, написанный карандашом, дежурному по номеру Петру Белому.

— Сверил? — спросил, напуская строгость, Белый.

— Не один раз. Можешь подписывать, не читая.

Белый наложил резолюцию: «Курсив. Кегль 10. На три с половиной квадрата».

Свежие колонки разверстали. Полосы зажали в раму. И пошел гулять туда-сюда таллер печатной машины. Внутреннюю сторону четырехполосной газеты отпечатали еще вечером, теперь рождались на свет первая и четвертая страницы.

Водитель грузовика Иван Колупаев, спавший в кабине машины, где размещался печатный «цех», проснулся, когда движок электростанции, чихнув несколько раз, заглох. Шум печатного станка вызывал у Колупаева приятные сновидения, а тишина соснового бора действовала ободряюще, будила.

Колупаев открыл дверцу кабины, разделся до пояса,

умылся родниковой водой, припасенной с вечера в своем персональном котелке. Посвежевший и окрыленный, заглянув в «цех», выпросил у дремавшего печатника свежий номер и, примостившись поудобнее на крыле грузовика, начал от корки до корки изучать «свою» газету.

Читал Колупаев неторопливо, почти по складам. Шептал про себя слова, а то, что приходилось ему по душе, произносил громко. На этот раз он, как отче наш, повторял: «Северо-Западный... Северо-Западный...»

Петр Белый собирался было уже заканчивать дежурство, но его насторожили слова водителя.

— Чего ты там мелешь, Колупаев? — спросил Белый. — Померещилось тебе. О делах нашего фронта уже давненько в сводках не упоминали.

— Не мелю, а читаю, — обиделся Иван, — про наш, про Северо-Западный фронт здесь пропечатано.

Белый пробежал глазами сводку и ахнул:

— Мать честная! Сдал в набор сводку, а в суть дела не вникнул. Редактору не доложил. Не вынес новости в шапку. И какие новости!

В сводке говорилось об успешных действиях бойцов и командиров соединения Штыкова. Подразделение капитана Кожурова захватило в ночном бою 12 немецких орудий, 20 станковых пулеметов и две радиостанции. Артиллеристы подразделения Дахновского только за один день уничтожили 70 вражеских машин с пехотой, 150 мотоциклов.

Разведчик лейтенант Бень проник на своей бронемашине в глубокий тыл, подбил три легких танка и несколько противотанковых орудий.

За время боев с фашистскими войсками соединение полковника Штыкова уничтожило 10 тысяч немецких солдат и офицеров, около 200 вражеских танков, сотни автомашин, свыше ста орудий и до пятисот мотоциклов.

Петр Белый немедленно разбудил редактора газеты Владимира Борисовича Фарберова.

С пачкой самых чистых оттисков редактор тут же укатил на своей «эмке» в политотдел и Восинный совет.

Вернулся он раньше обычного. Лицо его пылало, а черные пуговицы глаз источали молнии.

На «ковер» в палатку Фарберова немедленно вызвали секретаря редакции, начальников отделов. О чем и в каком тоне шел там разговор, нам, рядовым сотрудникам, было неизвестно.

Прояснил обстановку вернувшийся с экстремного совещания наш начальник отдела армейской жизни Михаил Строков. Москва, мол, передала на весь свет сообщение о подвигах командиров и бойцов 202-й моторизованной дивизии нашей 11-й армии, а мы хлопаем ушами. В дивизии уже побывал командующий армией генерал Морозов. Всему личному составу дивизии объявлена благодарность. Ставка Верховного Главнокомандования сообщила, что 202-я награждается пятью легкими вездеходами новейшего образца. Командиру дивизии полковнику Штыкову Серафиму Григорьевичу присваивается генеральское звание.

Немного поостыв от редакторской накачки, Строков объявил:

— В 202-ю срочно выезжают Юрий Корольков, Игорь Чекин. Поедешь с ними и ты, Петров. Гляди в оба, не тушуйся перед писателями. Пусть они сочиняют все, что им угодно, а ты хоть землю рой, а положи мне на стол материалы о секретах ночного боя, ведения разведки в тылу врага и так далее.

От наказов Строкова голова пухла, к тому же чувствовал себя скованно и неуютно рядом с московскими писателями.

Побывали, как положено перед походом на передовую, в оперативном отделе штаба армии, там рассказали много любопытного. 202-я дивизия успешно вела бои с первых дней войны. В конце августа произошло невероятное: 202-я, одна из лучших дивизий не только нашей 11-й армии, но и всего Северо-Западного фронта, несколько недель не давала о себе знать. Поразительнее всего было то, что положение на нашем фронте более или менее стабилизировалось, а дивизия будто провалилась сквозь землю. К тому же и немцы играли в эти дни на наших первах: они то и дело подбрасывали через эфир сообщения, что дивизия Штыкова окружена и разгромлена.

И вдруг в начале сентября донесение:

«202-я ведет бои в районе Лычково — Кневницы на рубежах, прикрывающих Валдай. Ведет бои в полном составе, сохранив орудия, пулеметы, не оставив в тылу врага ни одного раненого».

Офицер штаба армии оторвался от карты, указал, какими дорогами и просеками нам лучше добраться до места и, заложив руки за спину, расхаживая по землянке, заключил:

— Идете вы, друзья, в боевую дивизию. Есть возмож-

ность раздобыть уникальный материал, такой, какой редко попадает вашему брату газетчику. Советую держать ухо востро. Действовать надо по принципу: одна нога здесь, другая там. Иначе объедут вас на вороных корреспонденты из фронтовой газеты, из «Красной звезды». Уже звонили, уточняли координаты штаба дивизии, маршруты следования к ним.

После бесед писателей с комдивом Штыковым, комиссаром Степаном Фомичом Хвалеем, моих бесед в полках и батальонах собрались было в обратный путь, но Корольков предложил заглянуть в редакцию дивизионной газеты «Призыв к победе». Неудобно, мол, обходить стороной младших братьев по перу.

Редактор газеты «Призыв к победе» Афанасьев при нашем появлении засуетился. Человек пожилой, кадровый строевик, он то и дело разглаживал суконную гимнастерку под широким ремнем, загоня складки за спину, припечатывал ладонью петлицы, на которых сверкали по паре рубиновых шпал. Но чем больше прихорашивался редактор, тем отчетливее выпирала его сутулость, а покатые плечи казались еще уже. Бравым молодцом выглядел секретарь редакции старший политрук Мусатов. С его лица с квадратным подбородком не сходила улыбка до ушей. Он подзывал к себе старшину и шептал ему что-то на ухо. Афанасьев и Мусатов показали нам редакционный автобус, машину с походной типографией.

Чекин восхищался:

— Живете на широкую ногу! Редакционный автобус новенький, будто только-только с заводского конвейера. Я таких еще не видывал. Салон. Откидные столики для журналистов. В другой машине полированный комод с ящиками для набора. Печатная машина и при ней моторчик. Братцы, такого шика нет даже в нашем армейском газетном хозяйстве!

Еще больше восклицаний выдал Чекин после того, как на раскладном столике в густом кустарнике появился чайник со струйками пара, кружка с душистым чаем, хлеб, масло на тарелочке, столовые ложки.

— Друзья! — продолжал Чекин. — Вы нас покорили! У вас в дивизии, видно, все в комдива Штыкова: подтянуты, гостеприимны, мудры. Давайте знакомиться. Расскажу по праву старшего, не по званию, а по возрасту, сначала о себе. Вырос в театральной семье. Мать, актриса, мечтала видеть и сына на подмостках сцены. В молодости выступал, чувствовал себя у рампы как рыба в воде. Роли

непадали и второстепенные и заглавные. Потом увлекся поэзией, печатался, хотя громкой славы не заработал. Ударился в драматургию. Словом, порхал, как мотылек. Порхал, видно, потому, что во всем хотел быть первым. Когда прогремело на всю страну имя Алексея Стаханова, по горячим следам написал сценарий фильма «Ночь в сентябре». Картина эта идет и поныне на экранах.

— Игорь! — пробурчал Корольков. — Это ж самореклама!

— Юрий! Все элементарно и просто. Никакой саморекламы. Прежде чем рассказать, представить своего товарища, я обязан пару слов сказать о себе. К тому ж я сегодня в большом вдохновении. На земле, где сражаются штыковцы, можно говорить только рифмами. Я уже кое-что сочинил. Желаете послушать?

И наборщики, и печатник, и водители редакционных машин, и редактор, и секретарь редакции, и литсотрудник — все смотрели на Чекина как на чудо, свалившееся на них с неба.

Чекин, высокий, сухопарый, порозовевший после крепкого чая, ходил по поляне, резал ладонью воздух, особенно в моменты, когда строчки его творения не очень ложились в рифму.

Слушатели после короткой паузы, будто по команде, начали дружно аплодировать. Чекин, смахнув ладонью пот со лба, благодарил:

— Овация, друзья, для меня что хлеб. Люблю, грешный, славу. Спасибо! Вижу я, что у меня получился настоящий перебор. Все о своей персоне. Нехорошо! Итак, как обычно говорят со сцены, перехожу к следующему номеру нашей программы.

И пошло, пошло.

Юрий Корольков, мол, явно не Игорь Чекин. На слова скуповат. Не ждите, что он расскажет о себе. Этот голубоглазый рязанский мужик много успел в жизни. Он, можно сказать, уже легенда!

— Игорь! — поморщился Корольков.

Чекин завелся, что называется на языке шоферов, с пол-оборота, и остановить его уже было невозможно.

Рязанский паренек, продолжал Чекин, в двадцатые годы перебрался в Москву в поисках ума-разума. Работал разносчиком газет в издательстве «Правда», учился в Плехановском институте. Один из первых сотрудников «Комсомольской правды», матросом на ледорезе «Федор Литке» плавал из Севастополя на Дальний Восток. Видел

Стамбул, Порт-Санд, Суэцкий канал, Красное море. В те годы вышла его первая книжка «В тропиках на ледорезе...»

Рулевым матросом совершил путешествие из Ленинграда во Владивосток. На теплоходе «Курск» побывал в республиканской Испании.

Прошел боевое крещение на Карельском перешейке, редактировал дивизионную газету, награжден орденом Красной Звезды.

— Игорь! — взмолился Корольков.

— Молчу! Предоставляю слово тебе.

Корольков признался, что это он подбил Чекина и Петрова побывать в редакции «Призыв к победе», так как убежден: дивизионка в механизме армии не последняя спица в колеснице.

Редактор газеты при этих словах расправил плечи, будто перед большим строем отмечали его личные заслуги. Ребята заулыбались. Видно, они впервые услышали такое суждение о высоком предназначении печатного листка, выходявшего три раза в неделю, над которым каждый из них корнел днем и ночью, не зная усталости.

— Перед тем, как отправиться в 202-ю, — продолжал Корольков, — наслышались мы всякой всячины: и про болота, и про глухие места, и про немецкие засады. Думали, что кто-то нарочно распускает такие небывицы. На поверку оказалось, что все это сущая правда. Немцы действительно просачиваются в наши ближние тылы в поисках ротозеев для «языка». Иногда еще трудно определить, где наш передний край, где позиции врага.

Уморил нас красноармеец, сопровождавший на командный пункт дивизии. Боец он, видать, бывалый, но всю дорогу ворчал. Говорил, что лучше бы его в немецкий тыл снарядили, чем вести к комдиву высоких, непрошенных гостей. Идут, шарят глазами по кустам, будто там черт или леший сидит, не соображают, что, если идут за мной, значит, находятся за каменной стеной. Не раз прикрикивал, наказывая, чтобы шли след в след. Не то напоретесь на мину, нашу или немецкую. Тогда уж лучше не показываться на глаза командиру, со стыда сгорить.

Ворчал, ругался парень, а ухмылка с его губ не сходила. Нагонял на нас страх, а сам, видно, был рад-радешенек, что ведет к комдиву не кого-нибудь, а пишущих людей.

Штыков встретил нас шуткой:

— В небе чаще стали появляться наши ястребки. А ныне и корреспонденты пожаловали. Хорошая примета. Быть наступлению!

Комдив представил нам начальника штаба дивизии Павла Федоровича Батицкого, командующего артиллерией Федора Тарасовича Дахновского, комиссара Степана Фомича Хвалея.

Много хорошего слышали мы о Штыкове и в штабе и в полках. Дай бог переварить все услышанное.

Корольков признался, что он, как и всякий смертный, читавший первые сводки с фронтов, готов был кусать локти. Хотелось кричать, что Красная Армия не имеет права отступать, она в случае беды должна бить врага на чужой земле. А между тем июнь, июль преподносили кошмары. Тому, кто не был на передовой, казалось, что фашисты шагают, как на параде.

Рассказы штыковцев убедили его, Королькова, в другом. Не было у немцев парада. Они после легких авантюр в Европе ежечасно, ежедневно расплачивались своей черной кровью. Отныне он, писатель, будет считать своим первейшим долгом поведать читателю о подвигах бойцов и командиров 202-й, как это подобает...

Прощаясь с работниками дивизионки, Чекин сказал: — Спасибо за хлеб-соль. Привезжайте в гости. В нашей газетной семье есть пополнение. Работают в «Знамени Советов» Евгений Поповкин, Ваграм Апресян, поэт Аркадий Кулешов. Во фронтовой газете «За Родину» трудятся в поте лица Александр Исбах, Михаил Магусовский, Степан Щипачев, Сергей Михалков. Слово наше должно стать нашим снарядом по врагу.

До «Знамени Советов» добирались пешком. Даже гостеприимный комдив Штыков не в силах был помочь быстрее добраться до «дома». Дороги после осенних дождей развезло. Полуторки, груженные боеприпасами и продовольствием, сидели по брюхо в глине и торфе.

Вернувшиеся с передовой обязаны были докладывать о новостях в первую очередь редактору. Так поступили и мы. Фарберов мерил шагами палатку. Он, вероятно, давно уже ждал появления корреспондентов, «видел» свежий номер газеты с поучительными материалами, представлял, что сможет с достоинством преподнести его там, «наверху». Трубка с «Золотым руном», судя по всему, не затухала ни днем ни ночью.

Чекин, не терпевший курильщиков, разогнал своими длинными руками сизое облачко, докладывал первым:

— Каков комдив! Каков начштаба! Каков комиссар!

— Что верно, то верно, — подтвердил Корольков. — Люди, выдержавшие первый, коварнейший удар врага, не

лаптем ши хлебали. Комдив и его боевые помощники — командиры образованные, интеллигентные в полном смысле этого слова. О комдиве следует сказать особо. Штыков из рабочей семьи. В двадцать лет добился зачисления на курсы красных командиров. В двадцать пятом окончил пехотное училище. Коммунист ленинского призыва. Служил в войсках и учился, учился. Кончил военно-политические курсы в Ленинграде, курсы «Выстрел» в Москве. Участвовал в освободительном походе в Западной Белоруссии, воевал на Карельском перешейке. За успешные бои с белофиннами майор Штыков получил внеочередное звание полковника, награжден орденом Красного Знамени.

Чекин и Корольков рассказывали о Батицком, Дахновском, Хвалее. В военном деле все они академики, ни больше ни меньше!

— Все это очень интересно, но не ново для меня, — сказал редактор. — Ну а в номер, в номер, что дадите? О комдиве и его помощниках нам, к сожалению, не положено писать. Так что же вы дадите в номер?

В вопросе редактора звучала теперь уже беспокойная нотка.

— Как что! — удивился Чекин. — У меня стихи. Хоть сию минуту в набор!

— Это хорошо. А еще что? Нужен опыт, опыт боев. Думайте, думайте, товарищи!

Чекин ушел от редактора сияющий, потирая руки, подтрунивал:

— Поэт уже сказал свое слово, а вы, прозанки, ломайте голову, ломайте!

Очередной номер «Знамени Советов» целиком посвящался штыковцам. На первой полосе шрифтом и набором выделялись факты и цифры, которыми по праву мог гордиться читатель. Штыковцы провели на полях Отечественной войны 75 победных боев, причинив тяжелые потери фашистам, разгромили 3-ю, 8-ю, 290-ю немецкие дивизии. На днях штыковцы уничтожили шестьсот фашистов, захватили много оружия и боеприпасов.

Передовая называлась «Деритесь, как штыковцы!».

Секрет успехов штыковцев, писала газета, состоит в том, что они умело раскрыли вражескую тактику нападения с флангов и тыла, научились ей противодействовать. Они отлично наладили взаимодействие своих подразделений и наносят удары по наиболее уязвимым местам врага.

Коммунист капитан Кожуров, лейтенант комсомолец Бень, разведчик Канарский и многие другие доказали на деле, что лучший вид обороны — это нападение. Дерзкими контратаками штыковцы изматывают вражеские силы.

На видном месте были напечатаны стихи Игоря Чекина.

Номер газеты хвалили в редакции. Фарберов, отправившийся спозаранку с пачкой газет к командованию 11-й армии, вернулся в приподнятом настроении.

Про осечку редакции в сентябре, которая была для сотрудников чрезвычайным происшествием, забыли, но все зарубили себе на носу, что каждый день и каждый час следует знать до мельчайших подробностей, чем живет, чем дышит передний край.

Без восторгов принял публикации Юрий Корольков. Он ворчал, что рассказать о штыковцах так, как сделала армейская газета, — значит, ничего не сказать. Буду писать для ТАСС. Как-никак он — внештатный корреспондент ТАСС.

Вскоре Корольков получил подтверждение из Москвы, что материал его получен, одобрен и полностью передан в центральные, краевые и областные газеты.

Потом Корольков узнал, что указание дать широкую огласку его корреспонденции директор ТАСС Пальгунов получил от Сталина. О делах штыковцев наши люди читали во всех концах страны.

В те дни мне и в голову не приходило, что когда-то я узнаю о делах штыковцев гораздо больше, чем написал о них Юрий Корольков.

В начале зимы сорок первого года в газете «Знамя Советов» грянула гроза, поступило указание сверху перевести газету с четырех на две полосы.

Редактор газеты Владимир Борисович Фарберов, посасывая потухшую трубку, нервничал:

— Меньше газета — меньше и штат. Надо сокращать людей. Кого? Не поднимается рука резать по живому. Резать все же пришлось.

Я получил предписание в 202-ю.

Игорь Чекин, с которым мы за время летних походов на передовую подружились, всполошился:

— Друг мой! Ты же обещался рассказать о себе. Ведь ты с первых дней войны в самом пекле. Сейчас бы и поговорить. Исповедаться. Кто знает, может, и не свидимся.

Кольнуло в сердце. Хотелось кричать: «Зачем же так,

Игорь! И без того тошно. Ухожу будто из родного дома. А ты — не свидимся!» Промолчал.

— Так как же? — напирал Игорь.

— Потом. Когда-нибудь.

— А тебе, товарищ политрук, везет, — подбадривал Чекин. — Быть штыковцем не каждому дано. Жди гостей. Нагрянем к тебе с Юрой. Не забывай, что рязанец вынашивает книгу о 202-й. Да и у меня руки чешутся побольше рассказать о героях. Засучи рукава, собирай капельку по капельке. Твой кирпичик может стать для нашего брата писателя золотым!

В политотделе 202-й встретили шуткой:

— Ого! Дипломированный журналист. Таких в нашей газете «Призыв к победе» еще не водилось. Будет теперь не только по штатному расписанию, а и наяву инструктор-литератор.

Перед начальником политотдела вытянулся в струнку. Видно, что-то получилось невпопад, так как политотдельцы приснули, сострили:

— Прошел парень ефрейторскую выучку. Так ведь то была казарма! Теперь другие времена, мозгами шевелить требуется!

Начальник политотдела, познакомив меня со старшим политруком Батуриным, сказал:

— Вот тебе, Василий, и помощник, которого ты долго ждал, пусть поработает с тобой. Редакция подождет.

Василий Филиппович Батурин был из тех людей, которые с первой же минуты покоряют человека простотой и откровенностью. Как старому знакомому, признался, что писать ему приходится много, политдонесения в поарм идут ежедневно. Имеешь дело с докладными из всех подразделений дивизии, но в них не всегда найдешь то, что нужно. Звони, выпытывай, уточняй. Для нас, как и для вашего брата газетчика, важен не квас, важна изюминка в квасе.

В тот же день узнал я от Батурина, что ему поручили писать историю дивизии. Мучается парень. Заедает текучка. Не знает, с чего начать, кем кончить. Слово «история» уж очень громковато. 202-я моторизованная создана в ноябре сорокового года. С первого дня войны в боях. Дрались цепко, но не обошлось и без жертв. Приходит пополнение. Комдив и комиссар считают, что люди должны знать о боевом пути своих полков и батальонов.

— Документов о прошедших боях уйма, — сказал

Батуриц,— тонú в них. Выручай, друг. Я, видно, набил уже оскомину, тебе же все будет в новинку.

Договорились, что для начала я займусь дивизионной разведкой.

Командир разведроты старший лейтенант Федор Ильич Родионов, узнав о моей миссии, пошел на попятную:

— Я среди этой гвардии еще человек зеленый. Слава добыта другими людьми. Была до недавнего времени у нас не рота, а разведбатальон. Поможет вам лейтенант Андрей Жариков. Он сейчас, после медсанбата, помощник дивизионного инженера, а был начальником штаба разведбатальона. С него все и началось не где-нибудь, а в Риге.

Дел у Жарикова было по горло. Для бесед пришлось выкраивать буквально минуты. О себе лейтенант говорил мельком, зато о товарищах рассказывал восторженно. Исповедь разведчика мне была близка и понятна, так как и моя красноармейская служба началась в Прибалтике накануне войны.

Нет-нет да и высказывал я Батурицу сомнение: не маршочки ли это труд — ворошить старое? «Стоит! — ободрял друг.— Считаю, что ты пишешь предисловие к боям нынешним».

Рассказы разведчика Андрея Жарикова

В конце сорокового года прибыл с предписанием в штаб Особого Прибалтийского военного округа. Располагался он в Риге. Штабной офицер предложил принять танковую роту. Кадровому военному не надо объяснять, что приказ положено беспрекословно выполнять. А в тот момент и сам не пойму, почему стал возражать, доказывать, что я вовсе не танкист. Взводом, ротой командовал. Но где? В инженерной части.

Штабист поморщился, проворчал сквозь зубы, что если лейтенант поет, как в роще соловей, то пусть шагает в автобат. Пусть будет из него и швец, и жнец, и на дуде игрец. А дальше будет видно.

Так я и попал в гараж, тут же в Риге. Оказался один среди сорока новеньких машин ЗИС-5. Каждая должна быть в любую минуту на ходу.

Однажды слышу:

— Товарищ лейтенант! Прибыл в ваше распоряжение! Я копался в моторе. Не отрываясь от дела, ответил:

— Бери комбинезон, приступай к работе.

Вытер руки, оглянулся, чуть язык не прикусил.

Передо мной стоял капитан-танкист. Побрит, наодеко-

лонен. Хромовые, сшитые по заказу, сапоги доведены бархоткой до ослепительного блеска.

Так судьба свела меня с капитаном Даховским.

Работа в гараже пошла веселее. Жили как братья. Вместе на службу, вместе в столовую, вместе в город. Ригу никогда не забудешь. Уютны ее площади и улочки. Здесь хорошо уживалась старина и наша советская новь. Все здесь есть: и паутинки трамвайных рельсов, и яркие, словно игрушки, автобусы, и вереницы извозчиков вдоль тротуаров. Помахивают хвостами застоявшиеся лошади, переступают с ноги на ногу. На дугах качаются колокольчики. Зазывают к себе пассажиров кучера в папах и тулупах, перетянутых красным кушаком.

Хочешь не хочешь — сядешь в карету на полозьях. Кучер возьмет с места в карьер, понесет по улице, что на тройке. Звенят бубенцы, стелется следом облачко снежной пыли. Покажет кучер Даугаву, ее правобережье, где испокон веков жили русские люди: плотгоны, кузнецы, столяры. У каждого такие золотые руки, что не сыскать на всем белом свете.

Рад-радешенек кучер, что пассажиры попались не скупые, что нашлось у них время посмотреть красу Риги — старый город, его замки, ратушу, биржу, церковь Петра, не забыли заехать в полыхающий огнями универсальный магазин.

Ходили мы с Даховским по проспектам Риги, было все так интересно, но приходилось отвлекаться, отвечать на приветствия военных. Красноармейцы, сержанты и старшины, увидев старшего по званию, переходили на строевой шаг, что было сил печатали подошвами сапог по мостовой. В ушах стучало, будто после взрыва гранаты. Младший, приложив ладонь к виску, с пунцовым от напряжения лицом ел глазами начальство. Так было положено по уставу.

А гражданский люд, пожилые рижане, девчата и парни — почти все восторженно смотрели на нас. Кругом ощущался праздник. Пестреют афишами рекламные тумбы. Аршинными буквами напечатаны слова: «Требуются!», «Проводится прием учащихся!», «Объявляется конкурс!» Афиши приглашают в оперу, Русский драматический театр, цирк. Там выступают лучшие мастера латышского и советского театра и цирка.

Вместе с рижанами, как мальчишки, радовались и мы. Пела душа. Пела оттого, что нам довелось принести радость народу новой республики, что хорошо сложилась

наша жизнь, что наша действительность обогнала мечту

В нашей с Даховским судьбе было что-то общее. Я был младше капитана лет на семь. После школьной скамьи учился в школе ФЗУ при Ростсельмаше. Потом рабфак, Новочеркасский политехнический институт, Ленинградское военно-инженерное училище.

Даховский, кроме учебных заведений, прошел школу легендарного танкиста Поля Матисовича Армана, Героя Советского Союза, удостоенного этого звания за мужество и отвагу в боях с фашизмом в Испании.

Даховский чуть что: «Андрей! Андрей!»

Как-то я сказал ему:

— Нехорошо получается. Вы меня по имени, а я вас по званию.

— Что это еще за «вы». Отставить! По отцу я Афанасьевич. Имя же мне поп дал очень чудное: А-и-ф-а-л! Язык сломаешь. Так что не смущайся, друг. Пусть я буду для тебя и для других просто Даховским, просто капитаном.

Вскоре Даховского назначили командиром автобата. Начали прибывать новобранцы. Водителей среди них кот наплакал.

В начале сорок первого года автобат перебросили в Литву, в город Паневежис.

Даховский жал на все педали, требовал: теорию автодела знать наизуток, водить машину так, чтоб можно проехать и вслепую.

К концу марта каждый красноармеец получил права для вождения автомобиля. А тут, как снег на голову, свалился приказ: автобат переформировать в разведбатальон 202-й моторизованной дивизии, создать три роты — мотоциклетную, броневедомостей, танковую.

Занятия проходили круглосуточно, в три смены. Когда Даховский отдыхал, мне было неизвестно. Не укладывалось в голове и то, как он находил время для дотошного изучения немецкого языка.

Что ни день — новая тема на занятиях: разведка на открытой местности, разведка в лесу, разведка дорог, мостов, переправ, организация засад, преодоление переднего края противника.

Все мы восхищались работой командира роты броневедомостей лейтенанта Бенья. Он в любую минуту мог пересест на танк, выполнять роль наводчика, пулеметчика, артиллериста. Стрелял он из любого вида оружия по-снайперски.

— Тебя, парень, мама, видно, лейтенантом родила? — шутил комбат.

Коренастый белорус, с густыми черными бровями, с хитринкой в глазах, ни чуточки не смущаясь, чеканил:

— Никак нет! Родился, как все, сопливым в 1915 году. Сопливым, но везучим. После школы — сразу в Саратовское военное училище. А после училища — во вверенный вам разведбатальон!

— Знакомы мне эти стежки-дорожки, — размышлял Даховский, — я ведь твой земляк, родом из Витебска.

— Знаю, знаю! — перебивал Бень. — В армии с двадцать девятого года. Начал военную службу в Борисове. Там и нагрязнула любовь, обворожила парня дивчина. Стал холостяк семьянином. Но понежиться с женушкой долго не пришлось. Попал на Ханкил-Гол. Красная Звезда — память о том сражении.

— Ну и хват ты, Бень! Знаешь про все на свете! — заключал Даховский.

— Так кто же мы, товарищ капитан? Разведчики!

Беня хоть хлебом не корми, только дай возможность совершить марш-бросок.

— Хороша Литва, — говорил после таких бросков Бень, — дух захватывает, когда мчишься среди холмов, перелесков, вдоль рек и озер. Поля, правда, не нашенские, клочковатые. И хутора — не белорусские села. Нет песен, не разливается гармонь.

Видел Бень Каунас, Клайпеду, Палангу с ее дюнами и золотистыми пляжами. Жалел, что не пришлось до сих пор искупаться в Балтийском море.

Грустные раздумья павалились на Бень при виде роскошных усадеб и особняков с островерхими черепичными крышами. Они стояли мертвецами за массивными чугунными оградами, с окнами, наглухо закрытыми ставнями. Похоже, что немецкая знать покинула эти места временно, что бежали они не за моря и океаны, а в Пруссию. Выходит, что фашист совсем рядом.

В батальон прибыл комиссар Дмитрий Трунов. Вел он себя как-то странно. Посещал, правда, классные занятия, бывал на полевых учениях. Но все молчком, молчком. Со стороны казалось, что он не торопится вступать в свою должность. Комбату не перечил. Видно, понимал, что негоже лезть поперек батьки.

Потом вдруг, как грибы после теплого летнего дождя, появились во всех взводах «боевые листки». Люди толпились возле них. Звали к себе не только яркие и броские

заголовки, но и то, о чем там со знанием дела говорилось: кто отличился, проявил смекалку, кто сплеховал; был и совет: на что следовало «поднажать».

Трунов будто заново родился. Привал, перекур — он тут как тут. Расскажет байку-сказку, усмехнется, отойдет к соседям, а ты ломай голову, к чему комиссарский сказ. Трунов первым заметит, что человек не в своей тарелке. Ответит в сторонку, выведает причину. Глядишь, и отлегло на душе красноармейца, развеялась тучка.

Комбату Даховскому везло на людей. Комиссар Трунов оказался тем человеком, который теперь надежно поддерживал комбата в его стараниях сплотить людей, научить их действовать, как в бою.

Командиры советовались перед каждой новой задуманной операцией по разведке, вечерами и ночами «подбивали» бабки, но все же выходило, что и у них не семь пядей во лбу.

Нежданно-негаданно появлялись в батальоне то начальник штаба дивизии Павел Федорович Батицкий, то заместитель командира дивизии Серафим Григорьевич Штыков. Нотаций они не читали, а шли вместе с комбатом и комиссаром к разведчикам. Натянув маскировочные халаты, участвовали они в вылазках по захвату «языка», работали в тылу «противника» на рации, выходили в эфир открытым текстом, передавали сообщения морзянкой, сидели часами в засадах и секретах, учили разведчиков наблюдать, передавать сигналы голосом. В такие минуты раздавались и писк, и рычание зверей, и птичьи переливы.

Полковники уезжали. Ребята и командиры, как ни пыжились, а звериный и птичий голоса у них не получались. Чесали после этого затылок, вспоминали пословицу: век живи, век учись...

Батицкий и Штыков отчаиваться не давали. Они не скупались на добрые слова, а на прощание все чаще и чаще говорили: «Меньше промашек, друзья. Они к добру не приведут. Времени для учебы у нас в обрез. Надо спешить, спешить!»

• Первого мая сорок первого года в городе, где располагался гарнизон, состоялся парад.

С треском и бензиновой гарью промчался мимо трибун наш разведбатальон. На большой скорости, выдерживая строй, шли мотоциклы ИЖ-25, «Харлей Давидсон», бронемашины БА-10, БА-20 на шасси, ГАЗ-ЗА, М-1, легкие танки Т-26, «Виккерс». После мотоциклов и бронемашин на площадь вступил танковый полк на новеньких БТ-7,

Т-8. За ним проследовали артиллеристы с гаубицами и зенитными орудиями образца тридцать восьмого и тридцать девятого годов. Они шли на тягачах СТЗ-НАТИ. Десятки грузовиков ЗИС-5 везли мотопехоту.

Трибуны восторженно встречали боевую технику, которой щедро одарил свою армию народ, радовались тому, что попала эта техника в руки людей храбрых, подтянутых, красивых.

Кому-кому, а нам-то хорошо было известно, какой ценной доставалась выправка. В казармах только ночевали. От строевых занятий, длительных маршей и учебных атак не просыхали за ночь гимнастерки.

После майского парада наступило лето, яркое, безоблачное. Расцветала черемуха, сирень, но мы ходили как пьяные не от запахов щедрого цветения, не от красоты буйно просыпавшейся земли. Ни одна майская и июньская ночь не обходилась без побудок. Тревожный сигнал горниста звучал в казарменных городках и палаточных лагерях. Беспokoйно стучало сердце, в голову лезла смутная и непонятная чертовщина.

16 июня начались дивизионные учения.

Дума у всех одна: не ударить бы лицом в грязь!

Экзамен на зрелость держали командиры всех рангов и служб, тысячи красноармейцев разных родов войск. Ожили карты в оперативных отделах штабов дивизии, полков и батальонов. Двинулись по намеченным стрелам мотострелковые полки, сопровождаемые танками. Инженерные службы возвели на пути наступающих рвы и надолбы. Притихли в засадах противотанковые пушки истребительного батальона. Расчехлены орудия зенитного артиллерийского дивизиона. Не замолкали зуммеры полевых телефонов. В эфир вышли радиопередатчики.

18 июня сорок первого года в разгар учений комбат Даховский, положив трубку телефона, раздраженно, что на него не было похоже, сказал:

— Шагай к комиссару. Есть какое-то особое поручение.

Трунов встретил шутливым вопросиком. Как, мол, у тебя, Жариков, проходит медовый месяц? Вспомнил, что в мае ездил я в Тулу, привез в Литву жену. Что жена, мол, твоя, Зоя Михайловна, молодец. С первых дней занялась активной работой в гарнизоне. На ее занятиях по изучению немецкого языка присутствовали не только командиры, но и красноармейцы.

Меня от этих воспоминаний комиссара бросало в жар,

хотелось послать его подальше. Нашел время чесать языком!

Трунов тут же изменил тон разговора.

— Не смущайся и не злись,— сказал он.— Мне тоже не до праздных шуточек. Был я на совещании у комдива. Дано указание во всех гарнизонах подобрать боевых командиров для эвакуации семей военнослужащих. Комиссар дивизии Хвалец посоветовал поискать молодоженов. В нашем гарнизоне Шедува поручаем эту операцию тебе. Твое личное дело в этой операции сочетается с общим, гарнизонным.

Козырнул: «Есть!»

А в голове тут же пронеслось: какие семьи? какая эвакуация?

Трунов вручил списки. В них были жены и дети разведчиков, саперов, зенитчиков.

На хлопоты ушли не одни сутки. Все как будто обошлось хорошо. Женщины и дети разместились в спальнях вагонов пассажирского поезда, следующего через Литву, Белоруссию в Россию. Людей, находившихся на моем попечении, подбадривал, никому не давал «раскисать». Когда состав тронулся, кольнуло в сердце, потемнело в глазах. Будь ты неладен, комиссар, придумавший и поручивший эту нелегкую миссию! Когда теперь свидимся, Зоюшка, женушка?

Занялась заря воскресного утра. Пора возвращаться в дивизию.

Водитель сиял. Дорога что надо: ни колдобины, ни выбоины. Как часы, бесшумно работает мотор его новенькой грузовой машины ЗИС. Не работает, а скорее всего напевает: «Домой! Домой!»

Впереди показалась станция Кейданы, а от нее до нашего гарнизона рукой подать. На платформе станции столпились большим табором женщины и дети. Шум, гам.

Водитель притормозил машину. Я, подняв руку, кричу в толпу: «Тихо! В чем дело?»

С большим трудом удалось всех угомонить. Женщины сбивчиво, наперебой объяснили, что пассажирский поезд стоит всю ночь. Паровоз отцеплен, укатил неведомо куда. Станционное начальство будто провалилось сквозь землю.

Пообещал, что найду со своими разведчиками тяпкиных-ляпкиных, выясню, в чем загвоздка.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Похоже, что день снова будет ясным, безоблачным. И вдруг, в один миг,

стало темно. Над станцией смерчем, на бреющем полете, пронеслись штурмовики. На огромных крыльях я разглядел белые круги, а в центре их черную свастику. Стервятники вернулись и начали кружить над станцией.

До бомб, подвешенных под брюхом штурмовиков, наверное, можно было дотянуться рукой. Они почему-то не отрывались от креплений. На землю обрушился град свинца.

Мои парни не растерялись. Мы брали в охапку обезумевших от страха мальчишек и девчонок, тащили их в подвалы станционных зданий. Такой трудной операции нам, разведчикам, еще не приходилось выполнять. Дети обхватывали шею ручонками. Можно было только дивиться, откуда брались у них силы: мы едва-едва расцепляли их ладошки в безопасном месте. Снова и снова бежали в пекло.

Штурмовики, сделав свое черное дело, исчезли так же внезапно, как и появились. Вся эта трагедия продолжалась считанные минуты.

Мы не заметили, когда и откуда подкатил к составу паровоз, как бегал по платформе, поторавливая пассажиров занять свои места, железнодорожник с зеленым флажком, как звякнул станционный колокол. Поезд с живыми, ранеными, а может, и мертвыми тронулся и скрылся за семафором.

Наступила тишина. В ушах гудело от этой тишины, не смолкал в душе крик детей, вопли и стоны матерей.

Уже в кабине грузовика мельком увидел себя в небольшом зеркальце: волосы на висках поседел. На душе было тревожно от вопросов: «Неужели такая участь постигнет и состав с женами и детьми из нашего гарнизона? Неужели фашисты повторят такую же зверскую, жестокую провокацию, какую совершили в Кейданах? Неужели и на этот раз выйдут сухими из воды? С чем, с какими вестями вернуться в гарнизон?»

Свой разведбатальон на зимних квартирах не застал. Нашел его в лесу. Сюда, в район Кельме — Кражай, ближе к границе перебазировались полки и штаб дивизии. Даховский сидел на пеньке возле палатки.

— Не ты ли, комбат, выбрал такие красивые места, — попробовал я через силу шутить. — Кругом сосна, прохладно и маскировочка что надо!

Вместо приветствия Даховский что-то сердито пробурчал.

Я осекся. Впервые с момента нашего знакомства Да-

ховский говорил со мною какими-то загадками. Сам задавал себе вопросы и сам же отвечал: «Что главное для разведчика? Главное — ясность обстановки!»

Мне с трудом удалось разговорить комбата. Оказалось, что 18 июня, когда я, по выражению Даховского, начал заниматься жевским вопросом, в штаб дивизии поступила шифрограмма. Следом за ней был издан приказ по дивизии.

В нем говорилось, что все подразделения приводятся в боевую готовность, но тревогу не объявлять. Иметь при себе положенные нормы носимого и возимого продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов. Немедленно отозвать в часть всех командированных и отпускников.

— Вот и сидим, ждем, как ждут у моря погоды, — заключил Даховский.

Сошлись на том, что будет ясность, будет и работа.

Ночью 22 июня сорок первого года рота бронсавтомобилей Бень выехала в учебную разведку.

Утром Бень докладывал, что до пограничного городка рота не добралась, вернулась не солоно хлебавши.

На подступах к городу встретил красноармейцев, бредут без командиров, бредут куда глаза глядят. Одного прихватили с собой. Сами слушайте его побасенки.

На голове парня поверх бинта с просочившейся кровью накинута фуражка с зеленым околышком.

— Лейтенант ваш, — начал парень, — за словом в карман не лезет. При встрече резанул так, что все сразу вспомнили и кузькину мать и где раки зимуют. Вы с него крепко не взыскивайте. Горяч, но делал все, как надо. Раненым немедленно оказали первую помощь. Вся наша братия по приказу лейтенанта мигом окопалась на высоте, держит под прицелом автостраду.

— Ближе к делу! — огрызнулся Бень.

— Не горячись, не перебивай, — успокоил Бень Даховский.

— Я из Таурге, — продолжал парень. — В этом городке мы несли свою службу.хлопотливо было по ночам, так как в три тридцать, точно по расписанию, у перрона станции останавливался экспресс Берлин—Москва. Ехали в экспрессе в основном люди с дипломатическими паспортами, поэтому тщательного досмотра личных вещей и багажа не проводили.

Минута в минуту прибыл поезд и нынешней ночью.

И тут же начался настоящий разбой, застрочили автоматы, многие из пограничников замертво упали на платформе. Следом за автоматчиками открыли огонь орудия. Леший знает, откуда они взялись. Снаряды рвались в штабе, казармах, складах с боеприпасами, парках с боевой техникой, санбате.

Раненым приказали выходить из этого пекла, в Тауроге идет бой.

Что это? Провокация? Сказать сам толком не могу, — развел руками пограничник.

В небе кружили фашистские бомбовозы.

— Какая уж тут провокация, — ответил с досадой Даховский.

Остались втроем: я, Даховский, комиссар Трунов.

— Пограничник, — размышлял комиссар, — не кривит душой. Во время его рассказа у меня мурашки по спине бегали. Не поведешь его в штаб дивизии. Засмеют, скажут: развесили уши разведчики, нашли «языка». Связывайся, комбат, с командованием дивизии.

Комиссар как в воду глядел. Беспокойно загудел зуммер телефона. Даховский снял трубку и тут же ответил: «Есть!»

Две группы разведчиков рванулись на бронемашинах с места в карьер. Бень — по направлению к Тауроге, комиссар — в сторону Балтики.

На этот раз Бень и Трунов действовали по принципу: одна нога здесь — другая там. Вернулись они почти одновременно.

Выяснилось, что в Тауроге идет оружейная и артиллерийская перестрелка. В то же время на шоссе Тауроге — Шяуляй появились немецкие танки, по дороге вдоль балтийского побережья в направлении Кретинги трещат колонны мотоциклистов.

Даховский усомнился: не померещились ли ребятам немецкие танки и мотоциклисты? Ведь у границы не голое поле, там уйма наших войск.

Время показало, что не померещилось.

В полдень Даховский читал перед строем приказ по дивизии. Это был, пожалуй, не приказ, как представляли его кадровые военные, сухой и строгий, в котором расписывалось от «а» до «я» кому и что делать. Это было обращение командования ко всему личному составу дивизии. Черным по белому было написано, что немецкие войска перешли Государственную границу СССР, начали захватническую войну против великого и свободного советского

народа. Своими неустрашимыми действиями овеет новой славой Знамена непобедимой Красной Армии!

Наступил второй день войны. Слова «Смерть врагу!» гудели в груди каждого, как набат.

На рассвете рота Бень вернулась с боевого задания.

— Устроил в немецком тылу засаду, — возбужденно докладывал Даховскому Бень. — Расколошматил колонну мотоциклистов. В другом месте подбил машины с пехотой противника. Движение застопорилось. Забегали немцы, как муравьи. Многих отправил на тот свет!

— Разбежались, как муравьи! — оборвал комбат Бень. — А «язык», документы где?

Так строго Даховский никогда не говорил с командиром роты.

Зачитали приказ по дивизии, второй после начала войны. Ставилась задача опрокинуть противника на рубеже реки Кражанте.

Комбат Даховский выделил разведчиков для сопровождения замкомдива полковника Штыкова в 645-й полк. Очевидцы позднее рассказывали о событиях второго дня войны.

Штаб полка размещался в только что сооруженных блиндажах, замаскированных хвоей. Докладывал Штыкову командир полка майор Стрельчук.

Штыков похвалил за то, что укрытия сделаны добротно, но плохо, что щелей возле штаба нет. Как же вы, Стрельчук, будете защищать командный пункт, если просочатся вражеские автоматчики? Сидите в блиндажах у телефона и рации. Связь, майор, конечно, первейшая вещь в сражении, но аппараты могут выйти из строя. Что тогда? Ждать, когда их исправят. Время будет уже потеряно. Надо видеть поле боя. Где наблюдательный пункт? Нет. Плохо. Очень плохо!

Тропкой в заболоченном лесу прошли в первый батальон, которым командовал лейтенант Александр Алов. Перед блиндажом на небольшой полянке возвышался свежий холмик земли. На дощечке, прибитой к колышку, химическим карандашом нарисована звездочка, а под ней надпись: «Сержант Карabanов Иван Иванович. Родился в 1917 году. Погиб 22 июня 1941 года»

Штыков обнажил голову.

— Карabanов... Карabanов... Он же мой земляк. На днях я разговаривал с ним. Есть городок в центре России Карabanово. Отец Ивана, как и мой отец, был слесарем. Мать Ивана, которую все называли тетей Грушей,

работала в одной смене с моей мамашей. Их ткацкие станки стояли рядом.

Глаза полковника повлажнели.

— Как же ты, земляк, сложил голову. Ведь с врагом мы еще не успели схлестнуться?

— Немецкий штурмовик кружился над нами,— пояснил комбат Алов,— поливал позиции свинцом, а Карabanов бил прицельно из винтовки по стервятнику. Немец, видно, засек его. Когда сержант чуть-чуть отвлекся, перезаряжал винтовку, пулеметная очередь прошла ему грудь.

— Не по уставу действовал ты, земляк,— сказал Штыков,— а по существу правильно. Надо, пожалуй, посоветовать во всех частях применять стрелковое оружие против самолетов. Обнаглели, негодяи, носятся почти над самыми верхушками деревьев.

Батальон окопался вдоль опушки леса. Впереди — широкая пойма, а за ней река. Вдоль левого берега реки тянется ленточка шоссе.

Штыков подсказал, чтобы несколько орудий поставили на прямую наводку, получше их замаскировали. Алову Штыков посоветовал держать связь с соседями. Если противник попытается вклиниться в оборону с фронта — его можно взять в клещи. Хуже, если он нащупает брешь на стыке с соседями. Тогда придется туго.

Штыков возвращался в штаб полка. В это время на западе, за рекой, поднялся гул. Он с каждой минутой усиливался.

— Гром среди ясного неба! — сказал ординарец.

— Если бы гром! — ответил Штыков. — Похоже, что начинается обработка нашего переднего края. Дивизионные разведчики еще вчера обнаружили на шоссе немецкие танки. Видно, здесь на Шяуляй готовит враг свой главный удар.

С наблюдательного пункта, сооруженного по совету Штыкова Стрельчуком, было хорошо видно, как над окопами нашего переднего края взметнулась земля. Тяжелые снаряды вырывали с корнем вековые сосны, песок засыпал окопы и траншеи. Не успели смолкнуть орудия, как появились немецкие самолеты. Они бомбили, поливали свинцом передний край обороны, набрасывались коршунами на наши зенитные батареи.

На какой-то миг наступила тишина, которую нарушил гул танковых моторов. Бронированные машины мчались к мосту на большой скорости.

— Мост, Стрельчук, пока не трогать,— сказал Штыков.— Пришло время поработать нашим орудиям на прямой наводке.

Перед мостом вспыхнул немецкий танк, в него врезались и запылали еще несколько машин. Черный дым от огромного костра, подхваченный ветерком, окутал дорогу.

Штыков проворчал:

— Устроили наши пушечки дымовую завесу на руку врагу. Теперь ему легче перестраиваться для нового броска. Думать, думать надо, Стрельчук. Нельзя давать врагу время для маневра!

Телефонист едва успевал поворачиваться, связываясь то с гаубичными батареями, то с минометчиками, то с танкетками. Приказы и просьбы передавал командир полка Стрельчук. Но только опытный глаз мог подметить, каким дирижером, чувствующим и предугадывающим события, был в эти минуты Штыков.

Наши гаубицы и минометы прикрыли все подступы к мосту плотным огнем. Вперед рванулись несколько наших танков, рванулись и застыли в засаде у переправы.

Копоть рассеялась. Предположения Штыкова подтвердились: немцы не дремали. Подбитые танки были опрокинуты буксирами в кювет. Дорога оказалась свободной для нового броска.

Танки на предельной скорости шли с небольшими интервалами. Их сопровождали автоматчики.

И вновь сказали свое слово орудия, стоящие на прямой наводке, и танки из засады. Подступы к мосту загрохотались горами горящего металла.

Вновь открыли огонь дальнобойные орудия врага. Снаряды больше не ложились плотной стеной, а рвались то в одном, то в другом месте. Это был признак того, что огонь с вражеской стороны ведется неприцельный.

— Похоже, Стрельчук,— сказал Штыков,— что бой, первый бой, мы выиграли. Надо навестить героев.

Наши танки стояли в засаде целы и невредимы. В батарее Дробяско, стоявшей на прямой наводке, покорежило орудие. Погиб политрук Иванов. Санитары перевязывали раненых. Кое-кто из них был на волоске от смерти.

Политрука хоронили со всеми почестями. У свежего котмика земли прогремел ружейный салют.

Шел третий день войны. Бень тяжело переживал упрек

Даховского. Как не прикинь, а комбат прав на все сто.

Во время учений красноармейцев наставляли: визуальные наблюдения, поиск хорош тогда, когда есть вещественные доказательства, когда разгадана тактика противника.

Теперь сам Бень постоянно искал ответы на вопросы, возникающие во время вылазок. Искал и не всегда их находил.

Об одном таком сомнении Бень поделился с Даховским.

— Немцы сыпят бомбы вдоль дорог. Как подкошенные, падают телеграфные столбы. Тут замысел противника ясен, он рвет связь. Но почему же штурмовики не пикируют на танки и бронемашинны на шоссе? В лучшем случае развернутся раз, другой, чесанут из крупнокалиберного пулемета, загонят в укрытие и улетают, будто натешились вдоволь.

Даховский заметил, что на потеху это вовсе не похоже. Стервятник никогда не оставит целехонькой и невредимой свою жертву. Тут другое: дороги, автострады немец хочет сохранить. Они нужны для техники, для маневра, для прорыва.

Если так, смекнул Бень, то немца калачом не заманить на рыхлый проселок, в низину. Надо, чтобы это намотали себе на ус все его ребята.

Неизвестно, докладывал ли об этом разговоре с Бенем Даховский начальнику штаба дивизии Батицкому. Только в тот же день командиры полков получили указание на танкоопасных направлениях рвать дороги, устраивать завалы.

Обстановка на переднем крае стала спокойнее. Люди знали, что враг теперь не может обрушиться на наши позиции как снег на голову, внезапно.

Разведчикам удалось распутать и еще один узелок.

Народ в штабе и в полках удивлялся тому, что бомбардировщики, идущие на большой высоте, почему-то неожиданно снижались почти до бреющего полета над лесными массивами в районе Шяуляя. Они кружили, как вороны, почуяв падаль.

Бень попросил разрешения прочесать лес. Вскоре в штаб батальона были доставлены три немецких сигнальщика.

— Поймали сукиных сынов в расположении полков, — возбужденно рассказывал Бень. — Я этих паразитов уже допросил. Действуют очень просто, как по Малинину-Бурнину. Белая ракета — находимся у цели. Красная

ракета — приступайте к штурму. Красные ракеты, сволочи, не успели еще пустить в дело.

Чуть позже ребята вдоволь поиграли немецкими ракетницами. Все получилось как по нотам: давали белые ракеты, потом красные. Фашисты с остервенением до заката солнца бомбили лес, где не осталось ни одной нашей машины, орудия, ни красноармейца.

Шел четвертый день войны. Ночью Бень выехал на операцию. Бронемашины с потушенными фарами ползли по пролескам, приближаясь к автостраде то в одном, то в другом месте. Частенько спешивались, шарили по кустам. Под утро наткнулись на танки и машины, похожие на штабные. Они стояли под откосом. Над поляной, подернутой росой, раздавался ядреный храп. Таким мертвецким сном, с музыкой, спят обычно с перепоя.

Бень приложил палец к губам. Разведчики поняли без слов, что поднимать пальбу, устраивать переполох не входит в планы командира роты.

Оттащили одного немца в форме офицера в кусты. Попробовали вставить кляп, но тот замычал, что корова. Пришлось трахнуть по черепу.

— Опять без «языка», — будто извиняясь, докладывал Бень Даховскому, — но есть планшет и карты.

— Карты тоже вещь! — ответил комбат.

В голосе Даховского звучала похвала.

Мне, начальнику штаба, комбат поручил немедленно доставить трофейный планшет полковнику Батицкому.

Вел мотоцикл с коляской мой связной Артур Балосанин. Парень управлял машиной, как игрушкой. В глазах его загорелся спортивный азарт, когда узнал, что ехать придется через Шяуляй. На такой трассе можно показать классную езду, промчаться с ветерком.

Шяуляй меня насторожил. Был погожий летний день, а на улицах городка ни души. Наглухо прикрыты ставни окон. Железные жалюзи спущены на дверях магазинов и лавчонок.

Артур переключил скорость. Мотор на малых оборотах работал почти бесшумно. Мне показалось, что где-то неподалеку не то спорят, не то веселятся немцы.

Артур рассмеялся: у голодной куме, мол, хлеб на уме, а у нас, разведчиков, немец, «язык».

Я знал и раньше, что Артур за словом в карман не лезет. Его любили в батальоне за веселый нрав, расторопность и находчивость. На таких людей в бою и разведке можно положиться — впросак они не попадут.

Сейчас в Шяуляе лихость, остроты связного показались мне неуместными, но я промолчал. Когда напрягаешь слух — может что-то и почудиться.

Но вот мы влетели на площадь и чуть не врезались в немецкие мотоциклы. Немцев возле них не было, они толпились у разбитой витрины, «снимали» пробу вин прямо из горлышка бутылок, хвалились друг перед другом: «Гут! Гут!»

Артур побледнел! Оцепенение его продолжалось какую-то секунду. Он осадил машину, дал газ и ринулся в переулок, оглянувшись: погоней вроде бы не пахло.

— Вот тебе и голодная кума, — проворчал я, — попали бы как кур в ощи!л!

То, что немецкие мотоциклисты оказались в Шяуляе, поразило не только меня и Артура. Услышав эту новость, начальник штаба Батицкий склонился над картой. Немцы могли проникнуть в город только из района Росейняй. Полковник тут же распорядился перекрыть для врага эту лазейку.

При нас выложил на стол Батицкий бумаги из трофейного планшета. Карты его очень заинтересовали. Он пошел с ними к комдиву, а нам приказал возвращаться в батальон.

Вечером Даховский объявил благодарность ротѣ Бенья за удачно проведенную операцию. Добытые разведчиками карты документально подтвердили, что в Литве действует немецкая группа «Север». В нее входят: 16-я, 18-я полевые армии, 4-е танковое соединение. На карте четко определено направление главного удара. Клинья стрел упирались в Шяуляй. Для командования дивизии, действовавшего на свой страх и риск, это было очень важно.

Ходил слух, что связь со штабом 11-й армии прервалась. Нельзя было похвалиться хорошими контактами с соседями. Разведчики по поручению Батицкого сновали, как челноки, то в стрелковую, то в танковую дивизии.

По этому поводу ворчали радисты: «Гоняют ребят туда-сюда, как будто у них нет дела поважнее. А мы на кой леший? Сидим, как у тещи на блинах!»

Ответить ребятам, которые лучше других понимали, что радиосвязь нужна как воздух, не мог впрямую даже я, начальник штаба батальона. Шифрованные коды из штаба армии обещали выслать еще в первый день войны, но их не было и поныне. Выходить в эфир открытым текстом строго-настрого запретили. Рации, что корабли в море, оказались без руля и без ветрил.

Сержант Потапенко, высланный в соседнюю стрелковую дивизию, вернулся ни с чем. Выходило, что наши полки, отражающие танковые удары врага на подступах к Шяуляю, обязаны еще думать о том, чтобы не оказался оплошным левый фланг дивизии.

В народе говорят, что не бывает худа без добра.

Порадовал нас комиссар Трунов, побывавший в 28-й танковой дивизии, которой командовал полковник Иван Данилович Черняховский. На участке фронта протяженностью шестьдесят километров ведут встречный бой около тысячи наших и немецких танков. Выведено из строя несколько пехотных подразделений врага, захвачено шесть тяжелых и двадцать четыре противотанковых орудия, несколько танков. В плен попал батальон немецкой мотопехоты.

Вечером была еще одна радость. По обычному радиоприемнику, который возил с собой комиссар Трунов, поймали московскую волну. Тут же пошел по рукам «боевой листок», размноженный под копирку. В нем крупно, печатными буквами, написали: «Москва сообщила! Все атаки противника на шяуляйском направлении отбиты с большими для него потерями! Столица, вся страна знает о наших делах! Ура!»

Шел пятый день войны. В штаб 28-й танковой дивизии вышел наш комбат Даховский. Ему поручили выполнить почетную и в то же время очень ответственную миссию — сопровождать на КП 202-й полковника Черняховского.

Комдив Горбачев, замкомдива Штыков, начштаба Батицкий встретили Черняховского как доброго, старого знакомого. В блиндаж не заходили. Расположились у раскладного столика в сосновом бору, раскрыли планшеты. Разговор, судя по напряженным лицам полковников, шел далеко не праздный. Черняховский, видимо, что-то уточнял, водя пальцем по карте. Потом резко провел ладонью по горлу, встал.

Полковники на прощанье крепко пожали друг другу руки.

После отъезда Черняховского полки дивизии стали менять позиции. Участок обороны 202-й увеличился вдвое.

28-я танковая выходила с передовой.

Тягачи тянули на тросах подбитые танки. Много бойцов в черных шлемах шли в пешем строю. Шли молча, не поднимая головы.

Бень встретил дружка, поговорил с ним по душам. Разговор тот был для Бени хуже горькой редьки. Долго

ходил он мрачнее тучи, потом поделился со мною своею горечью.

— Танкист рассказывал, что нагрязнешь на фашистов с тыла — бегут, как крысы с тонущего корабля. Только успевай коси огнем, дави гусеницами. Чуть прохлопал ушами, попал под прямой огонь пушки или даже крупнокалиберного пулемета, лобовой лист трещит, как парусина. Вспомнил танкист и про то, как на полигоне в Риге показывали Т-34, КВ. Картинки, а не машины. Вот если бы сесть на них, показали бы немцам, где раки зимуют.

Бень в сердцах сплюнул.

— Видел и я эти Т-34 и КВ. Конечно, картинки! Думаю, будут они у нас. А пока надо уметь действовать на том, что есть. Знали же люди слабинку своих машин. Разговор не раз шел о том, что надо ставить на лобовой части танка дополнительный стальной лист. Шел такой разговор. А теперь если бы да кабы!

Не стал я перечить Бенью. Про себя подумал: «Конечно, плохо, когда машут кулаками после драки. Но со счетов никогда нельзя сбрасывать даже одну костяшку. Иначе не сойдется дебит с кредитом. В Литву дивизия Черняховского вступила тогда, когда фашисты перешли нашу границу. В бой вступили без подготовки, прямо с марша. Тут уж было не до стальных экранов! Лицом в грязь танкисты не ударили.

В своем гневе Бень, пожалуй, прав. Усилить лобовую часть машин ныне не мешало бы и нам. Об этом стоит поговорить с Даховским».

Шел шестой день войны. Только теперь достоверно узнали, что Прибалтийского Особого военного округа больше нет. Создан Северо-Западный фронт. Штаб его находится не в Риге, а где-то здесь, в Литве.

Поступил приказ, чтобы 202-я отходила с боями на рубеж Даугавы. Приказ беспрекословно выполняют. Но вопрос, почему надо отходить, когда дела наши идут не так уж плохо? Этот вопрос, как заноза, не давал покоя не только мне.

Обстановка прояснилась, когда Даховский вернулся из штаба дивизии. Фашисты, оказывается, махнули рукой на Шяуляй. Танки врага нащупали брешь в обороне наших армий, рвутся к Даугавпилсу. 8-я армия отходит к Риге, 11-я — на Полоцк.

Разведбатальон прикрывает полки. Мы все время лицом к лицу с немцами. Рота броневых автомобилей и легких

танков устраивают ловушки для врага. Эти операции пока нам удаются, так как местность хорошо знакома.

Хуже в открытом поле. Здесь немецкие пикировщики не раз устраивали баню. Выход был один: ложились на спину и, как приказал Даховский, палили из винтовок и автоматов по самолетам. Не верили своим глазам, когда в один ясный день в небе полыхнуло пламя, раздался оглушительный взрыв, а вслед за ним полетели щепки немецкого бомбардировщика. От воздушной волны потеряли управление сопровождавшие его три немецких самолета, они грохнулись на землю недалеко от нас.

Мы, как очумелые, кричали «ура!».

Вытащили из пламени летчиков, все мертвые. Один из них — полковник. Планшеты уцелели, скорее подальше унесли их от греха — от взрывов. Сердца стучат не то от бега, не то от радости: не было еще у нас такого улова!

Мне достался бинокль и компас фашистского полковника.

— Теперь, лейтенант, разглядим врага, с пути не собьемся, — хохочут ребята. — Обмыть трофеи требуется, чтобы отбить немецкий дух.

Комбата Даховского вызвал полковник Штыков. Оказалось, что комдив Горбачев принял решение создать отряд мотопехоты с пушками на тягачах. Теперь уже нет секрета, что враг рвется к Даугаве, Риге, Крустпилсу, чтобы предупредить полки дивизии. Отряд будет держать оборону на господствующих высотах, встречать немцев, как положено, драться до последнего патрона и снаряда. Штыкову требуются опытные разведчики.

Долго судили-рядили по этому поводу с Даховским и комиссаром Труновым. В конце концов сошлись на том, чтобы выделить Штыкову разведчиков во главе с младшим лейтенантом Лебедевым. Парень молодой, смысленный, исполнительный.

Мы тепло проводили разведчиков Лебедева, пожелали им: «Ни пуха ни пера!» Ребята ответили, как по команде: «К черту!» А позже нам поведали печальную историю.

Путь отряда лежал через большой лесной массив. Разведчики шли в боевом охранении, за ним на положенной дистанции двигался трофейный «оппель» со Штыковым и начальником штаба 645-го полка Кожуровым. Вел «оппель» адъютант Штыкова Завьялов, которого все в дивизии знали как смелого, бывалого парня.

В лесной чаще у развилки Штыков резко, но негромко сказал: «Стоп!»

Машины боевого охранения, судя по отпечаткам шин, свернули влево. А по дороге справа, прямо на «оппель», перлились немецкие грузовики с пехотой. Остановился «оппель». Остановились и немцы, приняв легковую машину за свою.

Штыков сидел, как будто ничего не случилось. Полковник смотрел в сторону немцев и, не поворачивая головы, спокойно сказал, чтобы Завьялов прикрыл его огоньком.

Завьялов залег под крылом «оппеля», полоснул из автомата по головному немецкому грузовику. Штыков в этот миг был уже в кузове грузовика, следовавшего за «оппелем», и навел на цель зенитные пулеметы. По команде Кожурова развернулись тягачи. Противотанковые орудия били по немецким машинам почти в упор. Немцы спешили. Завязалась перестрелка. Бой затягивался, он грозил большими потерями.

К счастью, в тылу у немцев раздалось «ура!». В атаку шли люди из боевого охранения. Пленных допрашивать не пришлось, ни одного немецкого офицера и солдата не осталось в живых. Были сожжены и разбиты тридцать машин. Вроде бы успех, после которого можно потирать руки. Штыков тем не менее крепко выдал «на орехи» командиру боевого охранения Лебедеву.

— Порхаετε, младший лейтенант, как на прогулке! Кто вместо вас будет знать, что творится по нашему пути следования справа и слева? Тетя?

Эта оплошность тяжелым камнем легла на сердце младшего лейтенанта. Он жил отныне только тем, чтобы как можно скорее и во что бы то ни стало реабилитировать себя перед командиром отряда, оправдать репутацию хорошего разведчика.

В тот же день боевое охранение напоролось на засаду. Следовало немедленно доложить об этом Штыкову. Лебедев решил, не откладывая дела в долгий ящик, своими силами расчистить путь отряду. Ребята ввязались в бой, не зная, чем располагает враг, и погибли.

Война не скупилась на суровые уроки.

Штыков во время похорон был немногословен:

— Вечная вам слава! Мы не забудем вашей беззаветной храбрости!

Прогремел салют.

— Мы, живые, — продолжал Штыков, — обязаны умом

и сердцем понять, что грош цена храбрости, если нет знания воинских уставов, выдержки и смекалки.

Шел седьмой день войны. Начальник штаба дивизии Батицкий связался с Ригой. Комендант города просил подбросить подкрепление. наших войск в городе нет, есть только курсанты военно-политического училища. Ребята с ног сбились. После бомбежек тушат пожары, занимаются эвакуацией семей военнослужащих, несут караульную и патрульную службу. В городе орудует пятая колонна. Курсантов ночью обстреливают из автоматов. Не удается обнаружить и уничтожить пулеметные гнезда, оборудованные в кирпичных зданиях при въезде и выезде из города.

Рига выглядела в эти дни притихшей и как бы затаившейся. Даже днем не открывались ставни окон, пустовали ларьки и лавчонки, которых не перечесть на каждой улочке и где совсем недавно полным-полно было всякой всячины, а услужливые приказчики не отступались от посетителя до тех пор, пока в его руках не оказывалась хотя бы копейная покупка.

На улицах совсем не видно штатских. Изредка отдают честь курсанты. У них воспаленные глаза, видно, не спали ребята уже много дней и ночей, так как караульная служба тут же сменялась патрульной.

Бомбардировщики врага с наступлением светлых сумерек черными стаями плывут над крышами домов. Сигнальщики, как регулировщики, сидят на чердаках, указывая воздушным разбойникам цели. Бомбы рвутся в районе аэродрома, порта, на рейде Рижского залива. Мосты, площади, улицы города враг не трогает.

Курсанты скрипят зубами, провожая взглядом воздушных пиратов, костят на чем свет сигнальщиков, возмущаются тем, что связаны по рукам и ногам, так как приказано не открывать ответного огня, даже тогда, когда в тебя стреляют из подворотни.

Рота Бенья поступила в распоряжение коменданта.

Как только в комендатуре раздавался тревожный звонок, броневики получали задание — на операцию.

В каменном колодце улиц и переулков разведчикам приходилось действовать впервые. Все здесь было не так, как в лесу и в поле, всё за семью печатями. Я помогал ребятам всем, чем мог. Чаще всего нужно было как можно быстрее и безопаснее доставлять их до места, указанного комендантом. Машины шли плавно, стараясь не нарушать почной тишины.

Вот и нужная улица. Кругом сонное царство. Кое-кто ворчал: померещилась, мол, цивильным стрельба.

Бень просил включить фары. Луч шарил по тротуару, стенам домов. От яркого света ломило в голове. Экипажи хорошо помнили наказ командира — в любом случае не спешить, не лезть на рожон. Вот и сейчас от снопика лучей щурились, протирали глаза. Бень, пожалуй, был самым зорким. Он замечал свежую щербинку, одну, вторую. Щербинку на тротуаре, на камне фундамента. Не выходя из машины, он что-то бормотал про себя, говорил про какой-то угол падения, угол отражения. Оживлялся, почесывая затылок, будто решил задачу с иксами и игреками, хлопал по плечу пулеметчика:

— Дай, друг, очередь. Бей поверх крыши.

В наступившей после выстрелов тишине Бень, приложив ладони ко рту, как через мегафон, предупреждал:

— Сдавайтесь! Иначе буду крыть по этажам, начиная с первого, кончая последним.

Тишина. Будто все в доме повымирали.

— А ну, еще очередь. Не жалей ленты!

Распахивалась парадная дверь. Испуганные насмерть старики и старухи толкали кого-то к бронемашине, просили:

— Не надо больше огня! Берите мерзавцев!

Мерзавцы шли впереди толпы, подняв руки.

Жители показывали, где стоит пулемет, где припрятаны ленты и гранаты.

Облавы удавалось проводить бескровно. Комендант города не раз отмечал, что так умело могут работать только люди, постигшие до тонкостей воинское мастерство, имеющие в груди настоящее человеческое сердце.

Тревожные звонки в комендатуру раздавались все реже и реже. Пятая колонна оказалась не тем страшным чертом, каким ее малевали обыватели. Ребята Бень сделали свое дело, в городе стало спокойнее.

Шел восьмой день войны. Отряд Штыкова успел упредить немцев, которые рвались к переправам через Даугаву.

Пошли в ход ломики, лопаты. Рыли окопы, укрытия для пушек и бронемашин. Колышками наметились будущие ходы сообщения, блиндажи.

Наблюдатели в этот момент обнаружили, что на западном берегу, прыгая чуть ли не на ходу с грузовиков, развертывалась в цепь немецкая пехота. Это известие не смутило Штыкова, обстановка буквально в считанные

минуты изменилась к худшему. Из-за горизонта волна за волной наплывали бомбардировщики врага.

Берег вздыбился. Вода в реке закипела.

Немцы захватили плацдарм на нашем берегу. После бомбовых ударов фашисты выползали, как черви из земли.

Начальник штаба 645-го полка коммунист Кожуров повел людей в штыковую атаку. Чего-чего, а штыка враг не выдерживал, с плацдарма он был опрокинут в воду.

Снова и снова фашисты перепахивали бомбами наш берег. Наступало минутное затишье, после чего рокотали моторы немецких танков. Машины с десантами на борту рвались через переправу.

Почти в упор били по немецкой броне наши орудия. Поднимал в контратаку своих людей Кожуров. Немецких танкистов, открывающих люки, задыхающихся от гари, загоняли в глубокие воронки и, замахиваясь прикладами, наказывали, чтобы сидели там и ни гугу: пригодятся для допроса.

В пылу сражения не заметили, как перестали ухать наши и вражеские орудия, как затихла перебранка автоматов и винтовок. Кожуров, добравшись до первого попавшегося полевого телефона, докладывал Штыкову:

— Подбито семь немецких танков, три броневика, легковая машина, есть карты и какие-то штабные бумаги. Пленных и убитых еще не считал!

— Потери? — спросил Штыков.

Кожуров прикусил язык. Повторно вопрос в трубке не прозвучал.

Полковник стоял на поле боя, обнажив голову. Всем, оставшимся в живых, без слов понятен был упрек замкомдива: «Такой дорогой ценой нельзя оплачивать встречный бой. Все еще впереди!»

В небе появился одинокий немецкий самолет. Держался он на солидном расстоянии от земли. То летит, то зависнет в воздухе. Били по нему бронебойными патронами, огрызались наши зенитки, но самолет будто не замечал выстрелов. Нагулявшись вволю в безоблачном небе, не причинив нам неприятностей, самолет испарился.

Вскоре загудели в небе моторы тяжелых машин. Люди выбирали надежные укрытия, ожидая очередную бомбежку. А вместо бомб в небе раскрылись сотни парашютов, они спускались в нашем ближнем тылу.

Такого нам не приходилось еще видеть.

В разведбатальоне на месте оказался лишь взвод бронемашин сержанта Потапенко. Даховский, приложив

kozyрьком ладонь ко лбу, шевелил губами. Похоже, он подсчитывал купола. За десантом в небе следили и разведчики.

— Кончай арифметику! — сказал Даховский. — Потапенко! Задача тебе ясна?

Машины рванулись к месту приземления десанта. Фашистов расстреливали в воздухе, давили колесами в тот момент, когда парашюты еще не были погашены. Как на зло, зачихали моторы машин: в баках кончилось горючее. Потапенко готов был кусать локти. Лезть на рожон рискованно. Хочешь не хочешь, а давай команду кончать бой. Уцелевшие фашисты скрывались в зарослях, добыча ускользала из рук.

Потапенко на чем свет костерил заправщиков, которых не оказалось на месте.

Не меньше сержанта разозлен был и Даховский. Но, как всегда в трудные минуты, он взял себя в руки. Ушел с глаз от людей в палатку. Появился вскоре сердитый, но собранный. Чертыхнулся. Без начштаба, мол, как без рук. Не разведчики, а слепые котята. Проглядели, не заметили, что под самым боком разведбатальона даже на гражданской карте значится нефтебаза. Наши бензовозы укатили по привычке в поисках горючего за тридевять земель.

Потапенко разыскал ту базу без большого труда. Разыскал, да не все пошло быстро и гладко, как хотелось.

Кладовщик уперся: «Без накладных не дам ни грамма, хоть режь! Вы люди военные, а я гражданский! У меня свое начальство. Самовольничать не дам!»

— Зачем резать? — услаждал кладовщика Артур Балосанян. — Зачем самовольство? Мы гости. Гостей приглашают в дом, а ты, друг, растерялся у порога. Не надо нам ни сливочного масла, ни французских булок, хотя и проголодались, не отказались бы от угощения. Бог простит тебя за скупость. Наши животы потерпят. Машины, машины, друг, просят есть! Врага надо добивать!

Не мытьем, так катаньем Балосаняну все-таки удалось уговорить кладовщика. Баки заполнили до отказа. Можно было бы прихватить бачки с горючим и маслом про запас. Тут кто-то крикнул: «Немцы!»

По автостраде, к нефтебазе, шла колонна немецких танков.

Кладовщик схватился за голову, простонал:

— Скупился! Для кого? Своих? Теперь пусть все горит синим пламенем!

Нефтебазу подорвали.

Бронемашины Потапенко прочесали лес, где скрылись остатки воздушного десанта. Привели пленных.

Вечером перед строем батальона комиссар Трунов сказал:

— Полковник Штыков за инициативу и находчивость в борьбе с десантом противника просил объявить разведчикам сержанта Потапенко благодарность.

Весть эту встретили дружным «ура!».

— За инициативу и находчивость, — повторил, растягивая слова, Трунов. — Это теперь главное. Враг прет с фронта. Он же готовит удар в спину. Мы с вами — глаза и уши командования. Глаза и уши! Не дадим пакостить врагу! Пусть полки уверенно бьют фашистов!

Шел девятый день войны. Комбат Даховский выполнил важное поручение. Установлен контакт со штабом 28-й танковой дивизии. Штыков встретился с комдивом Иваном Даниловичем Черняховским.

Прошла всего неделя после встречи Штыкова и Черняховского под Шяуляем. Неделя, а она, наверное, показала полковникам, как и нам, вечностью.

Обстановка на фронте резко изменилась. Сплошной линии обороны больше нет. Жестокие схватки чаще всего завязываются на водных рубежах и господствующих высотах. Теперь уже никого не удивляет, когда на флангах вдруг появляются немецкие танки, когда раздается пулеметная и автоматная стрельба в наших ближних тылах. Мотострелки и танкисты учатся сражаться с врагом в условиях круговой обороны. Слов этих не слыхивали ни командиры, ни красноармейцы на тактических учениях или в первых боях.

Не такие мы были тогда тузы, чтобы знать, о чем говорили между собой Черняховский и Штыков. Только после визита Черняховского нам, разведчикам, стало доподлинно известно, что командование нашей дивизии выделило в распоряжение Штыкова большой отряд мотопехоты и поручило ему работать в тесном взаимодействии с танкистами Черняховского.

Это взаимодействие началось в тот же день. Фашисты захватили переправу у Индианы, рвались к Мадоне.

Мотострелки Штыкова и танкисты Черняховского подготовились встретить противника на опушке леса севернее Льеграде. Орудия и танки укрылись для стрельбы прямой наводкой, ошетинились станковые и крупнокалиберные пулеметы.

Танкисты шутили: «Долг, ребятки, платежом красен.

Вы нас крепко выручили под Шяуляем. Настал день вместе дать жару фашистам возле «святой Мадоны»!».

Немцы не заставили себя ждать их: операция развивалась по знакомому нам сценарию. Плавал в небе костыль-разведчик. Кромсали землю бомбы. Шли в атаку танки с десантами на борту. Огонь наших артиллеристов и танкистов Черняховского был плотным и точным. Горели вражеские танки, секли немецкую пехоту пулеметы, а фашисты все перли и перли. Не обошлось без рукопашных схваток. Не раз появлялся в самых жарких местах Штыков. Следил за ходом сражения Черняховский.

Прорваться к Мадоне врагу не удалось.

Веселее пошли дела в разведбатальоне. Возвратилась из Риги рота броневладельцев Бенья. Даховский, не успев обнять меня, сказал: «Тебе, начштаба, и карты в руки! Действуй!»

Бень тут же выехал на операцию. Ему удалось поджечь два танка, подбить четыре транспортера. Один транспортер разведчики притащили в батальон на буксире.

Истосковавшись по любимому делу, мы с Даховским, засучив рукава, копались в трофейной машине. Кое-что сварили, кое-что заменили. Комбат нажал на стартер, присвистнул от удовольствия: «Крутится, вертится!»

Этот трофей сослужил нам хорошую службу.

Бень, выезжая на задание, пристраивал немецкий бронетранспортер к отряду своих бронемашин. На развилке дорог в тылу врага укрывал свои машины, а сам, натянув трофейную робу, оставался у немецкого вездехода, ходил с ветошью, протирал борта, драил черный крест.

Проезжали мимо немецкие велосипедисты, кричали: «Гут, гут!» Трещали мотоциклы противника. Бень пристраивался в хвост, догонял замыкающего, не вылезая из кабины, манил его пальцем к себе. Солдат вытягивался в струнку, выбрасывая руку, горланил: «Хайль!» Бень тягивал его за шиворот в машину, давал хороший огонек вслед колонне.

«Язык» приходился очень кстати.

Но не все и не всегда шло гладко. Молоды-зелены были еще ребята.

Взвод сержанта Ивана Потапенко нес патрульную службу в наших ближних тылах. На проселочной дороге разведчики повстречались с крестьянами, ехавшими верхом. Никому и в голову не пришло остановить людей, спросить, куда держат путь.

Потом засомневались: сидят мужики на лошадях без

седел, в парусиновых рубахах и штанах. Спешат, прищипывая кобыл каблуками сапог.

— Мать честная, — спохватился Потапенко, — как же я прохлопал, что голенища сапог прикрыты у мужиков штанинами!

Поймали тех мужиков. При них оказались карты, карманные фонарики с переключением на белый, желтый, красный цвет.

Мужиков заставили поработать фонариками.

— Настоящая морзянка, — заключил Потапенко, — сгодится!

Сигнальщиков доставили Даховскому. Они признались, что высадились с десантом.

Под Мадоной порадовал нас хороший друг воентехник Василий Слесаренко. Мы готовы были целовать, качать парня, выручившего нас из трудного положения. Снаряды мы считали уже на штуки. Того и гляди, что вот-вот совсем сядем на мель. И вдруг прибывает машина, до полна загруженная ящиками. Вышло, как в той пословице, что «не было ни гроша, да вдруг алтын»!

Только тогда дошло до меня, что есть, оказывается, в дивизии люди, у которых забот и трудностей не меньше, чем у нас, разведчиков. Чем бы кончались бои, операции, какой они кровью доставались без снарядов, патронов, горючего, масел, пищи?

Помнится, с какой теплотой рассказывал Василий Слесаренко о замкомдиве по тылу майоре Заикине, начальнике артиллерийского вооружения дивизии майоре Савельеве, замкомдиве по технической части полковнике Смирнове, начальнике автослужбы капитане Кудрове.

Горькую пилюлю пришлось проглотить работникам тыла дивизии в первые же дни войны. Колонну автомашин отправили за боеприпасами, продовольствием и горючим. Колонна ушла и не вернулась, будто провалилась сквозь землю. В армейские склады и базы нельзя было совать носа, так как они оказались под пятой врага. Тылы фронта передислоцировались и находились неизвестно где, наверное, за тридевять земель.

Весь комсостав тыла, водители на свой страх и риск совершали рейсы то в один, то в другой конец, чистили под гребенку все, что оставалось на заброшенных зимних квартирах частей, на фронтовых дорогах, железнодорожных станциях. Могло на первый взгляд показаться, что такое самоснабжение — безнадежное занятие. Но пока что ни одно подразделение не сидело на голодном пайке.

Василию Слесаренко мы сказали тогда:

— Спасибо всем вам за добрую службу. Легче стало на душе, когда узнали, что в нашей дивизии есть надежный тыл!

Шел десятый день войны. Под Крустпилсом погиб, попав под огонь немецкой засады, замкомдив по технической части Смирнов. Тело его осталось в тылу у немцев. Комдив приказал разведчикам вывезти останки командира.

Для такого святого дела нужны были добровольцы. Их оказалось много.

— Разрешите мне, — попросил Бень. — Трофейный немецкий вездеход — хорошая маскировка, тем более ночью.

К утру Бень благополучно возвратился.

Полковника Смирнова опустили в могилу под звуки салюта. Живые отдавали последнюю воинскую почесть погибшему: сраженный должен спать в земле, на которой дрался до последнего дыхания. Живые не забывают погибших. Это — закон нашей новой, суровой, воинской жизни!

На полевых картах есть уже Псков и Остров.

Я, курсант Ленинградского военно-инженерного училища, бывал в этих местах. Мы дотошно изучали псковский и островский укрепленные районы. Долговременные оборонительные сооружения — образец, последнее слово инженерной военной фортификации. Рукотворные бетонные колодцы едва ли можно было сокрушить даже огнем осадных орудий. Между скалами-колодцами — цементированные хода сообщения. На холмах, с которых открываются неоглядные дали, дзоты, к которым ни подойти, ни подползти ни днем ни ночью.

Верил я и убеждал в том других, что именно здесь будет та преграда, где мы не только остановим, но и сокрушим наглого врага.

Наши ребята, совершая глубокие разведывательные рейды, видели своими глазами Псков и Остров. Эти города стоят на прямой, как стрела, автостраде Витебск—Опочка — Кингиссеп, автостраде, которая проложена вдоль прежней границы с Латвией и Эстонией.

Псков познал уже бомбежки и пожары. Остров — целехонек и невредим.

Наступил июль. Утро первого воскресного дня застало группу Бенья в Острове.

На зеленых, тенистых улочках полным-полно девчат.

Того и гляди ослепнешь от цветастых ситцев. Шагают цепочками, локоть к локтю, ровняют шаг. Того и гляди бросятся на разведчиков в атаку. Глаза озорные, что сверла. От этих глаз бросает ребят то в жар, то в холод. Так бы и пристыдил: «Ведь война, беда на нашей земле!» А глаза отвечают: «А вы на что? Мы за укрепленными вами валами, как за каменной стеной».

Гремел на площади репродуктор. Казалось, что он вот-вот надорвется, лопнет от маршей духовых оркестров. Неожиданно, как по команде, музыка стихла. Что-то брякнуло там, в Москве, у микрофона. Началась речь-обращение.

Суровые, по-отечески теплые слова вернули всех к жестокой действительности.

Город словно вымер. Не замолкал лишь репродуктор: песни звали к борьбе.

Уже много дней над шоссе Остров — Псков с утра до вечера висели немецкие бомбардировщики. В замысловатые спирали скрутились телеграфные провода. Канавы вдоль дорог забиты беженцами, скошенными огнем из вражеских крупнокалиберных пулеметов с воздуха.

По злой судьбе Остров остался островом в эти тяжелые июльские дни. Прошел слух, что где-то поблизости высадился воздушный немецкий десант. Военком перекрыл шлагбаум. Все военные, державшие путь на запад, спешили. Гарнизон пополнился людьми, имевшими добрый запас гранат, патронов. Все мобилизованы на поиски десанта. Ночь попутала все карты.

Утром навстречу солнцу полетели стаи фашистских самолетов. Вспыхнули факелами нефтехранилища, черные клубы дыма потянулись в поднебесье. С треском горели деревянные постройки. От огромного костра пылали щеки красноармейцев.

Остров сопротивлялся. Противник почему-то прекратил лобовые атаки. На месте адского побоища наступила зловещая тишина. Это было какой-то загадкой, хотя с резкими переменами в намерениях противника многие подразделения сталкивались и раньше. Мы получили от командования задание на глубокую разведку. Оказалось, что и на этот раз фашистские танки в стыках дивизий нащупали слабое место. Враг был уже за Псковом и нацеливался на Лугу. Остров стал глубоким тылом. Полки отходили на новые позиции.

После Острова я уже не вел счет дням войны, понимал, что она не кончится ни завтра, ни послезавтра.

Сольцы. Перед нами река Шелонь. Рядом город Сольцы. Помнится, из уроков истории, что этот русский город внесен в летопись еще в 1300 году.

Здесь нет порохового дыма, пожаров и пепла.

После начала войны мы впервые по-настоящему видели, чем живет земля. На лугах разноцветье трав, которые ждут косарей. Пошли в трубку хлеба. Пора готовить косилки, комбайны, пора думать о жатве, но людям не до этих трудных и радостных летних забот.

У райвоенкомата толпятся остриженные под машинку мужики и парни. Люди, выходящие из кирпичного здания, поступают в распоряжение командиров. Вид у командиров далеко не парадный: воспаленные от бессонницы глаза, белые, хрустящие, как битое стекло, гимнастерки, пропитанные солью.

Голос у командиров прежний, довоенный, волевой, резкий, от которого у новобранцев сердце екает. Раздаются команды. Их мы, военные, хорошо помним по плацам в казарменных городках. Штатские строятся по ранжиру. Называются номера полков, повзводно, поротно строй покидает площадь.

Старые и молодые женщины и ребятишки идут конвоем справа и слева от колонн с застывшими, окаменевшими лицами. Разум еще не может объять того, что происходит. Слезы и рыдания вырвутся из глаз и груди потом, когда старшие вернутся с оравой ребятишек домой и поймут, что в этих стенах не стало отца, брата, жениха, не стало сильных мужских рук.

Дивизия получила приказ занять оборону на восточном берегу Шелони. За лентой реки дорога Порхов — Псков, по ней отходят наши войска. По обочинам бредут беженцы. Скрипят телеги. Надсадно мычат коровы, рвутся на зеленый луг, но не позволяет веревка и петля на шее.

Давно не было дождей. Солнце, будто по сговору с врагом, казнит землю, животных и людей. От нестерпимого зноя у штатских и военных туманится рассудок. Люди то и дело падают в обморок.

Над дорогой поднялся шлейф серой мглы, по нему фашистские стервятники безошибочно определяют маршрут движения войск и беженцев. Рвутся бомбы, вливается в землю свинец из крупнокалиберных пулеметов. Враг не щадит ни женщин, ни детей.

Легче сражаться, умереть в бою, чем видеть этот разбой.

Слава богу, что для нас нашлась работа. Даховский

получил приказ вести разведку в районе Порхова и Дна. Вылазки совершаем днем и ночью. Самые ответственные задания Даховский поручает Бенью, вместе с ними не раз выезжал и я.

Бень загорался, когда засада была удачной. Он посы­лал снаряд за снарядом по танкам и машинам с пехотой врага и поражал цель почти всякий раз с первого выстре­ла. Паника среди врагов разжигала азарт парня, и нелегко было привести его в чувство, охладить, доказать, что пора менять позицию.

В те дни Бень уничтожил шесть немецких танков, вывел из строя порядочно мотопехоты противника. Однако горяч­ность, ненужная лихость подвела парня — его ранило осколком снаряда в голову.

Фельдшер запретил Бенью водить машину, но Алексей не усидел, уехал на своем броневике с забинтованной го­ловой, без шлема.

Где-то под Порховом по дороге, еле волоча ноги, шла толпа женщины и стариков с лопатами через плечо.

— Никак хоронить кого собрались? — спросил озабо­ченно Бень. — Этакой оравой в самый раз братскую могилу рыть.

— Не торопись, Алексей, — сказал я ему. — Кажется мне, что не по своей воле плетутся люди: перешептываются, секретничают, оглядываются с опаской.

Едва толпа миновала нашу засаду, как мы увидели, что за ней на небольшой дистанции шагали солдаты с авто­матами наизготове.

Бень саданул из пулемета, ни один из конвоиров не сумел даже выстрелить.

Алексей вышел на дорогу. Не успел он охнуть, как сот­ни рук подхватили его, свалили с ног и начали качать. С трудом освободившись из этого плена, Бень спохватился:

— «Языка» опять нет!

Молодуха покати­лась со смеху:

— Язык ему понадобился! А губы мои на что? Дай-ка я обниму тебя, соколик мой ясный!

Бень, обхватив руками забинтованную голову, шмыг­нул в машину.

Молодуха развела руками, подосадовала:

— Испугался, броней прикрылся. Видать, еще не цело­ванный, не обласканный!

От людей мы узнали, что гнали их строить переправу.

Значит, снова попахивает немецким танковым тараном.

Вместо «языка» доставили в батальон кучу документов убитых и оружие.

Большая удача выпала и на мою долю. С отрядом в шесть человек на мотоциклах мы выехали на разведку в район станции Дно. Это был уже глубокий немецкий тыл. Передвигались с большой осторожностью: впереди головной дозор, справа и слева боевое охранение, в конце отряда замыкающий. В кустарнике на возвышенном месте устроили наблюдательный пункт.

На дороге ни души. Сидели в засаде несколько часов. Хотели было уже сниматься, как услышали треск мотоциклетного мотора.

Гонец ехал на предельной скорости. В кювете находился сержант Реутов. Как и было условлено, он пустил очередь из автомата по колесам мотоцикла, и тот, перевернувшись несколько раз, оказался на обочине.

Фельдфебель лежал без сознания, синяков и ссадин было на нем, как после хорошей кулачной потасовки. Мы облегченно вздохнули: «Язык» есть!»

Фельдфебеля в коляску и на всех парах в часть.

«Языка» пытался привести в чувство фельдшер, но ни нашатырный спирт, ни водка, которую пытались влить в глотку немцу, не помогали. Тут кто-то из ребят обнаружил зашитый в кителе немца пакет, его немедленно передали комбату.

— Сургучная печать. Гриф «секретно». Это же вещь! — потирал руки комбат. — Хрен с ним, с вашим «языком»!

Документ этот, как нам стало известно позднее, немедленно переправили в штаб 11-й армии. В нем содержался приказ немецким частям развивать стремительное наступление на Сольцы и Новгород, поскольку правый фланг русских оголен и его не следует принимать в расчет.

В середине июля земля под Сольцами гудела несколько дней: в наступление перешла 11-я армия.

В эти дни сослужило свою добрую службу озеро Ильмень. Канонерские лодки и катера надежно прикрыли тот слабый фланг наших войск, о котором толковали немцы. Стежки-дорожки к Старой Руссе, Шимску и Новгороду оказались на крепком замке.

Удара наших войск в этих местах враг не ожидал. Дрогнули немецкие танковые и моторизованные дивизии, враг откатился на сорок километров, так как по всему было видно, что на здешней земле попахивает окружением.

А еще радостнее была весть о том, что немецкое командование отдало приказ прекратить наступление на Кингисепп и Лугу.

Кто знает, может, в этой успешной операции наших войск сыграл не второстепенную роль и тот пакет с сургучной печатью, который удалось нам захватить возле станции Дно?

Об этом судить, конечно, не нам, но факт остается фактом: первый крупный контрудар 11-й армии открыли люди всего Северо-Западного фронта.

К сожалению, радость на фронте шагает рядом с бедой.

Рана на голове Бенья зарубцевалась, и он мог свободно надевать шлем. Теперь его было не удержать, парень рвался в разведку.

Трагедия произошла у моста через Шелонь. Никому и в голову не приходило, что в этом районе есть противник: снаряд был пущен почти в упор.

Шел двадцать четвертый день войны. Не стало Бенья и его товарищей. Не стало человека, который в свои двадцать шесть лет стал легендой.

Разведбатальон осиротел.

Политотдел выпустил листовку о подвигах Бенья. Золотая звезда для героя еще не была отлита.

Прах его покоился в совхозе «Выбити».

Старая Русса. Комиссар Трунов не раз задавал нам загадки, от которых ребята оказывались в тупике.

— Бень освободил советских людей, которых фашисты гнали строить переправу,— заявил он.

— Помним, помним! — отвечали разведчики.

— В этом я не сомневался. Вывод, вывод каков?

— Сообразительность, находчивость разведчика. Какой еще другой может быть вывод!

— Не уяснили главного,— упрекал Трунов,— надо в частном факте видеть новое в тактике врага, помогать командованию узнать, что фашисты в боях применяют фальшивую козырную карту. Не понятно? Тогда приведу еще несколько фактов.

Штыков вчера посетил 645-й полк. Под вечер перед НП полка на картофельном поле появились женщины и дети с лопатами. Командир полка Кожуров проворчал, что нашли, мол, время копать картошку. Поздно, да и клубни что горох, хотя на безрыбье и рак рыба. Штыков усомнился: здесь, скорее всего, не картошкой пахнет.

По НП ударили немецкие пулеметы. Наблюдатели, сидевшие на деревьях, дали знать, что за женщинами и детьми идут немецкие автоматчики.

Штыков посоветовал Кожурову, чтобы ни пулеметчики, ни автоматчики пока огонь не открывали. Надо подготовиться к штыковому бою.

Когда женщины и дети были совсем близко, кто-то из наших бойцов шепнул: «Ложись!» Немецких автоматчиков, застигнутых врасплох, покосили огнем.

— Вывод? — спросил Трунов.

Ребяга разводили руками.

— Все вы знаете, что полки дивизии при поддержке танков на днях переправились через Шелонь, атаковали врага и овладели деревней Ситня. Полковая артиллерия заняла очень выгодные позиции. Противник пытался пробить брешь между деревней Ситня и Большой Клин. Наши орудия жгли немецкие танки, уничтожали пехоту врага.

На КП дивизии в это время появился майор в форме танкиста и передал просьбу от имени своего командования, чтобы полковые орудия сменили позиции, дали простор для танковой атаки.

Комдив Горбачев поверил гонцу на слово.

В момент, когда к полковым орудиям подъехали тягачи и наши артиллеристы прекратили огонь, враг вырвался на передний край, машины давили гусеницами красноармейцев.

Началось отступление. Порядок удалось восстановить с большим трудом. Отозван полковник Горбачев, комдивом назначен Штыков.

— Вывод? — еще раз повторил Трунов.

— Трагедия, — ответили чуть не хором.

— Трагедия. Это верно, но не к этому я веду свою речь.

Трунов рассказал, что люди в красноармейской форме окружили батальон одного нашего полка. Комбат Алов, политрук Салдин призывали нападающих к благоразумию, кричали: «Вы что, белены объелись? Прете на своих!» В ответ ни звука. Тогда Алов и Салдин, собрав оставшихся в живых, поднялись в контратаку. Русское «ура!», рукопашная схватка быстро отрезвили тех, кто окружал батальон, и «красноармейцы» бежали. Тут только и разобрали их лепет: «Майн гот! Майн гот!»

Ребята не заметили, что комиссар давно уже молчит, расхаживая по поляне со стиснутыми ладонями за спиной. Глаза разведчиков выражали растерянность и недоумение. Неужели такое происходит наяву?

— Происходит! — сказал в сердцах Трунов. — Мы, глаза и уши дивизии, должны первыми знать о пакостях

врага. Стыдно слышать и узнавать об этих пакостях со стороны.

На этот раз ребята ответили кратко:

— Понятно! Спасибо за науку, комиссар!

Даховский поручил мне доставить в штаб дивизии очередное донесение.

Солнце клонилось к горизонту. Наступала вечерняя прохлада, Шелонь остывала, и над рекой плыл теплый туман. Сержант Потапенко, сидевший за рулем, не раз намекал, что сейчас в самый раз бы искупаться, ведь вода в такую пору что парное молоко. Но я отговаривал сержанта: не дури, мол, парень, мы при деле.

Потапенко же нет-нет да и косил глазом на речку, лицо его в один момент делалось, как маков цвет, глаза блестели, будто закапали в них репейное масло.

— Ты не человек, лейтенант,— ворчал Потапенко,— ты камень, железо! Не плавит твое сердце даже это.

— Что это?

— Посмотри.

На берегу стояли обнаженные девчата.

— Пойдем, командир, познакомимся с русалочками.

— Ты, я вижу, бабник, сержант!

Слова эти водитель пропустил мимо ушей, а машину остановил, потирая руки, бросился к берегу, приговаривая: «Ох и гарные девчата!»

Девчата кинулись в воду, на ходу бранясь:

— Ни стыда, ни совести!

— Стыд не дым — глаза не выест,— отбивался Потапенко.

Я заметил среди одежды, нечаянно разбросанной Потапенко, бумаги, свернутые в трубку. Развернул и обомлел.

— Что с вами, лейтенант?— забеспокоился сержант

Потапенко взглянул на лист в моих руках и ахнул

— Мать честная! Карты, да еще немецкие! Старая Русса. Кружочки в тех местах, где расположены наши полки.

— А ну, ведьмы,— кричал Потапенко, рассвирепев,— враз на берег! Не то скину штаны, вытащу за волосы!

Купальщиц доставили в штаб. На поверку вышло, что есть у немца для разведки и «русалочки».

— Это, товарищи, ювелирная работа! — сказал комбат, доставив карты и «русалочек» в штаб...

В конце июля дивизия получила приказ занять оборону

в районе станции Тулебля, чтобы преградить путь врагу к Старой Руссе.

Штыков послал в разведку Даховского, так как знал, что комбат никогда его не подводил.

Новый комдив был пунктуален до мелочей, требовал, чтобы любой шаг был хорошо подстрахован. Он этого и не скрывал от штабников. Да, вы, мол, правы, переход на новый рубеж скорее всего безопасен, но чем черт не шутит.

А черт на этот раз действительно шутил.

Даховский доложил Штыкову, что по шоссе по направлению к Старой Руссе движутся немецкие войска: танки, артиллерия, мотопехота.

Полки и батареи немедленно развернулись, чтобы ударить во фланги немецкой колонны.

Огонь наших орудий и пулеметов ошеломил врага. Обходя груды горящего металла, покошенную мотопехоту, Штыков шутил:

— Нельзя же так, друзья мои! Ни одной трофейной машины, ни одного паршивого фашиста для допроса!

Комдив задумался, сказал будто самому себе:

— Наш 125-й танковый полк передан в 28-ю танковую дивизию. Взамен мы получили 1317-й стрелковый полк. 202-я перестала быть моторизованной, она именуется теперь стрелковой. Жирок мы в боях порастеряли. Меньше стало и людей и техники. Пополнение будет. Но надо жить по принципу: «на бога надейся, а сам не плошай!» Нужны трофеи. Очень нужны! Бить врага можно и его оружием.

Даховский передал мне приказ комдива — выяснить, есть ли немцы в совхозе «Налишки», что чуть западнее станции Тулебля. Доложить в 22.00.

Выехали на бронемашине. Я не мог отказать в просьбе взять в разведку военфельдшера Жевнерова, старшину Павлика и еще трех добровольцев.

Совхоз «Налишки» стоял цел-целехонек, а народ как в воду канул. Никаких следов грабежа, разбоя. Значит, немец здесь не появлялся. Можно, пожалуй, возвращаться и, не кривя душой, досрочно доложить комдиву о выполнении его задания. Глядишь, еще похвалят за оперативность.

Но тут меня будто ударили по голове: почему срок доклада 22.00? С такой точностью задания на разведку нам никто еще не устанавливал. 22.00. Ни раньше, ни позже! До установленного срока почти полсуток. Вернешься в штаб дивизии раньше времени — огреют по шее да

еще скажут в назидание: «Поспешность нужна только при ловле блох!» Сгоришь со стыда.

Обдумав все это, я решил послать старшину Павлика с тремя бойцами проверить проселочную дорогу. Ребята вскоре возвратились. Павлик, изменившийся в лице, белый как мел, доложил, что чуть не столкнулся с немцами.

— Много их? — спросил я.

— Поштучно не считал. Идут цепочкой. Шума моторов не различил. Скорее всего разведчики.

— Тогда немедленно в засаду у силосной башни.

Немцы вышли на опушку, сгрудились.

Прикинули: около взвода. У одного заметили на лямках через плечо рацию, антенна раскручена до предела.

Я махнул рукой: это означало, что одновременно следует открыть огонь из орудия, крупнокалиберного пулемета и автоматов.

Фашисты не успели дать ответный огонь. Всех, кто вышел на опушку, покосили. Подобрал целехонькую и неповрежденную, с запасом питания, радиостанцию, ручные пулеметы, автоматы, сумки с документами, вся моя разведгруппа благополучно возвратилась в штаб дивизии. Докладывал я в 22 часа — в точно назначенный срок.

— Молодцы! — сказал Штыков.

О такой высокой оценке своего труда можно было только мечтать.

Потери в полках были, видно, немалые. Не от хорошей жизни нашему разведбатальону поставили задачу оборонять западную окраину деревни Федоровка, откуда рукой подать до Старой Руссы.

В воздухе покружил, покружил вражеский самолет-разведчик, и сразу после него фашисты полезли напролом. Все труднее и труднее становилось отбивать их атаки.

Комбат Даховский и комиссар Трунов находились среди бойцов. Я намекнул им, что не лучше было бы сидеть на наблюдательном пункте, как-никак там безопаснее.

— С бойцами веселее, — ответил Даховский, — убить могут в любом месте.

Прошло немного времени. Блиндаж комбата от прямого попадания тяжелого снаряда разнесло в щепки, и всех, кто там находился, или убило, или тяжело контузило.

— Вот так, друг Андрей, — произнес с горечью Даховский, — не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

В боях за Федоровку меня тяжело контузило и уже

к вечеру начало мутить так, что, бывало, я терял сознание.

— Отправляйся-ка в санбат, — не то посоветовал, не то приказал Даховский.

Остались наедине. Комбат, подбадривая меня, натужно шутил:

— Обычно говорят: до свадьбы заживет. К нам это не подходит, надо жить, надо бить врага. Победа рано или поздно будет. Будет! И тогда вернемся к женкам. Будем растить детей. Будем!.. Меня берег, а сам угодил к черту на рога... Нельзя так, друг!

Шум в голове стал меньше. Обороты турбин в ушах поубавились. Теперь можно было, хотя и с большим трудом, разобрать, о чем толкуют люди, доставленные в палатку медсанбата. Оказывается, что в тот же день, когда меня контузило, шарахнуло и комиссара Трунова: кровь шла из ушей.

Я спрашивал:

— Где комиссар?

Ребята в палатке возмущались:

— Чего орешь? Ведь мы не глухие.

Мне ничего не оставалось, как оставить людей в покое и повернуться на бок. Сосед кричал на ухо:

— Жив, жив комиссар. Лечится. А где? Неведомо. Может, в санбате, а может, и в госпитале. Спи, поправляйся, Жариков!

Бои за Федоровку, как я узнал позже, продолжались еще несколько дней. Любовые атаки внезапно прекратились. Чем это вызвано, можно было только гадать. Или гитлеровцы отрезвели от собственной крови, или они вновь где-то нащупали слабое место, чтобы пустить в ход свой танковый таран. Так это или эдак, но мои друзья из Федоровки по приказу комдива отошли.

В Старой Руссе я не был. В медсанбате поговаривали, что город живет мирной жизнью. Работают магазины, столовые, баня. В ларьках продают квас. Тихо и прохладно на улицах под густой кроной лип. Дома-терема, как девицы в кокошниках. Пожелал тогда про себя: живи, Старая Русса. Мои однополчане не дадут тебя в обиду!

С койки вставать не разрешали. Видно, сильно стронулись «шестеренки» в моей голове. Осточертело лежать и шарить глазами по брезенту санитарной палатки. Силой заставлял себя думать о Даховском, Трунове. Не мог до сих пор представить, что Бенья нет в живых. Далек бы пошел парень, если бы не тот шальной снаряд. У него было особое, наверное, прирожденное чутье следопыта. Он

лучше всех знал, где, когда и как выслеживать немцев. Еще под Шяуляем, когда у нас не было большого опыта, Бень приноровился к ночным вылазкам. Возвращался утром как ни в чем не бывало, веселый, озорной, докладывал Даховскому:

— Уничтожил три танка, два орудия. Убитых не считал. На разживку прихватил несколько планшетов.

Даховский, принимая рапорт, напускал строгость, говорил:

— На пушку берешь, Бень?

— Никак нет. Немцы воюют по регламенту. Вечером ужин, со шнапсом, ночью сон с храпом. Подъем на утренней зорьке. У немцев отбой ко сну, а я по просеке, по лесной дороге, глядишь, и наткнулся на местечко, где у врага привал. Снарядик, очередь из пулемета. Шум, гам. Во хмелю никак не разберутся, кто и откуда бьет. А когда поймут, что к чему, — мой след уже простыл!

В дни июля, ближе к Острову и Пскову, трудно было разобраться, где фронт, где тыл. Бень по проселочным дорогам ехал вдоль автострады. Пристроился бочком к немецким танкам, машинам с мотопехотой, шутит:

— Рискнем, Андрей!

— Рискнем!

Снаряды пробивали боковую бронь немецких танков, драли в клочья вездеходы.

— Хватит?

— Хватит!

Бронемашины исчезали, как тени.

Вспомнят еще не раз лихость Бени, его верность долгу. Вспомнят комбата Даховского, комиссара Трунова, политруков рот Павла Круглова, Мину Чередниченко, старшину Рыбакова, сержантов Потапенко, Реутова, Балосаняна, Асарьяна, военфельдшера Жевнерова. Вспомнят всех, кто отличался завидной храбростью и неподкупностью.

Трудностей и невзгод не замечали. Их принимали как должное. Даховский частенько лично отвечал за охрану штаба дивизии. Трудно сотворить чудо, если при тебе всего несколько танков и бронемашин, а все разведчики в разгоне. Каждую минуту командование должно иметь точные данные о противнике. И вся эта шальная работа с лихвой оправдалась. Полки, все подразделения дивизии не знали коварного, ошеломляющего удара в спину, не знали, что такое окружение.

Скажут, скажут об этом наверняка, когда выпадет время изучить до тонкостей, как протекали те, первые бои.

Этими боями жил несколько дней. Санбатовский топчан, видно, тем и хорош, что помогает избавиться от кошмаров. И сам не заметил, как утренние зори стали вызывать несказанную радость. Пришли, как добрая, старая сказка, размышления о детстве, о юности.

Они не были беззаботными и беспечными. В годы гражданской войны умерли от голода сестра и два брата. Попробуй осмысли своим крохотным сердечком и дай ответ на вопрос: «Почему все так несправедливо устроено на свете? Был человек, и вдруг его нет. Неужели этот вечный сон когда-то охладит и меня? Нет! Нет! Нет!»

Эти мрачные мыслишки уходили с началом дня.хлопотала по дому мама. Находилась дело и для меня и для других братьев. Завидовали соседским мальчишкам и девочкам, у которых было время для забав.

Какие могут быть игры и забавы? Ведь главное — скорее подрасти, принести в дом трудовую копейку, чтобы посветлели от радости глаза мамы, чтобы скупой похвалил отец, так как его редкое ласковое слово было для каждого из нас самым дорогим подарком.

Птенцы начали разлетаться из большой, дружной семьи еще до войны. Парни один за другим выходили в люди. На моих глазах, говорил не раз отец, совершается чудо. Этому чуду вы, дети, обязаны Советам. Будьте хорошей, верной опорой нашей новой власти.

И у меня все шло очень хорошо. Познал радость работы в цехе. Кружилась голова от того, что ходил в ударниках, комсомольских вожжах. Когда стал студентом, отец восторженно сказал: «Быть тебе инженером!» Не устоял, когда объявили набор в военные учебные заведения. Отец и на этот раз не перечил: «Не инженер, так Чапаев. Пойдет к твоей голове и папахал!»

Курсанты в Ленинградском инженерном училище подобрались один другого краше. Не думал, не гадал, что моя холостяцкая жизнь полетит вверх тормашками. Пригласили однокурсники на каникулы в Тулу. У нас, мол, девчат полным-полно, да таких, что свет не видывал. Так и познакомился со студенткой Зоей.

Потом, когда был уже в звании, снова нагрязнул в Тулу. Бац в ножки Зои: «Быть тебе моей женой!» Родители Зои не перечили. Папу и маму не спрашивал. Знал, что не будут ставить палки в колеса. Бросила Зоя педагогический, уехала со мной в Литву.

Добралась ли женушка до Тулы? Страшно думать об этом. Неужели остался бобылем?

С тех пор как воюем, не доставляет весточек полевая почта. Как там в Ростове? Как папа и мама? Знал, что отец делал комбайны. А теперь? Где братья Анатолий, Михаил, Носиф, Николай? Наверняка в армии. Живы ли?

Чем дальше, тем больше теребишь ты мою душу, сабатовский топчан!

Хроника Василия Батурина. Рассказы Андрея Жарикова, которые я готовил для истории 202-й дивизии, заканчивались июлем сорок первого года. Я переписывал эти рассказы, как студент, десятки раз.

Батурин, взяв у меня рукописные листки, не то всерьез, не то в шутку сказал:

— В писари ты, младший политрук, явно не годишься. Чистописанием не пахнет. В этих строчках сам черт ноги поломает.

Вид мой был, видно, не из бодрых.

Батурин спохватился:

— Обидел? Вот это уже ни к чему. Бывают каракули и почище твоих. Понанишут в спешке в докладных так, что хоть стой, хоть падай. К этому я уже привык. Каракули не самая страшная беда, хуже, когда в них мыслишек нет.

Дни у Батурина проходили в суете. Он то «висел» на телефоне, что-то отрывисто записывал, то шел с папкой на доклад к начальству, то садился за машинку, чертыхался, поправ пальцем не на ту клавишу, выдергивал из машинки листочки, готовил под копирку новую закладку. О моей рукописи Батурин даже не заикался, а я не находил себе места.

В конце концов как-то за вечерним чаем Батурин признался:

— Ты уж извини меня, друг, что заставил тебя поволноваться. Прочитал я твою рукопись, прочитал в первый же вечер. Прочитал и не знал, что тебе ответить. Сейчас будто бы перекипело в душе от прочитанного. Буду размышлять вслух, ты только не суди меня за это строго. Вы с Андреем Жариковым вроде бы и не открыли Америку. В реляциях по службе о многом мы упоминали. Докладывали о рубежах, где довелось столкнуться с немцем, называли имена отличившихся, говорили об уроне, нанесенном врагу, о своих потерях.

В ваших записках те же, что и у меня, фамилии и факты. И в то же время это живые люди, которые даже в тяжелые минуты не падают духом, проявляют мудрость и смекалку, уверенно бьют врага. Если сказать, положила руку на сердце, радуюсь и завидую я вам. Думаю, что другого

мнения не будет ни у комдива, ни у комиссара дивизии Хвалей.

Плохо, когда ругают, не лучше и тогда, когда хвалят, не зная меры. Об этом я и сказал Батурину.

— Дискуссии по этому поводу не будет, — ответил Батурин. — В свою очередь, хочу попросить тебя взять мою рукопись. Пройдись по ней без стеснения своей рукой. Режь, вноси поправки, дополнения. Сделай так, чтобы мой труд стал продолжением того, что написано о разведбатальоне. Кончили вы с Андреем Жариковым, как мне помнится, событиями середины лета сорок первого. У меня — август и сентябрь.

Прочитал я батуринские записки и решил, что ничего в них исправлять не надо. Пусть из этих скупых строк люди узнают, как дралась дивизия не на жизнь, а на смерть.

5 августа сорок первого года. На штабных картах две стрелы, устремленные к Старой Руссе. Фашисты наступают вдоль озера Ильмень, от станции Тулебля.

Немцы с утра до вечера бомбят Старую Руссу. В городе бушуют пожары. КП дивизии находится на юго-западной окраине.

По совершенно точным данным нашей разведки выяснилось, что 202-я имеет дело с двумя пехотными дивизиями и моторизованной дивизией «Мертвая голова».

Северная часть города в руках противника. Кое-где фашисты просочились через наши боевые порядки. Похоже, что враг затевает взять в кольцо наши полки.

Появились танки противника с десантами на бортах.

В бой пошли работники штаба.

Комдив Штыков и комиссар Хвалей беседовали с политработниками. Решено, что все они пойдут в боевые порядки и разъяснят, что сражение за Старую Руссу имеет далеко не местное значение: отсюда открывается путь на Валдай.

6 августа сорок первого года. В штаб дивизии в сопровождении дивизионных разведчиков прибыли комиссар отряда старорусских партизан Иван Кондратьевич Трусов и начальник штаба отряда Василий Васильевич Васильев.

На беседе у Штыкова сразу же зашла речь о помощи оружием.

Батицкий при этом заикнулся, что у нас, мол, у самих шаром покати.

— Не будем скупиться, Павел Федорович, — поправил его Штыков. — Дадим товарищам трофейные автоматы, гранаты, мины. Патроны в неограниченном количестве

они смогут найти в немецких гарнизонах. Думаю, что нам удастся подобрать хорошего мастера по немецкой взрывчатке и минам.

— Найдем!

— Вот это уже другой разговор! Попросим товарищей Трусова и Васильева подослать нам двух-трех пареньков, хорошо знающих местность. Будут они для нас добрыми проводниками. Пусть не опасаются. Останутся эти парни живы и невредимы. Определим их в разведбатальон. Там у нас что ни боец — орел!

Все вопросы были решены. Прощаясь, Штыков высказал пожелание, чтобы партизаны поддерживали связь со штабом дивизии и в дальнейшем.

9 августа сорок первого года. Разведчики захватили в плен солдата дивизии «Мертвая голова». На допросе он показал, что только за один день их третий полк потерял четыре роты. В восьмой роте, где служил этот немец, из ста двадцати солдат осталось в живых только пять.

Штыков попросил Хвалея найти возможность рассказать нашим бойцам, что шаги фашистов по нашей земле не усыпаны розами. Не надо умалчивать и о трудностях, люди должны знать правду.

Фашисты захватили Шимск. Старая Русса отрезана от Новгорода. Шоссе Ленинград — Москва во что бы то ни стало должно оставаться в наших руках.

Пропагандисты и агитаторы обходились без больших докладов и речей. Находились короткие слова, которые вдохновляли людей: «Не пустим врага на простор автострады! Не позволим фашистам ударить в спину товарищей, защищающих рубежи у города на Неве, колыбели революции, у нашей родной столицы!»

Командир 682-го полка полковник Павел Григорьевич Гаченков с небольшим отрядом три дня сдерживал противника на фланге дивизии.

Много «хлопот» врагу доставили пулеметчики Абрамов и Хозин. Они установили свои пулеметы на колокольне. Вражеская пехота не продвинулась ни на шаг. Тогда в ход была пущена артиллерия. Церковь изрешетили снарядами. Пулеметные гнезда продолжали выполнять поставленную задачу. Абрамов и Хозин уничтожили свыше трехсот фашистов.

Младший лейтенант Криволап, сержанты Балаканов, Сорванов, Марацкевич, инструкторы политотдела Земляков, Голдобин, комиссары полков Шведов, Крылов возглавили отряды по борьбе с десантами и фашистскими танками. Атака врага захлебнулась.

17 августа сорок первого года. Все последние дни бои шли в пяти — десяти километрах от Старой Руссы.

Соседи, не выдержав натиска фашистов, не поставив в известность Штыкова, отошли за реку Ловать.

У Штыкова собрались работники штаба, политотдела, командиры полков. Речь шла о том, что дивизия не в состоянии держать оборону сплошным фронтом. Следует создать подвижные отряды пехоты и артиллерии, выставить на опасных направлениях заслоны, бить противника с флангов и тыла. Других мнений на этот счет не было.

Штыков предупредил, что действовать успешно в новых условиях можно только при отлично организованной разведке и связи.

Тяжело контузило комбата разведбатальона Даховского, и это известие очень огорчило Штыкова.

Командир дивизии помогал старшему лейтенанту Родионову, заменившему Даховского, приобрести самостоятельность и уверенность в своих действиях, прочно встать на ноги. Он не раз приглашал к себе нового комбата, внимательно выслушивал, как он намерен провести ту или иную операцию, при этом своих готовых решений не высказывал и не навязывал. Родионов оправдал эту заботу и доверие: разведчики и проводники из партизанского отряда обеспечили надежную связь между подвижными отрядами.

Не подводили Штыкова и командиры подвижных отрядов, они сами на месте находили правильные решения. В лесах около деревень Аринино и Пенна фашисты отсекали обозы 645-го полка. Командир полка Кожуров приказал развернуть орудия на прямую наводку, поднял людей в штыковую атаку. Итог: уничтожено более двухсот солдат и офицеров противника, захвачено десять орудий, двенадцать ручных пулеметов, два миномета, две радиостанции.

18 августа сорок первого года. Под деревней Ожедово фашисты большими силами обрушились на бойцов старшего лейтенанта Кравченко, которого только что назначили командиром батальона. Кожуров, узнав об этом, решил с группой бойцов прорваться к батальону, так как молодой командир мог не найти правильного решения в создавшейся ситуации. В перестрелке с немецким заслоном Кожуров погиб.

Кожуров, Кожуров! Ведь ты своей удалей подвел комдива. Всего месяц назад ты принял полк, когда Стрельчук выбыл по ранению. При твоём назначении Штыкову высказывали сомнения: не рано ли вручать полк

такому молодому, на что Штыков категорически ответил: «Молодость никогда не была помехой. Доблесть, трезвый ум — первейшее качество командира. У Кожурова эти качества есть!»

Связи со штабом 11-й армии нет.

Дивизия отходит от Старой Руссы вдоль реки Редья.

Днем свирепствует немецкая авиация. Ночью противник бросает на населенные пункты зажигательные бомбы. Кругом полыхают пожары. Командиры посылают в адрес врага крепкие русские словечки, как ни странно, это помогает людям не падать духом.

Полки поредели. Ощутимы потери и в командном составе. А новые беды, как на бедного Макара, наваливаются одна за другой: поизносились стволы орудий, нет нужной точности в стрельбе, да и снарядов не так уж густо. Вся надежда на пулеметные расчеты, которые в то время перебрасываются то для охраны флангов, то для прикрытия отходящих подразделений.

23 августа сорок первого года. У деревни Стариково полки схлестнулись с противником. Бой выигран, уничтожено более ста пятидесяти фашистов.

24 августа сорок первого года. Дивизия начала переправу через реку Ловать в районе посёлка Парфино.

Любо было смотреть, как работают саперы старшего лейтенанта Петра Обуховского: восстановлен железнодорожный мост, паром, подготовлены подручные средства для пехоты.

В первую очередь переправлены раненые. Около них безотлучно находились военврач Городецкий, фельдшер Сапожников, санинструкторы Алексеев, Палихин.

По железнодорожному мосту прошли пушки и машины, на паромах и плотках переправилась пехота. Потерь удалось избежать, так как саперы, справившись успешно со своими непосредственными делами, заняли оборону на левом берегу Ловати. Им пришлось не только сдерживать врага огнем, но и поработать штыками. Под самым носом у немцев бойцы Коровкин, Губкин, Ильченко взорвали мост и вернулись в часть целыми и невредимыми, прихватив с собой трофеи: четыре мотоцикла, важные документы из разбитой ими автомашины врага.

1 сентября сорок первого года. Связи со штабом 11-й армии по-прежнему нет. Кончилось продовольствие и медикаменты. Обозы переполнены ранеными.

Шепотком идут разговорчики насчет того, что, мол, пришла пора пробиваться к своим мелкими группами.

Штыков и Хвале́й решили посоветоваться с партийным активом.

Народ собрался возле штаба дивизии в густом ельнике. Дождь хлещет, как из ведра. Козьи ножки с шипеньем затухают, сухой бумаги для новой закрутки не сыскать днем с огнем.

Хвале́й доложил обо всем без утайки, не скрыл и того, что кое-кто не верит в успех дела.

После Хвале́я выступали командиры полков, начальники служб дивизии: связи, санитарной, тыла. Мнения были разные.

Штыков внимательно слушал, никого не перебивал. Заключение прения комдив. Он не скрывал, что положение аховое, хуже быть не может. Немцы жмут с фронта, жмут с флангов. Впереди — болото Невий мох.

— Выход один, — сказал Штыков, — строить дорогу через топи, выходить на передний край обороны армии всем составом дивизии.

Комдива поддержали все, присутствующие на активе.

7—8 сентября сорок первого года. Маршрут лежневки через болото Невий мох помогли разработать ребята из партизанского отряда. Полки и обозы кратчайшим путем должны были выйти в район станций Кневицы и Лычково.

А дальше, как обычно говорят, было дело техники.

Не раз вспомнит добрым словом саперов каждый воин дивизии. Рядом с воинами шагали с шестами ребята, присланные еще под Старую Руссу из партизанского отряда. Деревья становились шпалами и рельсами.

К счастью, враг не разгадал маневра дивизии. В небе было тихо. Врагу и в голову не приходило бороздить небо над огромным волчьим логовом. Ползай немец хоть на брюхе, хоть пускай ищеек, не обнаружишь тропок, по которым исчезла, испарилась 202-я. Засосала тина все входы в болоте Невий мох.

Вышли люди на твердую землю, перемахнули через железнодорожное полотно. Теперь сунься, фашист, получишь по зубам!

Нарочный добрался до штаба 11-й армии, доставил рапорт комдива Штыкова.

Вернул я рукопись Батури́ну, спросил:

— А дальше? Нельзя обрывать историю дивизии на самом интересном месте.

— Дальше? — усмехнулся Батури́н. — Что было дальше, ты знаешь не хуже меня. Дела́м 202-й посвятили

полосы и подборки армейская газета «Знамя Советов», фронтовая «За Родину!». Побывал у нас корреспондент «Красной звезды», выступил с впечатлениями о поездке на передний край на газетной полосе. Сообщение Советского Информбюро о штыковцах обошло, наверное, весь свет.

Батурин, немного помолчал, с грустью продолжал:

— Очень жаль, младший политрук, что наша совместная работа кончилась. Комиссар Хвалея поручил размножить рукопись, она пойдет в полки. Тебе приказано приступить к исполнению своих обязанностей в нашей дивизионной газете «Призыв к победе». Желаю тебе удачи. Можешь всегда рассчитывать на мою помощь.

«Призыв к победе» — крохотуля крохотулей, рождается на свет она редко и живет мало. Над заголовком, как и положено, эпиграф: «Смерть немецким оккупантам!», а рядом слова: «Прочтя, сожги». Нелепость! Не лучше ли бы напечатать: «Прочти и передай товарищу».

Верстается газета кое-как, в заметках много ничего не говорящих общих фраз, заголовки не отражают сути дела, мелькают, будто шелуха.

Верстка, говаривал не раз профессор Вяземский, это большое искусство. Уроки оформления газеты превращались для нас, студентов института журналистики в Ленинграде, в настоящий праздник. Из пачки гранок рождались десятки вариантов подборок и полос. Вяземский шлифовал их, учил играть шрифтами — курсивом, латинским, рубленым, чтобы хочешь или не хочешь, а прочел в первую очередь главное на полосе, выделенное или набором в несколько колонок, или обрамленное в ажурную рамку, или подчеркнутое жирным кеглем.

Ох, как чесались у меня руки поскорее применить на практике уроки Вяземского.

Редактор Афанасьев встретил меня без восторга. Глаза его, будто под гипнозом, заставляли смотреть на петлицы, где прочно сидели две шпалы. Мне со своими двумя кубиками тянуться до этих шпал, как до звезд.

Я запомнил Афанасьева по той первой встрече, когда мы с Чекиным и Корольковым побывали в редакции. Тогда батальонный комиссар был подчеркнуто вежлив и угодлив. Неестественно натянутая улыбка не сходила с его губ. В тот момент я подумал: смущается человек, растерялся при встрече с писателями, не знает, что и как сказать, чтобы не попасть впросак.

Ныне я стоял навтыяжку совсем перед другим челове-

ком. Сразу повеяло казармой, где положено всегда соблюдать субординацию, не забывать, что младший имеет только одно право — беспрекословно выполнять приказы старшего по званию.

В редакцию я пришел не с пустыми руками. Совсем недавно приключилась любопытная история в деревне Свиной, ее я и изложил в заметке «Непрошенные гости». Мне казалось, что материал поучителен.

Эту заметку я в первый же день показал новому редактору. Он читал ее весь вечер и уже перед сном, не приглашая меня на разговор, небрежно расчертил листы красным карандашом.

Ночь прошла в кошмарах. Я без конца писал, правил, рвал бумагу и снова брался за перо. Сон одолел только под утро, когда показалось, что все до последнего слова и точки в истории с разведчиками на своем месте.

Вот как это получилось.

«Разведчики после долгих скитаний, коротких привалов в окопах, сырых землянках и под открытым небом расположились на отдых в настоящей целехонькой деревне. Ошалеть можно было от домашнего уюта и тепла.

Трещали поленья в русской печи. Кипела, крутилась вода в чугунке с картошкой. На сковородке, поставленной на малиновые угли, шипели шкварки. Свистел, бился пар под крышкой ведерного самовара. Из чайника на камфорке шел, расплывался по всей избе аромат свежей, густой заварки.

Вот-вот будет пир на весь мир!

На улице бабахнули винтовочные выстрелы.

— Уши надо пооторвать за такое озорство! — проворчал командир разведбатальона Родионов.

Но тут влетел в избу дежурный по батальону, доложил:

— Посты предупреждают об опасности!

Немцы шли цепочкой со стороны леса. Вот-вот они отрежут путь к соседнему гарнизону.

— Василий! — приказал Родионов своему ординарцу. — Пулей в артдивизион!

Разведчики залегли в щелях на огородах. Пулеметчик пристроил свой «максим» на запасной позиции на окраине деревни. Отсюда в крайнем случае можно резануть по немцам так, что останется от них мокрое место.

Немцы шли нагло. Приклады автоматов приставлены к животу. Свинца не жалеют. Широкие голенища сапог до отказа набиты запасными магазинами-пеналами.

Комбат приказал: «Огонь не открывать!»

Зарево вспышек наших гаубиц озарило небо за ближайшей рощей. Снаряды ложились плотно и точно. Цель немцев редела.

Когда наши пушки замолкли, Родионов поднял людей в рукопашную. Контратака прошла успешно.

Подсчитали трофеи.

— Урожай неплохой! — заключил Родионов.

Вернулся Василий, посланный в гаубичную батарею.

Родионов взял парня за плечи, оттолкнул:

— А ну, дай посмотреть на тебя, герой!

— Не я, не я герой, — отмахивался руками разведчик. — Герой артиллерист, лейтенант Лобачев. Выслушал меня, катушку в руки и, разматывая провод, вместе со мной в поле. Забрался на телеграфный столб и пошел сыпать на своем языке. Координаты, видно, передал такие, что точнее не бывает.

В разговоре не заметили, как подошел к Родионову пулеметчик Тугалов. Парень держал за повод коня, через седло перекинут перевязанный ремнем фашист.

— Это что еще за фрукт? — удивился комбат.

— Не фрукт, а жеребец! И обер-лейтенант при нем! — отрапортовал Тугалов. — Когда вы собирались в рукопашную, влетел галопом на улицу немецкий всадник. Я к нему, схватил жеребца за узду. Немец вылетел из седла, но тут же изловчился и трахнул меня прикладом по голове. Спасла каска. Двинул вот этим немцу в подбородок.

Тугалов показал кулак.

— Не кулак, а гиря! — прыснули ребята.

— Ну и де-ла! — растянул Родионов, оглядывая поле. — Фашисты, видать, перестали бояться лешего в старорусских лесах. Пробираются через чащобу, лезут на рожон в наших ближних тылах. Надо это на заметку взять. Ну и де-ла! А фокус у фашистов все же не получился. Непрошенных гостей встретили как надо. «Язык» есть. Сам, можно сказать, пришел. Жеребец впридачу. Салют героям, салют артиллеристам! А теперь — чай пить!»

Утром редактор пригласил меня к себе. Разложил на столе мои листочки, натянул очки, ехидно хмыкнул:

— Анекдотики мою газету не интересуют. Даже если это и не липа, то место ей не в газетной полосе, а в трибунале. К суровой ответственности следует привлекать людей за потерю бдительности. Чай пить приглашает комбат подчиненных! Чему учишь воинов, чего проповедуешь, младший политрук?

Чего-чего, а такого оборота дела я не ждал. Не нашел

слов, которыми следовало бы охладить редактора. Еще вчера подумал, что передо мной велика по званию Федора, да дура... А тут раз — и к ногтю! Какой может быть с батальонным комиссаром поиск, какое творчество? Быть бы живу, не до жиру!

Попробовал пооткровенничать с секретарем редакции старшим политруком Мусатовым. Хотелось знать, как и чем жила редакция до сей поры. В ответ только «да» и «нет», холодок, глухая стена.

Отходила моя душа среди ребят. В наборном и печатном цехе, вдали от редакторских ушей и глаз, парии оживали, смеялись и шутили, но в то же время и не проявляли большого желания вступать в откровения со мной, то есть «с кубиками».

Ходил среди ребят слушок, что в прошлом Афанасьев был большим начальником, где-то и на чем-то крепко погорел, понижен в звании, а после всех передрыг занял редакторское кресло. Слух есть слух, но доля правды, наверное, в нем была. Откуда может взяться в человеке столько спеси?

Ночью, когда заканчивается верстка очередного номера, никто не спал, хотя большой нужды в том и не было. Редактор хотел, чтобы рядовые и подчиненные политработники наяву видели, как он, не жалея сил, вкладывает в каждую строку всю свою страсть. Заметки, подготовленные для набора еще днем, он снова переписывал, корежил гранки, от чего наборщиков бросало в жар. Легче было вновь набрать текст по афанасьевским каракулям, но редактор не позволял это делать, стоял у кассы и следил, как перегоняют ребята строчки. Вычитывая после правки текст, я пытался вникнуть в смысл редакторских трудов: все свежие, непривычные его глазу слова он вытравлял, делал фразы железными, стандартными. Скрипя пером, он приговаривал: «Слово не воробей. Пустишь его по свету, а потом не ухватишь за хвост. Кто отвечает за ненужное слово-воробушек? Наборщик, Мусатов, Петров? Отвечаю я, редактор!»

Молча, без возражений исполняли люди все причуды редактора. И он воспринимал как должное эту беспрекословность. Стала, мол, наконец, понимать редакционная братия мудрость его указаний. По его самодовольному виду можно было определить, о чем он размышляет в данную минуту: «Какая же мне выпала, наконец, приличная работенка! О такой работенке, особенно на фронте, можно только мечтать. Выстраивай слова, не запинаясь, лучше

уж покруглее, поосторожнее. За это сильно не бьют, не бывает нокаута, после которого костей не соберешь».

Вздremнув после праведных трудов, Афанасьев брлся, делал компресс, колдовал с кремом, пудрой, одеколоном. Неторопливо завтракал, доставал из чемодана парадный китель с белоснежным воротничком.

Ребята сняли, наблюдая за ним. Все предвещало, что батальонный комиссар вот-вот отбудет, не меньше, чем на сутки, к своей зазнобе. А мы вволю поспим!

Возвращался редактор, как он говорил, из командировки, и под крышей дома устанавливалась тишь и гладь, только не божья благодать. Сопели ребята у наборных касс, возился в машине печатник. Расходились по своим углам и мы, литературные работники. Теперь до новой отлучки редактора каждый сверчок будет знать свой шесток.

Афанасьев боялся дороги на КП дивизии, как боится черт ладана. Утром, когда я собирался в полки, редактор приглашал меня к себе. Выглядел он в эти минуты совсем не воинственно, походил скорее всего на мальчишку, который нашкодил, но боится в том признаться. Нос торчал клювом, глаза виновато бегали из стороны в сторону.

— Зайдешь, младший политрук, к начальнику политотдела,— инструктировал редактор,— нанесешь визиты комиссару дивизии Хвалею, комдиву Штыкову. Доложишь, как положено, по уставу. Свеженький номер газеты вручи каждому лично. Запомни, какая реакция у вышестоящих начальников от наших публикаций. Указания руководства, если они будут, передашь мне слово в слово.

Эти приказы, похожие скорее на просьбы, были для меня хуже касторки. С первых дней пребывания в армии я почему-то робел перед людьми с высоким званием, все тело каменело, в голову прилиwała кровь, стучало в висках.

Однако все обходилось хорошо. В ноябрьских и декабрьских номерах газеты частенько печатались сводки Совинформбюро, в которых было много хороших новостей. 11 декабря на первой полосе светлым и черным курсивом, набранные по моему совету в две колонки, были напечатаны сразу два сообщения, в них говорилось о разгроме немецких войск под Тихвином и Ельцом.

Штыков и Хвалеи, получив от меня свежий номер газеты и пробежав сообщения, сказали:

— Спасибо, младший политрук, за добрые вести.

Сегодня у наших людей на передовой будет праздник! Афанасьев просто таял от таких моих вестей.

— Значит, линия газеты правильная, — заключал он. — Начальство довольно, претензий не имеет. А если рассудить, то откуда и быть претензиям. Поднимаем мы вопросы не уже, чем центральные газеты. Многие мысли из «Красной звезды» я беру на карандаш, реализую их в своей газете.

Редактор листал подшивку, читал заголовки, восторгался: «Больше внимания устной пропаганде и агитации», «Неотложная задача партийных организаций», «Каждой пулей бей врага», «Быть стойким и мужественным». И так далее и так далее.

Я попробовал было намекнуть, что больше надо писать о делах дивизии, ее людях.

— Мудрец! — хохотнул Афанасьев. — Разве забываем мы о людях. Сколько фамилий в каждом номере, сколько цифр! Не хуже бухгалтерии ведем счет убитым немцам. Читай: снайпер Мужуев уничтожил двух фашистов, Гайдулин — одного, Доржиев — одиннадцать. Прославили мы в своей газете мужественных воинов Бережного, Пашкова, Светличного, Татаринова. Черным по белому написано: «По самым скромным подсчетам орудийный расчет Бережного истребил только в одном бою семьдесят пять немецких оккупантов». Коротко и ясно! Краткость, как известно, — сестра таланта.

Возражать батальонному не хотелось. Всякий раз получалось, что один говорит про Фому, другой про Ерему.

По пути в полки я обязательно заглядывал к Батурину. Встречал он меня как брата. Мигом закипал на красной печурке чайник, находилась свежая заварка. От нетерпеливого, почти домашнего чаепития тело становилось ватным, но Батурин дремать не давал.

— Пойдем в оперативное отделение штаба дивизии, — говорил он. — В армейской газете вы мыслили другими категориями, интересовались делами многих стрелковых дивизий. У нас и труба пониже и дым пожиже.

Штабников, к которым мы держали путь, я встречал и раньше. Народ этот скуповат на слова, не любит посторонних, праздничношатающихся. Я сравнивал их с диспетчерами на железной дороге. Сидит такой диспетчер у селектора и ежечасно, ежеминутно управляет десятками поездов, движущихся по паутинкам рельсов навстречу друг

другу на огромных расстояниях. За смену он решит не одну задачу со многими неизвестными: как избежать пробок на разъездах, какой совет дать дежурному по станции, о чем просить машиниста локомотива. Попробуй в такую минуту лезть к нему с вопросами. Пошлет подальше, и нечем крыть. Может, так встретят и оперативники 202-й?

Свои сомнения я высказал Батурину.

— Не беспокойся,— успокоил друг,— мы люди свои, да и нет нам нужды лезть к ним с вопросами. Карту, надеюсь, ты читать умеешь? Посидим у нее молчком, посмотрим на местность с высоты птичьего полета.

Долго помнил я ту карту. Закроешь глаза, а все равно видишь железную дорогу. Она тянется от Старой Руссы через станции Пола, Кневицы, Лычково на Валдай, пересекает лесной массив Невий мох, который простирается на большой площади с юга на север и знаменит своими урочищами, озерами, болотами и непроходимыми топями.

Ныне железная дорога Старая Русса — Валдай перерезана фашистами, перерезана на очень маленьком участке Лычково — Кневицы. Вот здесь-то, почти вдоль насыпи железнодорожного полотна между станциями Лычково и Кневицы, и находится передний край 202-й.

Лычково. Эту станцию я хорошо помню. Забрел я сюда в поисках нужной мне части в конце лета, когда работал еще в армейской газете.

Вокзал и прилегающие к нему улочки утопали в золоте и серебре бабьего лета. Место сырое, зыбкое. Вдоль улиц выкопаны канавы.

Лычково походило на станции нашей северной железной дороги. Такие же тротуары из горбылей и тесин, висящие мостиками над землей, так же скрипят и пружинят под пешеходами. Невелика радость жить в таких местах в весеннюю распутицу, в дождливое лето или в хмурую осень. Кругом непролазная грязь. Раздолье приходит с первыми заморозками. Тогда можно шагать по улицам хоть вдоль, хоть поперек, можно отправляться в лес и на луга за дровами и сеном. Нет предела ребячьим радостям.

В тот осенний день сорок первого года пустовал перрон лычковского вокзала, так как пассажирские поезда выбились из расписания, девчатам и парням не было повода собираться на платформе, чтобы хоть раз в сутки на людей посмотреть и себя показать.

Дежурный по станции подсказал мне, что военных

надо искать в лесу: там время от времени ухают пушки.

Я шагал уже по просеке, когда со стороны Лычкова донесся истошный крик: «Танки! Немцы!»

Подумал: блажь какая-то!

В части, которую я скоро разыскал, объяснили, что крики, которые я слышал, далеко не блажь. Танки с десантом врага прорвались в эту глухомань скорее всего по дороге из Демянска.

Таран есть таран, рассуждал я, мало ли их было за лето сорок первого года. Мне тогда и в голову не пришло, что придется не раз здесь побывать, прежде чем пойму, что Лычково не просто станция, а важный стратегический пункт. От того, в чьих руках этот пункт, зависит судьба всего Северо-Западного фронта. По этому единственному в этой глухомани железнодорожному полотну шло снабжение наших войск.

Капитан Ивановский, возглавляющий оперативный отдел штаба 202-й, принял нас с Батуриным радушно, совсем не так, как я ожидал.

— Читали, читали мы твои труды! — сказал он Батурину. — Комдив поручил нам выверить все данные, уточнить все вешки пройденного дивизией пути. Читали придиричиво. Все правильно. Пора продолжить историю боев. По моим данным, вырисовывается такая картина, возьми-ка на карандаш.

25 сентября сорок первого года. Поставлена задача перейти к активной обороне. Это значит: держи рубежи, не давай дремать врагу.

Разведчики 645-го полка провели ночную операцию. Ее возглавлял младший политрук Гостюхин. На окраине Лычкова без звука сняты часовые. В окна одного из домов полетели гранаты. Ни одному из фашистов не удалось покинуть помещение.

Без шума сняты часовые у лесопильного завода. Станция озарилась заревом пожара. Фашистов, выбегающих в панике на улицу, уничтожали автоматным огнем.

28 сентября сорок первого года. Предпринята новая наступательная операция. Удалось закрепиться на шоссе. Противник теперь не имеет связи между Лычковом и Выдеркой.

В полках много открытых флангов, их прикрывают пулеметчики. Штыков посоветовал, чтобы у каждого пулеметного расчета, кроме основной, имелось несколько запасных позиций. Тогда один пулеметчик оградит от неприятностей все подразделение.

30 сентября сорок первого года. Дивизионные разведчики установили связь с отрядом старорусских партизан. В отряде тридцать семь человек, тринадцать коммунистов, пять комсомольцев. Созданы базы боеприпасов и продовольствия. За три последних дня партизаны уничтожили семнадцать солдат и офицеров противника. Захвачен обоз с продовольствием. Нет только одного — курева.

Штыков приказал переправить моршанскую махорку в партизанский отряд.

3 октября сорок первого года. В дивизию впервые пришло пополнение. Более тысячи человек высадились из эшелона где-то под Валдаем, в пешем строю добирались до расположения дивизии. Людей накормили, дали возможность отоспаться.

Ни один из новичков не нюхал пороха. Обучать их в ближних тылах дивизии нет ни времени, ни возможности.

С речью перед новобранцами выступил комдив Штыков. Он сказал, что каждый из них будет чувствовать локоть опытного бойца. В обиду наши орлы вас не дадут, а бить врага научат. «С первых дней войны они знают, что фашист не черт, он не так страшен, как его малюют».

8 октября сорок первого года. Со стороны Выдерки продолжительное время шел массированный артиллерийский обстрел, после которого немцы пошли в наступление. Отбито четыре атаки. Противник откатился. Выведено из строя более двухсот солдат и офицеров.

Есть потери и в наших частях.

9 октября сорок первого года. Утром подготовлена братская могила. Люди пошли собирать погибших. Тут же раздалось несколько оглушительных взрывов. Оказалось, что ночью фашисты заминировали убитых. Один санитар погиб, двух тяжело ранило...

17 октября сорок первого года. Противник просочился в тылы 645-го полка, намереваясь овладеть деревней Глинка. Штыков приказал окружить фашистов. В 14.00 операция завершена. Уничтожен батальон врага.

Захвачены в плен четыре солдата и один обер-ефрейтор.

Пленные показали, что 14 октября в Лычково прибыла из Каунаса 123-я пехотная дивизия в составе трех полков.

6 ноября сорок первого года. По дивизии издан приказ в честь XXIV годовщины Октября. В нем говорилось, что, отмечая большой праздник нашего народа, командиры и красноармейцы умело бьют врага. Они преградили путь фашистам на дальних подступах к Москве и Ленинграду.

7 ноября сорок первого года. Командование разрешило радистам включить малые и большие радиостанции, настроить их на московскую волну.

Все, кто мог, слушали: в Москве состоялось традиционное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями. Все как всегда. Все как в доброе, мирное время!

Все, кто мог, слушали, что на Красной площади состоялся парад Красной Армии...

1 декабря. Бои ведутся на левом фланге дивизии.

Противник занимает очень выгодные позиции в районе деревень Пустынька, Вершина, Высочек. Отсюда на наши позиции обрушивается сильный артиллерийский и минометный огонь. Следом за артиллерийской подготовкой начинаются атаки. Судя по всему, враг имеет намерение пробиться на север.

Отражены десять атак врага.

В дивизию прибыли «катюши» и танки.

7 декабря открыли огонь по врагу наши орудия. Затем дали залпы наши «катюши». Под прикрытием трех танков пошли в атаку наши стрелки.

Внезапного удара по врагу не получилось. Враг располагает солидным количеством артиллерийского оружия. У него разветвленная сеть наблюдательных пунктов. Огонь ведется очень плотный и прицельный.

В 13.00 взята деревня Вершина. Уничтожено более ста немецких пехотинцев. В числе трофеев — три орудия, три станковых пулемета...

Возвращались мы с Батуриным из штаба поздно вечером. Многие из того, что мы услышали, было нам знакомо. И все же мы благодарили Ивановского. Одно дело, когда тебе известен факт, эпизод. Другое дело осмыслить, что на переднем крае, под Лычковом, нашла, что называется, коса на камень. Больших успехов пока нет, но из искры, рано или поздно, полыхнет пожар.

— Ивановский, — говорил Батурин, — без пяти минут начальник штаба. Подполковника Батицкого отозвали в соседнюю дивизию. Про таких, как Батицкий, в народе говорят: «Есть у человека царь в голове». Наблюдал я, как в самые сложные моменты этот человек и бровью не поведет. Его спокойствие, уверенность, как токи, шли к подчиненным. Любит людей, которые имеют точные данные о противнике, действуют по принципу семь раз отмерь, один раз отрежь. Не терпит тех, кто лезет в драку наобум, поет не в ту дуду. Под горячую руку Батицкому не попа-

дайся. Резанет так, что будешь помнить всю жизнь, где раки зимуют.

Ивановский командир другого склада, хотя, как прилежный ученик, он впитал в себя лучшее, что есть у Батицкого. Вместе с тем в разговоре с людьми любого ранга не допускает вспышек, покоряет слушателя логикой суждений. Документы, подготовленные его рукой, скупы, точны, выверены, полны большого внутреннего смысла.

В разговоре с нами Ивановский своего мнения не навязывает. Однако яснее ясного, что Лычково немцы превратили в крепкий орешек. Шлют сюда подкрепления. Мин и снарядов у них, видимо, навалом. Лезут фашисты из кожи вон, чтобы получше узнать наши лесные стежки, дорожки.

Все ясно, а на сердце кошки скребут. Красная Армия дает крепко по зубам фашистам. Освобожден Ростов-на-Дону, успешно наступают Западный, Калининский, Юго-Западный фронты. А у нас, как бельмо на глазу, Лычково.

— Бельмо! Это ты точно определил,— сказал я Батурину.— Обидно, конечно, что крепкий орешек не удастся расколоть. Но ведь и наши люди держатся здесь цепко. Не видать фашистам Валдая, как своих ушей. Хронику боев по дням я не записывал. Думал, как сказанное Ивановским применить на газетной полосе. Родилось много задумок. Хватило бы сил их осуществить, разложить все по полочкам: ночной бой, разведка боем. Саперы расчищают путь пехоте. Пулемет на фланге. Автоматчики в обороне и в атаке. Стрелков поддерживают танки. Искать, искать людей, которые знают свое дело до мельчайших тонкостей. Дать их статьи, заметки в дивизионке.

— Богатый урожай! — улыбнулся Батурин.— Мыслишь и бьешь в самое яблочко мишени.

— Это еще не урожай, а только стебли на корню. Урожай будет после уборки, уборки без больших потерь. А без потерь, пожалуй, у меня в редакции не обойдется.

Утром Батурин сказал, что разыскивает меня Андрей Жариков. Есть, мол, у него неотложный разговор.

Не зря говорят: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Без этого туго пришлось бы газетчику на фронте. Андрей Жариков подготовил для меня вчерне рассказ про юного разведчика Колю Федорова.

— Не поленись, приложи к моему сочинению свою руку,— просил Жариков.— Порадуй наших ребят-разведчиков.

Вот эта история.

«В августе сорок первого года дивизия принимала в свой состав 1317-й стрелковый полк. С командирами и бойцами беседовал лично Штыков. На глаза комдива попался мальчик.

— Это что еще за воинство? — спросил Штыков.

— Это — Коля. Наш приемыш. Из молодых, да ранний. Побывал уже в бою, помог отбить атаку немцев. Хоть сейчас реляцию для награды сочиняй.

Штыков растрепал чуб мальчика, напуская строгость, пригрозил:

— Будет вам реляция. Всыплю на всю катушку. Будете знать, как малышей в бой пускать. Отправить «бойца» в мое личное распоряжение!

В санбатовской бане паренька отмыли, мастер подстриг его под бобрин. Одели в новенькое обмундирование, в сапожки, сшитые по специальному заказу.

Коля, вытянувшись в струнку, приложив ладонь к виску, отрапортовал по всем правилам:

— Красноармеец Николай Федоров прибыл в ваше распоряжение, товарищ генерал!

— Вольно! Садитесь, товарищ красноармеец Николай Федоров, — улыбнулся комдив.

Таким, расстроганным до слез, никто из подчиненных Штыкова еще не видел.

— Расскажите о себе, товарищ красноармеец Николай Федоров.

«Товарищ» красноармеец рассказывал. Генерал слушал.

Не назвал мальчик ни папу, ни маму. Сказал, что была в деревне Ровная Нива бабушка. Была большая изба. Была русская печь. Трещали за стеной морозы, а на печи было тепло, тепло. Шуршали тараканы, клонило в сон от сказок бабушки. В этих сказках говорилось о том, что не в далеком царстве, а на псковской земле, в городе под названием Остров, родился мальчик Коля. Папа его был не из доброго десятка, бросил маму, бросил Колю. Оказался крохотуля-малыш у бабушки. Распеленала старая ребенка, растаяла от радости: «Есть у тебя внук. Будет он расти не по дням, а по часам!» Коля рос, не знал беды. Мечтала бабушка: кончит Коля школу, прочтет он ей много, много книг, одарит ее лаской и заботой.

— Одарит, обязательно одарит! — шептал мальчик.

Но не все сны сбываются: умерла бабушка.

Появилась мама с незнакомым человеком. Назвался этот человек папой. А куска хлеба для Коли в доме нет.

Зато были хорошие соседи. У бабы Марьи своих четверо, а гладит Колю по головке, приговаривает: «Ешь, ешь, сынок, набирайся сил. Лишний рот в доме не помешает». В читалке дневал и ночевал дед Миша. Обрадовался, что рядом с ним крутится «мужик», помогает топить печи, держать в чистоте «учреждение». Учит дед Миша мальчика, что слаще хлеба книги. В них много, много премудростей, дружи с ними. Коля дружил, научился читать.

Однажды летом нанялся в подпаски. Появились в руках «свои» деньги. Решил лететь вольной птицей, смотреть белый свет. Попал в город Ленинград. Как свои пять пальцев знал поля, леса, дороги и тропки, а среди домов заблудился. Ноги стали, как бревна. Оказывается, и в большом городе есть хорошие люди. Приласкал Колю заботливый человек по фамилии Мартынов, сказал, что осенью определит его в школу на Большом проспекте.

— А тут пошел по городу слух, что напали на нас фашисты. Решил, что надо пробираться на войну. Стрелять я умел. Научил меня этой премудрости дед Михаил, когда вместе ходили на охоту.

С Витебского вокзала добрался до станции Вырица. Там приняли меня в полк. Ранило пулеметчика, когда наступал немец. Я пустил по врагу целую ленту.

Так, товарищ генерал, стал я воевать.

— Вижу, товарищ красноармеец, что ничего ты не утаил,— сказал, как равному, Штыков,— пошлем тебя в разведывательный батальон.

Колю определили в роту лейтенанта Загорулько.

Сняв форму, Коля, деревенский мальчишка, в лаптях, ходил собирать ягоды, грибы.

В лесу около станции Лычково увидел много немецких танков, доложил об этом Загорулько. В результате наши летчики уничтожили больше тридцати машин врага.

Вскоре, тоже около Лычкова, наткнулся на склад оружия. Разведчики немедленно вышли на операцию: склад взлетел на воздух.

В октябре Загорулько получил задание уничтожить гарнизон в деревне Заболотье, взять «языка».

Проводником шел Коля, так как знал, где стоят часовые, в каких домах живут офицеры.

Часовых сняли без выстрелов. Окна домов забросали гранатами, фашистов, пытавшихся спастись, покосили из автоматов. Двух немцев взяли в плен.

17 октября разведчики Загорулько пошли на помощь

стрелковому подразделению, которое вело бой с немцами, вклинившимися в нашу оборону.

Коля проснулся, протер глаза, мурашки побежали по спине: один-одинешенек в сарае. Схватил автомат, побежал искать своих. А где они, свои? Рвутся немецкие мины, ухают наши пушки. Выходит, что попал ни к своим, ни к немцам, а к черту на рога. И тут потемнело в глазах, провалился будто сквозь землю.

Подобрала мальчика санинструктор Валя Серухина, которую за смелость и храбрость называли Володей.

— Володя, — умолял Коля, — будь другом, не говори, что я ранен. Дай слово, честное пионерское!

— Не скажу, не скажу! Честное пионерское! Перебинтую ногу, штанину раскручу, и все будет шито-крыто. Ты только не хромай.

Загорулько возмущался, кипел:

— Как тебя угораздило попасть к черту на рога? Ведь я приказал не будить тебя. Не место тебе в этой заварухе. Упрячу под замок!

Коля молчал. Про себя думал: «Не сдержал слова, честного пионерского Володя. Как же с таким народом можно воевать?»

Разведчики совершили успешный рейд в район города Демянска, выяснили расположение полевых аэродромов немцев.

На обратном пути в избушке лесхоза застали сонных немцев. Привели в батальон сразу восемь «языков». Притащили разведчики и немецкий велосипед. Загорулько подарил его Коле, он был на седьмом небе!

Катался Коля в расположении части, так как помнил наказ Загорулько, что, если умчится далеко, выпорют его при всем честном народе.

От этого велосипеда не знал теперь покоя ни один разведчик. Только начинают собираться в путь, а Коля тут как тут: «Камера нужна», «Может, нипель попадетя!», «Клей для резины не забудьте прихватить!»

Отвечали:

— Будут тебе, Коля, и камеры, и клей, и нипеля.

А про то, что в мороз хоть клей, хоть шей немецкую эрзац-резину, все равно лопнет, молчали. Пусть парень тешится!

3 ноября Штыков приказал подобрать группу разведчиков для установления связи с партизанским отрядом.

Коля шел в качестве связного.

Ночью удачно миновали передний край немцев. Днем

отдыхали. С наступлением темноты снова в путь. 15 ноября вышли к окраине города Дно. Коля пошел по условленному адресу, чтобы спросить, где Афиноген. В случае встречи с полицией или с немцами мальчик должен был отвечать, что идет в деревню Ровная Нива к родным.

Явка оказалась раскрытой немцами. Коля не вернулся, и разведбатальон будто осиротел».

Историю о юном разведчике Коле Федорове редактор дивизионной газеты зарезал на корню. Зарезал, да еще и нотацию прочитал.

— Молодо-зелено, — нудно бубнил батальонный комиссар, будто пилил меня на части. — Видать, не выварился еще в армейском котле. Так и тянет вашего брата-журналиста на всякие выкрутасы, побасенки. Ребенок занимается разведкой! Напечатай такое — поднимут на смех, скажут: «Афанасьев срамит честь советского военного мундира. Дает козыри врагу, чтобы тот ославил, опозорил Красную Армию на весь свет!»

Зябко и неуютно было у меня на душе. Не хотелось даже заикаться, что в моих силах поправить, убрать, что смущает редактора, не упоминать о том, что Коля Федоров попал в лапы фашистов.

Ошеломительные обобщения редактора толкали на горькие раздумья: может, на самом деле, поторопился, не выносил материал? Ответил робко:

— Бог с ним, с разведчиком. Могу дать авторские статьи про разведку боем, о том, что в дивизии начали проводить успешные операции под покровом ночи, особенно вновь созданные роты автоматчиков.

Афанасьев не дал договорить, взвинтился еще больше:

— От горшка два вершка, а судит категориями всей нашей армии. Пусть в «Красной звезде» пишут об этом сведущие люди. И опять же, думать, думать надо о соблюдении военной тайны! Враг не должен знать, что у нас созданы роты автоматчиков, что будем мы его бить теперь чаще по ночам.

Проостыв, редактор дал категорическое указание:

— Не мудри. Хронику, хронику давай. Факт есть факт, из него шиш чего противник выведает!

Хроника так хроника. Отныне редактор был ею сыт по горло.

На пороге был уже сорок второй год. Хотелось сказать: прощай, сорок первый, спасибо тебе за то, что в тяжелые месяцы лета и осени встретил я не только Афанасьева.

Я узнал коллектив армейской газеты «Знамя Советов», где приобщился к большой работе, где в суровой обстановке складывались свои жизненные правила, свои уставы. Здесь меньше всего козыряли, тянулись в струнку. Именинником ходил не тот, кто выше по званию, а тот, кто отличился на газетной полосе. Люди знали друг друга и звали чаще всего по имени. Само собой разумеется, что к пожилому человеку обращались по имени и отчеству. Были откровенные разговоры, были споры до хрипоты. А плох ты или хорош, судили по тому, что вышло из-под твоего пера.

Конечно, все это пришло не вдруг. Старожилы редакции не любили вспоминать о прошлом, о том, что в первый день войны штаб 11-й армии стоял в Каунасе. На случай опасности в каунасской крепости существовали убежища, которые не прошибешь пушкой, не возьмешь бомбой. В этом надежном укрытии было место и для редакции и для типографии «Знамени Советов».

Но работать в крепости так и не пришлось: в первое военное утро оперативная группа выехала в дивизии, стоявшие на границе. Выехала... и не вернулась.

А потом редакция следовала с тыловыми службами армии. Связь со штабом фронта нарушилась, армейским связистам удалось попасть на прямой провод с Москвой только в Полоцке. Оттуда последовало указание: штабу армии перебазироваться в Порхов, принимать под свое командование дивизии, отходящие из Прибалтики.

Наборщики, печатники приноровились работать в походных условиях, набирали вручную, забыв о линотипах и ротациях. Пригодились поношенные кассы-реалы, валившиеся за ненадобностью на армейских складах.

Печатники чертыхались, так как сбитое очко литеры плохо приправлялось, оттиски получались серые, с плешинами.

Командиры и красноармейцы, получая газету, не замечали этих огрехов. Легче становилось на душе, когда в руки попадал лист, пахнущий типографской краской. Из него достоверно, а не по слухам можно было узнать, что творится на белом свете.

14 июля газета напечатала обращение к войскам командования Северо-Западного фронта.

«Товарищи красноармейцы, командиры и политработники,— говорилось в обращении.— Над городом Ленина — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения...

Всеми мерами борьбы приостановить дальнейшее вторжение врага на нашу территорию, драться с ним, не щадя своих сил и самой жизни. Бить фашистских разбойников там, где они очутились. Наша земля должна стать могилой гитлеровскому фашизму!»

В июле удар наших войск был ошеломителен. Дрогнули немецкие танковые и мотомеханизированные дивизии, стали отступать, так как угроза окружения была вполне реальной.

19 июля немцы получили приказ — прекратить наступление на Кингиссеп и Лугу.

Редакция газеты «Знамя Советов» задыхалась от нехватки свежих материалов с передовой. Восполнить потери опытных газетчиков в первый день войны длительное время не удавалось. По заданию редактора интендант Степан Гукай рыскал по передовой в поисках пишущих людей. Так в начале июля Гукай совершенно случайно нашел меня и Колю Лисуна.

Отсиживаться в редакции, привыкать к новой обстановке ни мне, ни Лисуну не пришлось. Ответственный секретарь редакции Ганий Гильманов отстукал на фирменном бланке временные удостоверения, скрепил первые попавшие нам под руку фотографии печатью и приказал отправляться в путь.

Мы с Лисуном совершали пешком большие концы под Порхов, Дно, Сольцы. Все, что удавалось раздобыть, тут же шло в набор, а мы отправлялись снова в дорогу.

Не знаю, как у Лисуна, а у меня после походов в дивизии и полки голова шла кругом — не от усталости и перепалок, в которые мы попадали, а от рассказов командиров и красноармейцев. То, что они совершали, трудно было передать простыми, человеческими словами. Получались пышные, громкие фразы, заканчивающиеся сплошными восклицательными знаками.

Полегчало в августе, когда пришло большое пополнение из Москвы.

В те дни сформировался отдел армейской жизни. Возглавил его старший политрук Михаил Тимофеевич Строков. Вместе со Строковым прибыл младший политрук Петр Михайлович Белый.

Видно, кому-то пришла мысль, что слишком большая роскошь гонять корреспондентов за информацией, держать газету на голодном пайке, не лучше ли создать под рукой у оперативного отдела штаба армии корреспондентский пункт.

Петр Белый. На корпункт послали Белого, Авсянского и меня. В избе, отведенной для работы и жилья корреспондентов, имелся аппарат прямой связи с редакцией, которая находилась от нас за много километров.

День начинался с того, что Белый поднимался чуть свет и, как он выражался, удалялся на рекогносцировку. Белый умел очень быстро находить общий язык с людьми. Как это ему удавалось, оставалось загадкой для меня и Авсянского. То ли вызывала уважение его безукоризненная выправка, называемая в армии военной косточкой. То ли покоряли выдержка и находчивость, его умение не теряться в любой обстановке. То ли обезоруживала его бойкость и смелость, даже в разговоре со старшим по званию он за словом в карман не лез, умел сразу взять быка за рога и сказать быстро и точно о главном.

Авсянский и я приняли как должное лидерство Белого, хотя он на это и не напрашивался. Скоро стал он для нас Петром, Петей, а мы для него Володей и Женей.

После рекогносцировки каждый из нас «смывался» в полки и дивизии. На дорогу уходило не больше получаса, к полудню все были в сборе, выкладывали, кто чем богат. Тут же брались за перо, заметки и корреспонденции срочно передавались в редакцию.

Как-то утром Петр вернулся в приподнятом настроении, с лукавинкой посматривал на нас, размышляя, стоит ли ему говорить вслух. Но вскоре, резанув ладонью воздух, отбросил сомнения. Как-никак, он имеет дело со своими людьми, а от своих не должно быть секретов.

Белый откровенничал:

— Появились, друзья, на нашем участке фронта танкисты Ротмистрова. Чешутся у меня руки первым побывать там, да есть очень хорошие дела у летчиков. «Смотаюсь» сегодня туда. Ты, Женя, к танкистам, Володя — в свеженькую пехотную дивизию. Чувствую, будет у нас хороший урожай. Будут заделы не на один день.

— Я уже знаком с танкистами,— ответил я.

Белый поднялся со стула, как ошпаренный:

— Когда успел? Не было еще случая, чтобы кто-то обскакал Белого. Был у танкистов Ротмистрова и ни слова не сказал! Хорош гусь!

Пришлось раскрыть свои карты.

Ходил я сам не свой среди новеньких машин, пахнущих свежей краской, не мог налюбоваться на коренастых богатырей в шлемах, орудовавших возле танков кто с ключом, кто с ветошью. И вдруг меня окликнули.

У танка стоял Гера Захаров, мой однокурсник по институту журналистики в Ленинграде. В комбинезоне и шлеме трудно было его узнать, да и держался он как-то солидно, официально. Но этого хватило Гере на один миг, мы подлетели друг к другу, крепко обнялись. Лицо Геры снова было своим, милым, как и прежде: нос, усыпанный веснушками, белесые брови, беспечная улыбка и ямочки на щеках.

«Гера, Гера! — пронеслось у меня в голове. — Разве помышляли мы о том, что всего через год с лишним, после бесшабашной студенческой жизни, нам придется воевать? Тебе, Гера, все легко давалось в жизни. Ты никогда не готовился всерьез к экзаменам и получал отличные отметки. В день выдачи стипендии ты проматывал все до копейки на яркие галстуки, любил шикануть в Доме журналиста, а потом целый месяц занимать на завтрак, обед и ужин. Озорной, умеющий радоваться на всю катушку, радоваться в будни и в праздники, ты был честным и неподкупным. Как же сложится твоя военная судьба?»

Открытием для меня были слова Геры о том, что броня может защищать, но может стать и злой мачехой.

Захаров познакомил меня с экипажем механика-водителя Плюхина. Их машину только что притащили на буксире с переднего края. Экипаж, поддерживая атаку стрелков, не заметил, как вырвался вперед, раздавил громадой танка немецкое орудие, развернулся. Грунт, как назло, оказался вязким. Танк зарылся в жирный торф. Три дня экипаж вел неравный поединок с противником, уничтожал немецкие орудия, сек из пулемета вражескую пехоту. Но кончились снаряды и патроны.

Фашисты ликовали, стучали прикладами автоматов по броне, предлагали открыть люки. Они взорвали ствол пушки, погнули ствол пулемета, заложили под днище танка фугасы, кричали: «Плен! Плен! Плен!»

Экипаж молчал: лучше смерть, чем плен!

Раздался взрыв. Танк подбросило, и гитлеровцы ушли, оставив мертвую машину на нейтральной полосе.

Танк удалось вытащить буксиром. Плюхин, Галецкий, Прохоров живы, они снова в родной, боевой семье.

В тот день принял меня сам Ротмистров. Принял и охладил мой восторженный пыл.

Оказывается, трясины, речушки, овраги не дают возможность бронетанковым подразделениям развернуться во всю силу. Мощные танки действуют мелкими группами, а чаще всего в одиночку. Какая уж тут помощь пехоте!

Был я у танкистов Ротмистрова, а ни одной строчки так и не родилось. Все размышляю: стоит ли рассказать об экипаже Плюхина? Ведь как-никак механик допустил и оплошность. Не зная броду...

— Стоит! — категорически отрезал Белый. — Заголовок сам собой напрашивается: «Четыре дня в осажденном танке». А к танкистам ты все же сходи еще раз. Может, и дружка своего еще раз встретишь.

Ходил я к танкистам. Ходил не один раз. Материалы шли в газету, а Геру Захарова так и не встретил. Видно, такая уж на фронте судьба!

Петр Белый, не имея специального разрешения, бывал на полевом аэродроме, встретился с летчиками, сделал выписки из журнала боевых действий.

Все с большим любопытством читали рассказ Белого о боевых делах летчиков части майора Дельнова. Только в сентябре летчики Гудов, Носов, Марютин, Александров, Фролов, Богатов и другие сделали свыше трехсот боевых вылетов. Вылет — значит выполнение четко поставленной задачи: подавить артиллерийские батареи врага, сорвать наступление противника, накрыть вражескую колонну, взорвать переправу...

Тишину утра поздней осени, когда трава хрустела под ногами, как стеклышко, разорвал гром канонады. Дом наш ходил ходуном, мы выскочили на улицу. С высокого холма на запад открывались необъятные дали.

Белый без бинокля определил:

— Бушуют немцы. Бьют по Сухой Ниве, там 26-я стрелковая.

Шквал затих, и дым начал рассеиваться. И вдруг снова грохот, еще более сильный.

— Дело пахнет керосином, — сказал Белый, — вы оста-
етесь на месте, а я сматываюсь в 26-ю.

Двадцать шестая стрелковая дивизия нам была хорошо знакома. Она прибыла под Старую Руссу с Дальнего Востока. Для нас, перенесших тяжкое отступление, такая «нетронутая» дивизия была в диковинку. Парни как на подбор, в новеньком обмундировании, а снаряжение, которое можно видеть только на парадах. Седой историей веяло от названий полков: Карельский, Казанский, Новгородский, происходивших от красногвардейских отрядов из Карелии, Нижнего Новгорода, Казани. В 1918 году эти отряды пополнились коммунистами с Урала, родилась 26-я Златоустовская дивизия, она била Колчака, белогвардейские банды Семенова, Унгерна, освобождала от

японских и американских интервентов Дальний Восток.

Белый появлялся на корпункте только для того, чтобы передать в редакцию короткие информации, и снова отправлялся в 26-ю.

На все наши вопросы Белый отвечал:

— Потом, потом!

На пятый день Белый, наконец, остался ночевать. Как лег, так и пролежал на одном боку до утра, не шелохнувшись. Мы было забеспокоились: жив ли мужик? Подходили на цыпочках к топчану: слава богу, дышит! Встал, будто по расписанию, на рассвете, посвежевший, веселый, разговорчивый.

— Такое, друзья, бывает не часто. Дальневосточники да и их соседи «скрестили шпаги» с отборными немецкими частями, в том числе и с дивизией СС «Мертвая голова». Фашисты не жалели снарядов, такой артподготовки я еще не слыхивал и не видывал. Вполне можно было ожидать, что вражеский огонь все сметет на переднем крае. Потом пошла в атаку пехота при поддержке танков и броневиков. Фашисты захватили Сухую Ниву. Казалось, что вот-вот брешь в нашей обороне будет расширена: четыре дня волна за волной шел враг на рожон. Но наши выстояли. Ночью бойцы командира Бушуева вышибли фашистов из Сухой Нивы. Конечно, без танков и пушек было бы туго.

Попали в наши руки кое-какие документы. Не видать бы нам корпункта, как собственных ушей. Целились немцы очень и очень далеко. Снилось им, что сомнут они наш фронт, соединятся с белофиннами.

Не зря сидел я в 26-й. Выходит, что Петр Белый является свидетелем большого сражения на маленькой речушке Лужонка, сражения, которое имеет далеко не местное значение!

Мы радовались от души, поздравляли друга:

— Честь и хвала тебе, Петр Белый!

Вскоре похвалили и меня. Подразделение, где я находился, сорвало коварную операцию противника. Я быстро написал заметку и передал в редакцию. Час был поздний, но в редакции решили переверстать первую полосу, дать передовую, написанную по горячим следам событий. Она называлась «Подвиг пулеметчика Петра Власова».

В передовой, как и следовало, делались большие обобщения. Петр Власов заслуживал того, чтобы имя его осталось в веках.

Свершилось в тот день вот что.

Старший сержант Петр Власов дежурил у ручного пулемета. Его огневая точка находилась на отшибе от своих и прикрывала оголенный фланг. Неожиданно на пепельно-сером поле появились немцы. Шли они без опаски прямо на Власова.

Очередь, пущенная Власовым, прижала немцев к земле. Их было много, не меньше роты, они лежали, но откуда-то с их стороны велся прицельный огонь. Одиночные выстрелы достигали цели, не раз пуля цокала по металлу пулемета.

Власову обожгло ногу, но боли он не почувствовал. Как только немцы поднимались, старший сержант разряжал диск и вставлял новый. Немецкая пуля попала в живот. Потемнело в глазах, на какой-то миг старший сержант потерял сознание. Немцы теперь шли во весь рост, и снова свинец косил немцев.

Власова ранило в голову, но неравная борьба продолжалась.

К нему подполз политрук Тонкошур, Власов успел сказать:

— Пулемет исправен. Диски есть... Бейте гадов.

Подошло подкрепление. Немцев взяли в кольцо.

— Порядок,— сказал Власов, придя на минуту в сознание.

— Это значит,— пояснил политрук бойцам,— что и один советский человек в поле — воин!

Белый, прочитав передовую, заключил:

— Похвально! Но нет в тебе, Женя, командирской жилки. Это, между прочим, подчеркнул в разговоре по телефону и наш начальник Михаил Строков.

— Ты о чем, Петр? — удивился я.

— А о том, что, если бы я был на твоём месте, то заинтересовался, в каком месте оборудовал огневую позицию старший сержант, как он предусмотрел, чтобы одному можно было длительное время сдерживать врага. Судя по всему, он удачно выбрал высотку, а вот об окопе в полный профиль не подумал: тогда не угодила бы вражеская пуля в ногу и живот пулеметчика.

Тут я припомнил, как в свое время на макетах в учебных аудиториях, а затем на местности нам не раз говорили о господствующих высотках, о складках местности, о выгодном расположении огневых точек. Тогда думалось: зачем так скучно и нудно распространяться об элементарных вещах, о том, что ясно как дважды два.

Но ни разу не упоминали участники боев, с которыми я встречался, об этом ясно, а мне и в голову не приходило лишний раз спросить, найти то зернышко, которое решило судьбу схватки. Прошло то время, когда мы пели, что мы сильны и, если наступит грозный час, шапками закидаем врага. В стойкости и мужестве есть много секретов. То и другое подкреплено умением, которое рождается каждодневно, которое надо распознать, умело о нем написать, сделать достоянием тысяч и тысяч.

— Обиделся? — спросил Белый, заметив, что после его тирады по поводу передовой о Петре Власове я долго сидел сам не свой.

— Нет, друг, не обиделся, а кое-что понял. Крепко дал ты мне по шее, побольше бы таких наглядных уроков. Плохие, видно, были у меня учителя в солдатской казарме. Теперь буду искать то, что ясно как дважды два.

— Ищи, ищи, — подтрунивал Петр, — не то не раз попадет тебе по шее от Михаила Строкова.

Белый уже не раз уважительно высказывался о начальнике нашего отдела армейской жизни. Это удивляло. Знакомство со своим начальником у меня было пока шапочное. Одет с иголочки, идет ему военная форма. Не висит, как у других, мешком. Но нет в Строкове военной косточки, нет грубоватой, командирской нотки в его манере говорить с подчиненными. Бледное, необветренное, почти нежное лицо, холеные руки. Какой-то хрупкий интеллигентик из профессорской семьи.

Этими первыми впечатлениями о своем начальнике я поделился с Петром Белым.

До сих пор я не видел, чтобы Белый умел так заразительно смеяться.

— У-м-о-рил! Молчит, молчит и вдруг брякнет такое, что хоть стой, хоть падай! Хрупкий ин-те-лли-ген-тик!

Через какое-то время Белый хлопнул себя по лбу, будто его осенила великая мысль.

— А ведь ты метко подметил! Есть в Строкове этакая мягкость, деликатность. А разве плохо? Будет лучше, если начальник начнет рычать, а ты в ответ: «Так точно! Будь сделано!»

— Боже упаси. Горлопанов хватало накануне войны в казармах и на плацах. Явятся они во сне — пот холодный прошибает.

— Между нами, девочками, говоря, — начал с хитровой улыбкой Белый, — Строков приметил тебя еще с первой встречи в редакции. Учились вы, оказывается, вместе

в комвузе журналистики в Москве, на улице Кирова, 12.

— Разыгрываешь, Петя?

— Вот тебе крест! Ты ходил в первогодках, а Строков, можно сказать, держал уже диплом в кармане. Вы же тогда все витали в облаках, мечтали о славе. Не диво, что в ораве будущих гениев всех трудно было упомнить.

— Откуда, Петр, все это известно? Может, и ты ходил среди тех самых, будущих гениев?

— Не всё сразу, господа!

Все же выбрал я момент, чтобы разговорить Белого.

Петр повел рассказ так, что до меня без назидания дошло: нельзя строго судить о человеке с первого взгляда.

Война застала Строкова и Белого на курсах «Выстрел». «В июле вызвали в Главпур. Там в редакцию газеты 11-й армии «Знамя Советов» сосватали сразу большую артель: писателя Евгения Поповкина, старшего политрука Михаила Строкова, политрука Максима Нечетова, меня, Белого, младших лейтенантов Андрея Богуцкого, Петра Дариенко. Старшим этой артели назначили Евгения Поповкина.

Строков хлопотал насчет билетов. Провернул он эту операцию быстро. Вернулся и, будто извиняясь, доложил Поповкину:

— В «Метрополе» спросили: «Как желаете добираться до Новгорода? Через Чудово или Ленинград? Я на свой страх и риск взял билеты на Ленинград.

— Чудесно! — похвалил Поповкин. — Это будет для нас как причастие по пути на фронт.

Путь был не быстрым и не легким, как нам представлялось, хватило времени для откровений.

В пути я и узнал, что Строков мужик рязанский. Двух лет ему еще не было, когда умер отец. Мать завела новую семью. На мужиков не везло, рождались девочки. Чуть подрос, пошел с отчимом на заработки. Заготавливал дрова, торф. Так бы и прилип к торфяному делу, начал учиться в техникуме по этой специальности, но круто повернула жизнь армия. Служил в Чите, стал младшим командиром. Отвечал головой за отделение в артиллерийском полку. Пописывал в дивизионную газету, получил зеленый свет в Москву, в комвуз имени «Правды». По чьей-то злой воле прикрыли это нужное учебное заведение в тридцать восьмом году. Прикрыли под видом, что потребовалось помещение для очередного наркомата.

Строкова взяли на работу в «Известия». В тридцать девятом райкомы партии тщательно отбирали коммунистов

для политической работы в Красной Армии. С тех пор посит он в петлицах «шпалу». И место попало вроде не бей лежачего — отдел информации в газете Московского военного округа «Красный воин». Но чувствует мужик, что военных знаний маловато. Того и гляди всадишь где-либо не к месту штатское словечко, ударишь лицом в грязь на газетной полосе, а полоса эта не меньше известинской, крутишься, как белка в колесе, тем более что сотрудников в подчинении раз, два и обчелся. Подался на курсы военных журналистов. Домашние ахнули: какого рожна еще человеку надо! Сидит в Москве, должность денежная, глядишь, и еще какие-нибудь блага с неба свалятся.

Вот так и начали мы со Строковым грызть гранит военных наук в политическом училище имени Ленина, а потом до «седьмого пота» закрепляли теорию на практике в Кубинке.

Таковы строковские стежки-дорожки. Таков он интеллигент!»

Скоро я и сам убедился, что ошибся в Строкове. Факт, преподанный в заметке, его не устраивал. Он требовал, чтобы каждое действие командира или красноармейца было мотивировано, почему человек в бою поступил так, а не иначе.

Не повышая голоса, Строков назидая:

— Писать так, как требуется, никогда не научишься, если не найдешь общий язык с человеком на передовой. Надо уметь «выудить» тонкости. Тогда материал будет поучительным.

Я принимал эти указания своего начальника как должное. Чекин, получив замечание Строкова, вспыхивал, как порох.

Строков, пробежав стихи, предложенные Чекиным, подчеркивал слова красным карандашом и как можно вежливее говорил:

— В этих местах, Игорь, надо сказать по-другому.

— Это же стихи, — гремел Чекин, — это — образ!

— Образ, да не тот, — невозмутимо отвечал Строков. — Смеяться будет читатель, смеяться не над Чекиным, а над газетой. Разведку ведут, маскируясь, а у тебя рифма: «Во весь рост!»

— Это же поэзия, а не Устав! — метал гром и молнии Чекин.

— Не согласен? Жалуйся вышестоящим начальникам, хоть самому редактору.

— Жа-луй-ся! Знаю я здешние порядки. Здесь не Дом

литераторов! Все против писателей. Все одним миром мазаны!

Чекин, поостыв, сел за стол. Вскоре вставал возбужденный:

— Переделал! Стало много лучше, даже самому нравится. Ставь, Миша, визу. Пусть идет в набор!

На этот раз Строков без лишних слов ставил визу.

Чекин часто бывал на передовой, писал быстро. Легко выходили из-под его пера проза и стихи. Бесстрашно ходил «в атаку» на всех, кто крошил его размашистые творения. Пошумев, скоро отходил. А чего еще оставалось делать, если люди рубили с плеча:

— Для твоих сочинений, Игорь, нужны рулоны, а не крохотные газетные полосы. Экономь слова, они еще пригодятся!

Каждый из писателей был для нас, рядовых газетчиков, тайной за семью печатями. Думали про себя, что люди, создающие книги, достигали такой высоты, которую едва ли можно покорить нам, простым смертным.

Юрий Корольков ходил в заместителях редактора. Евгения Поповкина, Игоря Чекина, Ваграма Апресяна распределили по отделам. Особняком оставался Аркадий Кулешов. Поручения и просьбы он чаще всего получал от секретаря редакции, редактора.

Гимнастерка, шинель висели на Кулешове мешком. Рядом с пухленьким Поповкиным, коренастыми Корольковым и Апресяном Кулешов казался совсем бестелесным, только кости да кожа.

Он редко вступал в разговоры, не подавал голоса на редакционных летучках и разного рода совещаниях: может, из скромности, а может, оттого, что не привык еще к новой обстановке.

Его пухлые, почти мальчишеские губы походили на туго завязанный бантик. Большой кулешовский лоб становился еще внушительнее оттого, что негустые, цветастые волосы носил он на пробор. Эту его прическу не мог сбить даже ветер. Лен лежал на голове плотно, будто его волокна хорошо сбобрили постным маслом.

При первой возможности Кулешов уединялся в палатку или землянку. Жил он неразлучно с театральным художником из Минска Цфаней Кипнисом, внешне очень примечательным — густая черная копна волос, лицо прокопченное, как у цыгана.

Кипнис первым слушал кулешовские стихи, рифмованные шапки, сделанные по специальному заказу секретаря

редакции. Цфаня не только слушал, но наверняка что-то советовал. Этими советами Кулешов очень дорожил. Кто знает, сколько из написанного поэтом в первые дни войны шло в клочья, не увидев света.

В конце сентября сорок первого года, когда в небе чаще стали появляться наши самолеты, когда люди на передовой с облегчением вздохнули, что пришел, наконец, час расплаты с фашистами за безнаказанный разбой в воздухе, Кулешов выдал на-гора свое первое стихотворение. Оно называлось «Штурмовики».

Над тихими осенними кустами
Огонь ракеты взвился золотой.
Они летят. И вот уже над нами
Проходит низко краснотелый строй.
Не видно лиц. Лишь грозные машины,
Расправив крылья, мимо пронеслись
И кажется, что это исполины,
Рожденные землей, уходят ввысь.
Передний край врага объят пожаром.
Штурмовики огня смертельный шквал
На вражий стан обрушили.
Недаром их «черной смертью» пленный
Называл.

Кулешов часами мог лежать на топчане, заложив руки под голову. Цфаня Кипнис в это время успевал побывать и в секретариате, и в отделах, и в типографии, и у радиста. Он находил общий язык с каждым, для каждого была наготове у него новая байка или анекдот. При этом он заразительно смеялся, поджав живот, раскрыв белые, как репа, зубы. Когда же до его ушей доходили колкости в адрес Аркадия Кулешова, Кипнис превращался в рыцаря.

Как-то по редакции пошли стишки: «У Миши в звучном армотделе поэт с писателем. Они по-разному проводят дни и разные имеют цели: один старается писать, другой — весь день дремать. Активность в авторе сонета пока горячим бьет ключом, а что касается поэта, то даже Строков ничем расшевелить его не может, махнул рукой и не тревожит».

Не трудно было догадаться, что строки эти сочинил Чекин.

Кипнис коршуном набросился на Чекина:

— Грех на душу берешь, Игорь! Что ты знаешь об Аркадии?

— Как что? — взорвался Чекин. — Сочиняет парень. В переводе на русский его творений не читал. Держал в руках его сборники на белорусском. Дай бог припомнить! Листал в Доме литераторов в Москве, среди свежей почты

в библиотеке, брошюрочку «Расцвет земли», поэму «Мы живем на границе».

— Вот, вот! Видел! Пробежал! Держал! Слышал звон, да не знаешь, где он.

Чекин никак не ожидал такого наскока, тем более от весельчака и балагура.

Кипнис не отступался:

— У тебя родные где?

— Пока в Москве.

— В Москве! А у Аркадия под немцем. Где они, что с ними, Кулешов не ведает. Он пешком, под огнем врага, уходил на Восток. До сей поры по ночам его преследуют кошмары. Просыпается в холодном поту. Как язык твой поворачивается язвить?

— Ладно! — примирительно заключил Чекин. — Бог с ним, с Аркадием. Время покажет, кто на что способен.

— Золотые слова! — подтвердил Кипнис. — Время покажет.

Вскоре Цфаня Кипнис втянул Чекина и Кулешова в общую редакционную работу.

Газета начала печатать регулярно поэтические новеллы «Рассказ о том, как бьет врагов на фронте Алексей Петров». Каждая новелла имела свой законченный сюжет, а читатель ждал продолжения, так как бывалый солдат Алексей Петров был горазд на выдумки в малых и больших делах. Цфаня Кипнис сопровождал стихи своими иллюстрациями.

Не ждали и не гадали, что байки Цфани Кипниса тоже найдут выход в свет. Он «заразил» ими всех писателей и поэтов, в том числе Юрия Королькова и Евгения Поповкина. Время от времени четвертая страница «Знамени Советов» делалась под немецкую газету «Фелькишер Беобахтер». Только заголовок ее, нарисованный Кипнисом под готический шрифт, звучал иронически: «Вралишер Тарабахтер».

Люди редакции жили удачами газеты, а иногда, хоть и редко, настоящими земными радостями.

В конце лета Михаил Строков получил письмо. Жена Люба сообщала:

«Дорогой папочка! Поздравляю тебя с рождением дочери. Назвала, как и договаривались, Лилей. У нас все хорошо. Не беспокойся. Бей фашистов!»

Строков извлек откуда-то бутылку коньяка, напомнив, что приобрел ее еще по пути на передовую в Ленинграде. Вот и дождалась она своего заветного часа.

Сливший трезвенником, Строков небрежно плеснул коньяк в солдатские кружки, предложил поднять тост в честь появления на свет гражданки СССР Лилии Строковой.

— Я — пас! — решительно заявил Чекин. — Меняю эту драгоценную, солнечную жидкость на любую сладость, в крайнем случае на закуску.

— Закуски нет, — огорчился Строков, — я и сам не признаю выпивки, когда на столе пусто. Обошлись бы ломтиком лимончика с сахарным песочком, да где эту драгоценность возьмешь? Есть у меня, Игорь, какао в кубиках.

— Пойдет! — обрадовался Чекин.

Чекин раздобыл где-то крутого кипяточку, бросил в кружку кубик, размешал, глотнул, провел ладонью по животу, сказал, как пропел:

— Благодать!

Пил он торопливо, обжигаясь, приговаривал, что нет ничего чудеснее на свете; чем огненная заварка.

Никто не заметил, когда Чекин успел создать строчки, которые тут же начал читать, поводя кружкой в воздухе, как дирижерской палочкой.

Любочка Строкова!
Вам такое пожелание —
Дочку вырастить до основания,
Чтобы папочка по возвращении
Преисполнился восхищения

И сказал бы: «Я с фронта далекого!
Где тут дочка товарища Строкова?»
К сердцу дочку свою бы прижал
И промолвил: «Такую и ждал!..»

Строков, разволновавшись на минуту, не то от полученного письма, от глоточка ли коньяка или от рифмованных строк Чекина, тут же взял себя в руки.

— Делу время, а потехе час! — сказал Строков, убирая письмо жены в карман гимнастерки, поближе к сердцу.

В этих словах был весь Строков. Он сам не дремал и другим не давал. Начальник отдела «ходил» за материалом в дивизии, знал, как немецкие штурмовики гоняются за отдельным человеком, испытал на своей шкуре, что горше всего погибнуть в неизвестности, когда нет рядом локтя друга, получил контузию, вернулся в редакцию глухим и только позже услышал, что вместе с водителем полуторки нарвались они на мину и чуть было не угодили на тот свет.

Пришел в редакцию глухим, но не с пустыми руками. Появились в газете солидные статьи, очерки.

Только человек, сам побывавший в переплетах, мог сказать подчиненному:

— Газете нужен материал. Если убьют — не пытайся возвращаться в редакцию, тем более с чистым блокнотом!

Люди в шутку отвечали:

— Есть не возвращаться! Есть даже не пытаться погибать!

О письме, полученном Строковым из дома, рассказал мне Петр Белый, побывавший в те дни в редакции.

— Ну а у тебя как дома дела, отец? — спросил Белый, хлопнув меня сильно по плечу. — Растет небось парень? Вернешься домой, придется о свадьбе хлопотать.

Огорошил меня этим вопросом Петр.

— Молчишь? Таишь? А ведь я из тех, кто людей насквозь видит! Родился у тебя сын за двадцать дней до войны, зовут Павлом. Назвал так в честь друга детства. Жена и сын живут в архангельских краях. Там, на станции, которую мне, пожалуй, и не назвать, у вас, Петровых, целая династия.

У меня побежали мурашки по спине. Слышал, что водятся на свете люди, читающие чужие мысли. Неужели и Белый из таких?

Я с опаской посмотрел на Петра. Тот улыбался, глаза его смотрели через узенькие щелочки.

— Не бойся! Я не ясновидящий. Все очень просто. Земля слухом полнится. Завидую я тебе по-человечески. Когда есть наследник да если этот наследник растет в таком краю, куда грязные руки врага не дотянулись, тогда легче воевать. Есть, есть на земле твой корень жизни! Я же пока холостяк. На душе кошки скребут...

Только позже и то от других людей узнал я о горе, которое носил в себе Петр Белый. Оно, как тяжелая, не по силам, гиря, могло не только согнуть, но и сломать, порвать жилы.

Фашисты захватили Ростов-на-Дону. Станица Кущевская, где родился Петр Белый, где жили его отец, мать, два брата и сестренка, оказались под немцами.

Петя был старшим в семье, а старшему положено подпирать отца. После школы крестьянской молодежи учил он ребятшек в сельской школе, печатался в районной газете, подался потом в Ленинград, чтобы получить диплом журналиста. Северный, туманный, дождливый город не принял южанина. Студент таял на глазах товарищей.

Пришлось вернуться в Ростов-на-Дону. Шел голодный тридцать третий год. Днем Петр учился в техникуме, а вечером разгружал уголь. Так и заимел рабочую карточку. Фунт хлеба съедал за один присест, а половину пайка оставлял на сухари, посылал потом их младшим братьям и сестренке.

Служил в армии на Дальнем Востоке. Всегда и во всем первый: на строевой, на стрельбище, на турнике. Таких примечают командиры среди новобранцев и старослужащих.

Под конец срочной службы сказали:

— Видно, течет в тебе, парень, кровь донского казака. Быть тебе кадровым военным!

На что, конечно, последовал ответ:

— Есть!

Так и оказался Петр Михайлович Белый в Москве, в Кубинке.

Позднее мы от души радовались, что родные Петра на свободе. Красноармейский поэт, сотрудник редакции Николай Силаев посвятил этому событию свои, идущие от сердца строчки:

Вы помните, как в утреннюю ночь
Летели птицы с юга вереницей
И красная весна пришла в Кубань,
Свободной стала Белого станица.

Школа Михаила Строкова давала о себе знать. Корреспонденты отдела армейской жизни поставляли теперь не только оперативную информацию о боевых делах всех родов войск, но и готовили статьи командиров и красноармейцев. Газета начинала учить, как надо вести сражение на водном рубеже, применять стрелковое оружие против воздушных стервятников, раскрывать коварную тактику врага.

Поводов для разговора с читателем становилось все больше и больше. В папке Строкова лежали статьи и очерки на самые жгучие темы дня. Теперь можно было узнать о том, что расскажет газета завтра, и послезавтра, и через неделю.

Редакция длительное время располагалась в Кувизине. Можно было только поражаться, почему немецкие штурмовики не бомбили и не обстреливали деревню. Может, потому, что располагалась она на высоких холмах, с которых открывались необъятные просторы на все четыре стороны света: такое местечко стоило приберечь для себя, на завтрашний день.

Люди, прибывающие в Кувизино с передовой, отдыхали на всю катушку. Голова шла кругом от золота и серебра бабьего лета, от бездонного неба, от уюта деревенской избы, в которой за многие годы мирной жизни перемешались запахи свежееиспеченного хлеба, парного молока, овчины, смолянистой стружки. Не хотелось думать ни о предстоящих походах, ни об опасностях, ни о невзгодах, которых, хотел бы ты или не хотел, все равно не избежать.

Здесь, в Кувизино, проходили планерки-смотрины. Один из сотрудников обозревал газету за неделю, выделял лучшие материалы, говорил о целесообразности публикаций, ловил «блех».

Редактор Владимир Борисович Фарберов умел слушать. Он не мешал ни докладчику, ни выступающим, пометчая что-то в своей записной книжке. В конце редактор подводил черту. Он называл тех, кто высказывал дельные мысли, говорил, какие публикации замечены в политотделе, что посоветовал ему в личном разговоре член Военного Совета армии.

После планерок у одних расправлялись крылья для нового полета, у других тоже легче становилось на душе, так как хоть и дали крепко по шее за грехи, но, судя по доброжелательному тону, поверили, что новых грехов не будет.

Фарберов поднимался чуть свет, брал пачку свежих газет, катил на «эмке» в штаб армии. К полудню он возвращался, вызывал к себе секретаря редакции, заведующих отделами: требовался свежий материал для передовой, информация на первую полосу.

Номер газеты перекраивался на ходу...

Не раз на свой страх и риск вырывался я из 202-й на корпункт армейской газеты к Петру Белому. «Гостил» там несколько дней, а потом шел в полки своей дивизии окрыленный, полный надежд, что все в моей новой жизни переломится к лучшему.

В морозный декабрьский день, возвращаясь с передовой, решил заглянуть в политотдел, к своему другу Батурину.

Не ожидал, что в доме окажется шумное застолье. Хотел было сразу дать от ворот поворот, но ребята наперебой закричали:

— Гость, гость! Кто в такой день шатается, как бродяга? Дома, среди своих положено быть!

— Так он и пришел к своим! — ответил за меня Батурин.

— Что за пир? — шепнул я Батурину.

— Чудак! С луны свалился? Забыл, какой сегодня день? Кончается сорок первый год!

Вдарило в голову от штрафной. Отрезвил крепкий чай, горячее, нежное тепло растеклось от головы до пят.

В такие минуты развязывается язык, тянет на откровения. А говорить хотелось, конечно, о людях из «Знамени Советов». Не ждал, что рассказ мой заинтересует. Политотдельцы слушали, не перебивая.

А потом вразнобой высказывались насчет того, что, видно, и сильна армия тем, что каждый в ней исполняет с большим знанием дела свой долг. Почитываем, мол, газету, а и в голову никогда не придет, что выпустить ее все равно что испечь добрый каравай. Видели сотни раз и не спрашивали маму, какую муку она выбирает, какую закваску припасает, как узнать, что опара начала дышать и пора разделявать тесто, на какой под, чтобы ни рано и ни поздно отправить на лопате форму в русскую печь.

— Мужик! — хлопали по плечу политотдельцы. — У газетчиков своя кухня. Это нам в новинку. А мы думали, что наш батальонный комиссар бездельничает.

Похвал в адрес Афанасьева я никак не ожидал.

Отпало всякое желание продолжать беседу.

— Замолчал, — подковырнул кто-то, — в гостях хорошо, а дома лучше!

— Был дом, да сплыл! — обрезал я, встав из-за стола.

— Не кипятись, остынь, — успокаивал Батурин, — а потом и в путь-дорогу. Сегодня, между прочим, в полках вручают подарки из глубокого тыла. Начальство дало указание выделить кое-что и для редакции. Прихватишь с собой. Явишься под Новый год с гостинцами!

Вышел засветло. Вечер обещал быть ясным и безоблачным. Дорогу я давно уже проторил. Лес, как старый знакомый, помогал избавиться от грустных раздумий. Слушай, сколько твоя душа желает, шорох сосен, любуйся шапками снега на прогнувшихся ветках, прогнувшихся не то от снега, не то от гроздьев зеленовато-красных шишек, вспоминай голодное детство, неповторимую радость дней, когда старшие братья приносили в дом самую что ни есть на свете стройную и пушистую ель, когда наставала пора украшать ее самодельными игрушками, заготовленными впрок в длинные декабрьские вечера, когда ждали с замиранием сердца того утра, когда найдешь под де-

ревом мешочек с колобками, коричневыми сосульками, изготовленными мамой из толокна и кусочка сахара, прибереженного для праздника в знакомом только ей укромном местечке, недоступном для любопытных детских глаз.

Не заметил, как небо заволокло белыми тучами, повалил густой, густой снег. Раскрой рот, и снежинки мигом лягут на язык, утолят жажду.

Кончилась просека в сосновом бору. Пора сворачивать на тропку в открытом поле. За этим полем деревенька, а по соседству с ней другая, наша.

Сколько ни искал свою тропку, так и не нашел. Она будто испарилась. Вдобавок ко всему сумерки тут же сменились ночной тьмой.

Пошел наугад. Снег сначала был по колено, потом по пояс. Большой сверток, врученный Батуриным, развязался, бумага порвалась в клочья. Что-то тяжелое и скользкое выползло из рук, как налим или шука.

Пополз по-пластунски, толкая перед собой ношу. К счастью, она хорошо скользила по плотному снегу. Стало невыносимо жарко, лицо покрылось испариной, в глазах помутнело не то от капелек пота, не то от слез.

Ложился на спину. Знал, что, если мороз начнет добираться до костей, тогда найдутся силы для борьбы с напастью. Шинель становилась ледяным панцирем. Пора!

Полз. Панцирь плавился. Опять бросало в жар. В голове навязчиво мельтешила мыслишка: не погиб от пули, бомбы, замерзнешь в поле. И тут же: не дождутся люди от меня такого позорища! Не попробую бросить груз. Не для себя, для редакционного народа его несешь.

Сколько раз лежал, сколько раз полз, не считал. Начало уже светать, когда рука вдруг натолкнулась на тропу. Встал, а ноги как на шариках. Сбил с мокрых каблуков сапог комья снега, зашагал. Померещились впереди черные строения.

То была деревня. От нее до редакции рукой подать.

В окнах редакционного дома мелькнули полоски — значит, не спят!

Шагнул через порог, уперся спиной в косяк, чтобы не упасть. Ношу держал под мышкой.

— На тебе лица нет, младший политрук! — охнул старшина. — Я тебе мигом дам чайку, с пылу, с жару.

— С новым годом, — выдавил я. — Мне бы поспать.

— Ребятки, — хихикнул Афанасьев, — а в руках у Петрова о-ко-рок! Я в путь собрался. С таким деликатесом не стыдно идти в гости!

ГОД СОРОК ВТОРОЙ. ДЕМЯНСКИЙ КОТЕЛ

БУДНИ 202-Й. Они скрашивались тем, что я часто бывал на передовой. При первой возможности навещал разведчиков, хотя знал, что их не очень-то разговоришь. Разведут руками: оборона есть оборона, ни размаха, ни простора! Не сразу дошло, что, если хочешь знать о результатах разведки, допытаться у артиллеристов и пехотинцев.

В стужу нет-нет да прогремят раскаты грома на немецкой стороне.

— Молодцы, разведчики,— скажет Даховский.— Нанесли на карты точнейшие данные о складе немецкого оружия.

Отвоюет рота у врага клочок земли. Ходят командиры и красноармейцы возле разгромленного дзота, удивляются:

— Надо же! Два сруба, а между ними метровый слой земли. Сколько атак здесь захлебнулось! Лилась бы и еще кровь, если б не наши следопыты. Разнюхали, дали цель нашим кукурузникам. Разлетелась вдребезги фашистская деревянно-земляная крепость.

Случались и казусы. Фашисты нащупывали слабые места в нашей обороне. Бывало, что орудийные и пулеметные расчеты, группы автоматчиков неожиданно оказывались лицом к лицу с врагом, но бой вели хладнокровно, со знанием дела.

Немцев подпускали на тридцать, сорок метров и рас-

стреливали в упор. Шли в контратаку. Именно так действовали артиллерист Бережной, автоматчики Пашков, Светличный, Татаринов. Однажды, когда фашисты наседали, ранило лейтенанта Кузнецова, к тому же еще и кончились патроны. Командир пустил в ход ракетницу. Пламя опалило лицо фашиста, отпрянули и другие гитлеровцы, так как сочли, что у русских завелось какое-то новое, страшное стрелковое оружие.

В трескучие морозные ночи шли на передовую с динамиками красноармейцы и переводчики — Телков, Писарев, Кауфман. «Ахтунг, ахтунг», — начинали они передачу. Трещали крупнокалиберные пулеметы, взлетали в небо ракеты. После переполоха иногда наступало и затишье. Врага разбирало любопытство, он прислушивался к сообщениям с нашей стороны.

Горазды были на выдумки снайперы.

Один из них, Федор Хорьков, рассказывал, как он положил немца во время перебежки на поляне. Убитый вдруг воскрес и, как заяц, пустился к опушке леса. Прикончил его. «Только срам! Это ж какая роскошь — тратить на одного фашиста две пули!»

Не в шутку готовились снайперы к стрельбе по немецким самолетам, никому не дававшим житья в морозные безоблачные дни. Соберутся в землянке, шумят, экзаменуют друг друга:

— Летит фашистская сволочь на высоте пятьсот метров?

— Ставлю прицел три. Целюсь в бензобак, хвостовое оперение!

— А еще лучше в летчика!

— Летит «хейнкель», а по-нашему «горбыль», на большой высоте?

— Делаю упреждение, то есть поправку на скорость.

Разберут ребята все до косточки, и про «юнкерс», и про «мессершмитт», подтвердят, что стрелять можно и обыкновенными, бронебойными, и зажигательными пулями.

Меткость огня, хватку снайпера обычно проверяли на боевых стрельбах. Вот на огневой рубеж вышел пожилой солдат, лег на снег, будто слился с ним. Неторопливо сделал один за другим десять выстрелов, пули кучно легли в «яблочко».

— Как это у тебя, дружище, получилось? — удивился командир. — Такое бывает только после упорных тренировок.

— Не привыкать,— ответил Цирендаши Доржиев,— охотнику мазать не положено.

Доржиев часто выходил в засаду... Укрытие он выбрал с вечера. Затемно ушел туда в белоснежном маскировочном халате: день по всем приметам должен быть ясный, морозный. И действительно, от яркой снежной белизны ломило глаза.

Немцы после завтрака принялись валить деревья, готовить накаты для нового блиндажа. Опасности, по всему видно, они не чувствовали: солдатня то и дело ржала, куражилась. В момент, когда немцы принялись рубить сучья, снайпер нажал на спусковой крючок. Выстрела почти не было слышно. Один солдат рухнул, другие разбежались в укрытие и весь день не высовывали носа.

В потемках Доржиев покинул засаду и, вернувшись во взвод, зло сплюнул:

— Один убитый фашист не добыча!

У Цирендаши много было премудростей. Но одного правила он придерживался неукоснительно: нажимать спусковой крючок под какой-нибудь шумок на немецкой стороне, чтобы враг не слышал его выстрела. Пуля летела в цель наверняка. И арифметика получалась простая: сколько использованных патронов, столько убитых. Не было случая, чтобы немец его засек.

Никто не спрашивал Доржиева, сколько ему лет. Но лицо его с пожелтевшей, прокопченной кожей говорило: человек испытал многое. Его смолянистые глаза то светились добротой, то становились жгучими, острыми, как стрелы. Не терпел лжи: посмотрит в глаза пустозвону, и тот прикусит язык на полуслове.

Без указаний сверху, без приказов — все произошло само собой — стал Доржиев для ребят старшим. К нему тянулись, и, как отца, слушались.

...Землянка. Гудит «буржуйка», от тепла которой разморило, отяжелели веки. Кто-то пытается «дуть» на трофейной губной гармошке. «Поздно. Спать!» — говорит Цирендаши. И тут же тихое посапывание, храп. Бодрствует лишь дежурный.

Проснулись, когда бледно-желтое солнце поднялось над лесом, припорошенным снегом и морозным инеем. Такая роскошь — поспать вдоволь — выпадает не часто. А сегодня, как до войны, выходной. На передовой орудуют саперы. Приказано им не мешать.

Цирендаши первый выбегает на стужу без рубашки, жмурит глаза. За ним вся ватага. Моются снегом, трут

друг другу спины, как в бане. Снежинки крупные, колючие, жгучие, ровно соль на ране.

После завтрака кое-кто опять на нары. Цирендаши нахмурился: «Нехорошо, нехорошо! А оружие чистить, чтоб сверкало, как зеркало? А жильё убирать?» Не часто говорит Доржиев «нехорошо!». А если сказал, то всегда по делу.

Переночуешь у этих ребят, будто дома побываешь, в семье. Частенько я навевывался к ним. Попривыкли друг к другу. Однажды, когда был почти у землянки снайперов, появились в небе немецкие штурмовики. Заходят цепочкой на цель, плюются огнем, а бомбы одна за другой: «Ле-тим, ле-тим, ле-тим!»

Подумал я тогда: ведь на фронт попадают разные люди, и именно здесь, на фронте, быстрее начинаешь разбираться — кто есть кто, на что способен. Были у нас в дивизии и такие, что жили одним днем: все равно не сегодня-завтра умирать. Пили до одурения, ублажались случайными связями с женщинами. В бою, стремясь быть не хуже других, погибали ни за грош от шальной пули. В группе снайпера Цирендаши Доржиева таких не было.

А об одном сверхметком стрелке хочется рассказать особо. Появилась в группе снайперов девушка, имени ее не помню. Одели, как всех, в стеганые штаны, валенки, ватник, шапку-ушанку. Но и эта чисто мужская одежда не огрубела ее женскую фигуру. Все было в меру и кстати. Широкий ремень на поясе подчеркивал тонкую талию. Шапка, а из-под нее видна уложенная коса — черный тюльпанчик.

Ребят как подменили. Украдкой вертели перед собой кусочек зеркала, ежедневно брились, мудрили над прической, чтобы была у каждого разная, на свой манер.

Все они превратились в рыцарей, готовых хоть чем-нибудь угодить новому солдату. Покидали землянку, зная, что в этот час дивчине надо переодеться, привести в порядок косы. Никто не принимался за еду, пока не придет «она».

Украдкой рыли новую землянку. Цирендаши торжественно объявил, что для «нее» есть «сюрприз». А она, поняв, в чем дело, вспыхнула. Ответить ничего не ответила, а дала понять: «За что обижаете? Не стыдно? Работать, рисковать жизнью вместе, а жить врозь!»

Не раз пехотинцы скалили зубы, паясничали насчет то-

го, что у снайперов губа не дура, а язык не лопата. Но, встретив суровый взгляд Цирендаши, остряки замолкали.

Бьют снайперы немцев. Общий счет перевалил уже за тысячу, а все мало.

Приметили они, что фашистские самолеты-разведчики выслеживают расположение наших артиллерийских батарей, «катюш» и «ванюш». И решили снайперы «приманить» немцев на бомбежку.

Недалеко от передовой, где не было ни живой души, с помощью саперов соорудили из опаленных сосен и елей много огневых позиций, а кое-где «допустили» небрежность в маскировке.

В ясный морозный день появился фашистский «костыль», летел, летел и вдруг повис в воздухе. Ребята замерли: «Только бы клюнул!» И «костыль» клюнул-таки! Повисел, повисел, сделал снимочки и, как сорока-сплетница, смылся.

Вскоре небо потемнело от немецких бомбовозов. Снайперы разбежались по окопчикам.

Ведущий, сделав круг, пошел в пике. За ним второй, третий, и счету им не было. Набрав высоту, машины с бомбами и пулеметами вновь бросались вниз. И в тот момент, когда надо было снова взмывать, снайперы делали выстрел бронебойным патроном. Пикировщик, будто потеряв управление, врезался в землю. На месте «огневых позиций» образовалась груда металла, бушевало пожараще.

Вскоре наступила тишина. Снайперы вышли из укрытия, лица их были усталые, черные, не остывшие от азарта боя. Цирендаши, поглаживая подбородок, повторял: «Хорошо! Хорошо!»...

...При случайной встрече нет-нет и зазовет на чаек старый знакомый Андрей Васильевич Жариков.

Судьба этого человека после ранения круто повернулась. Еще совсем недавно разведчик, а теперь занимается делами, которые он называл «совсем наоборот».

— Был ОРБ¹, — подтрунивал сам над собой Жариков, — а теперь ВТС!² Там лезли в пекло, выходили сухими из воды, а тут, хоть спи, хоть бодрствуй, на уме одно:

¹ ОРБ — отдельный разведывательный батальон.

² ВТС — отдел военно-технического снабжения штаба дивизии.

полки, отдельные батальоны должны иметь все в достатке, начиная от снаряда, кончая наркомовскими стаграммами, бинтами и прочей, прочей надобностью, без которой ни жить, ни драться.

Не проходило дня, чтобы не наведывался к Андрею Жарикову его сослуживец по штабу Василий Петрович Слесаренко. Заглянет будто просто так, а того и жди, что скажет: «Хоть казни, хоть милуй, а помогай!» Чаще всего требовался Василию Слесаренко транспорт. Без машин служба артиллерийского вооружения дивизии что без рук. Авторота на всю дивизию одна.

Встретятся взглядом сослуживцы, поймут друг друга без слов.

— Ты, Василий, без дипломатии, без деликатности, выкладывай, с чем пришел, — скажет, напуская важность, Андрей Жариков.

Какая уж деликатность, какая дипломатия! Зима стоит лютая, метельная. Снег каждый божий день вроде бы спешит занести пакости войны, припорошить копоть, затянуть глубокие воронки.

Пурга не разбирает, прикрывает все подряд, в том числе и то, что нужно позарез для боя, и то, что нужно отправлять в тыл. Прохлопаешь ушами — моргай глазами перед комдивом или перед его замами.

Пушки, автоматы, винтовки без снарядов и патронов что человек без пищи. В трескучий мороз орудия, пулеметы, автоматы то в одном, то в другом полку дадут одиночный выстрел, и стоп. Опытному оружейнику сразу ясно, что застывает смазка, хотя есть в ней и глицерин и другая высокоградусная жидкость. Тут лети стрелой на огневые позиции, доставляй спирт-сырец, обеспечивай беглый огонь. Получал Слесаренко нужные машины, грузил в кузова ящики со снарядными гильзами, метал-лоломом. Крюк предстоял немалый, считай до самого Валдая и обратно. Не знаешь, какие напасти свалятся в пути: не попадешь ли под бомбежку, не забуксует ли машина в сугробах, не лопнет ли на стуже резина, выдержат ли рессоры груз на обратном пути?

Хоть лопни, а скорее возвращайся обратно, чтобы, не дай бог, к тому времени не истощились боекомплекты для орудий всех калибров, чтобы в достатке были патроны, гранаты, мины.

Не раз помянут и мать и богородицу водители полуторок, отогревая факелами промерзшие моторы, добывая искру, ушедшую в баллон.

Привык Андрей Жариков слышать от Василия Слесаренко простые слова:

— На базы в Валдае надейся, а сам тоже не плошай.

Эту присказку Василий вспоминал тогда, когда хотел похвалиться людьми, которым нет цены, работающими под его началом.

В дивизии всякому было известно, что оружейные мастера круглые сутки работали и на огневых позициях и в мастерских, восстанавливая пушки и стрелковое оружие. Даже комдив Штыков не раз говаривал, что наших «часовых дел мастеров» надо беречь, не трогать даже тогда, когда будет очень и очень туго.

Отрывать оружейных мастеров от дела не поднималась рука ни у кого, даже у больших чинов дивизии. Бывало, что оружейники сами рвались в бой. Авось, мол, пройдет. На лбу у человека не написано, кто ты, какими делами занимаешься. Людей из оружейных мастерских знали многие в лицо. Когда вежливо, а когда и крепким словечком приказывали не совать нос куда не следует, не сметь покидать свой пост.

— Василий Слесаренко, — говорил мне по секрету Жариков, — тертый калач, на мякине его не проведешь. Должность у него вроде и не генеральская, а знает, чем живет и чем дышит и рядовой и командир. В армии он с тридцать четвертого года, кончил военное училище, служил в стрелковом полку и в дивизии, которой командовал не кто-нибудь, а сам Александр Михайлович Василевский. И ныне Слесаренко на примете у комдива Штыкова. Высоко пойдет мужик, будет у него грудь в крестах. Такие, как Василий, не теряют голову в кустах. Не жди, чтобы сам рассказал, как вели они бои с танками врага, прорвавшимися в тылы дивизии. Иной занозистый строевик может сказать: какие могут быть вояки в лице замкомдива по тылу, начальника продовольствия, интенданта? А они не растерялись, заняли круговую оборону, пустили в ход гранаты, бутылки с горючей смесью, развернули к бою случайно подвернувшуюся старенькую пушку образца двадцать седьмого года, открыли огонь прямой наводкой. Причинили бы фашистам немало бед. Немецкие танки полятились, ушли, посчитав, что нарвались на засаду или крепкую оборону.

В первые дни нового, сорок второго года Жариков и Слесаренко ходили как именинники. Кто знает, какие планы вынашиваются в штабах армии, фронта и выше. Об этом знают те, кому следует. Но шила в мешке не утаишь.

В ДОП¹ прибыли колонны машин из армейских и фронтовых автобатов. Идет колонна за колонной новеньких машин, крытых брезентом. Какое кому дело, что они везут?

— Главное, что везут к нам, а не от нас! — ухмыляются Жариков и Слесаренко.

На огневых позициях артиллерийских батарей имеется теперь полуторный, а может быть, и двойной запас боекомплектов. Такого не бывало уже давно. Считай, что на каждое орудие побольше ста снарядов. Разведчики, автоматчики ходят в новеньких, белоснежных маскировочных халатах, в которых не то что ночью, но даже днем не различишь человека в лесных сугробах и заснеженном поле. В полках появились лыжи, ребята тренируются ходить на них в ближних тылах. Пулеметчики мастерят салазки, похожие на лодочки. Встанет боец на лыжи, перекинет, как бурлак, лямку через плечо, скользит, плывет за ним «максим», не гнетет к земле тяжелый груз, легко, хоть песни пой!

В медсанбате твякают собаки, все, как на подбор, одной белой масти. Мотают хвостами, увидев своего хозяина-санитара, получают из добрых рук лакомство и послушно идут в упряжку.

Стоят в заснеженных сосновых борах и ельниках танки, намалеванные известью, как в русских избах печи перед праздником. В лесных укромных местах притаились «катюши».

Чего уж тут спрашивать Батурина, Жарикова или Слесаренко, по какой такой причине в их глазах светится радость и торжество.

К чему спрашивать? И еще того ясно, что скоро, видно, очень даже скоро и у нас под Старой Руссой начнутся жаркие денечки.

— Не в моей власти давать приказы в масштабах армии и фронта, — шутил Жариков, — но считай хоть так, хоть эдак, а выходит, что не мешало бы нам первым делом дать пинком в зад врагу в Лычково, вырвать у него несколько перегонов железной дороги. Тогда будет зеленая улица воинским эшелонам почти до самой Старой Руссы. Пока что сердце кровью обливается, когда видишь, что притихла, замерла железная дорога, которой положено жить и жить, приносить людям радость. Рельсы свалены под откос, а по насыпи протоптали себе дорогу санные обозы.

¹ ДОП — дивизионный обменный пункт.

Поразмышлял Андрей Жариков и сам же заключил, что, мол, не хуже нас, грешных, умеют читать карты в штабах армии, фронта и повыше. Поживем — увидим!

Екнуло у меня в те дни сердце, екнуло так, что дух еле перевел. На фронтовой дороге столкнулся чуть не лоб в лоб с Петром Белым.

— Какими судьбами в наших краях, друг? — еле выдавил я.

Петр Белый хотел было отделаться своими обычными словами: «Потом, потом!» К счастью, на этот раз уразумел, что потом-то, может, и не будет. Отмахнувшись от забот, одолевавших его, он пояснил, что корпункт армейской газеты находится сейчас недалеко, час ходу отсюда, не больше. Прибыл сам Михаил Строков и с ним Игорь Чекин. Свои люди, еще куда не шло. Но в избе теперь пристроились корреспонденты и фоторепортеры из фронтовой газеты: известный тебе Абрам Розен, Марк Гроссман, Петр Берштейн, Вячеслав Шаровский. Нагрянули гости и из Москвы: «Правду» представляет Сергей Струнников, «Известия» — Леонид Кудреватых, Семен Гурарий, «Красную звезду» — Ефим Гехтман, ТАСС — Борис Афанасьев, Эманнуил Евзерихин, «Огонек» — Георгий Зельма.

— С чего бы это, Петр, ведь гостей со всех волостей у нас сроду не бывало.

— Потом, потом! Спешу. Не хочу, чтобы обобрали меня, как малинку!

Мы обнялись по-братски. Не успел я прийти в себя, как Петра Белого и след простыл.

«Спешит Петр, — подумал я, — значит, есть куда, есть зачем спешить!»

Раскаты грома прокатились в здешних местах в январе и феврале сорок второго года.

В сводках Советского Информбюро сообщалось, что войска Северо-Западного фронта с севера и 1-й Ударной армии с юга двинулись навстречу друг другу и соединились в деревне Залучье. Семь дивизий 16-й немецкой армии оказались в котле, его называли Демянским по имени города Демянска Новгородской области.

Мы не знали, что начальник штаба немецких сухопутных войск Гальдер записал в те дни сведения, которые нельзя было утаить от самого фюрера: в кольце оказалось семьдесят тысяч солдат и офицеров. Гитлер ошеломлен, он выделил для осажденной «крепости Демянск» из имеющихся в его личном распоряжении 337 транспортных

самолетов, пять полицейских батальонов, норвежский легион и батальон лейбштандарта.

Нелегко давался нашим бойцам каждый шаг в том наступлении. Трясины напоминали о себе даже в жгучие морозы, не давали простора для танков, тяжелых орудий, тягачей. Под громадами машин оседал снег, били фонтаны. Полыньи забрасывали бревнами, жердями, настил поливали водой, которая в одно мгновение превращалась в лед. Но это мало помогало, трясина оставалась трясинной.

202-я дивизия выполняла в том наступлении дерзкую операцию. 645-й полк совершал смелый рейд по тылам врага, в самой гуще Демянского котла.

Бросок в тыл врага тщательно готовился. Комдив Штыков не давал покоя разведчикам. Наблюдатели днем и ночью изучали передний край противника. Стало совершенно очевидно, что немцы окопались на господствующих высотах. Под перекрестный огонь пулеметов попадали наши разведчики, пытавшиеся пробраться к лесному массиву болота Невий мох. Не раз бывало, что они напарывались на минные поля.

Не одну ночь работали саперы, снимая фашистские заряды, нанося на карту ориентиры своих стежек-дорожек в тыл врага. К счастью, мела поземка, и утром нейтральная полоса выглядела целехонькой.

Настал час, когда комдив Штыков после напутственного слова пожелал доброго пути.

Рота за ротой, батальон за батальоном уходили в темень. Их вели саперы по своим проторенным дорожкам.

Гитлеровцы, как всегда, не выпускали из рук ракетниц. Передний край врага и нейтральная полоса освещались ярко-лунным светом. На снежном поле даже невооруженным глазом можно было увидеть иголку, не то что человека, пушку или миномет. Помогла маскировка. К тому же люди хорошо знали свой маневр. Вспыхнула свеча — замри, а потом в темноте, когда в глазах еще бегают чертики, вперед, вперед.

Затрещали немецкие крупнокалиберные пулеметы. Комдиву Штыкову и всем, кто провожал 645-й полк, оставалось лишь гадать: сообразил ли враг, что дело пахнет керосином, или поливает лощину свинцом просто так, для острастки.

В те дни я частенько заглядывал в политотдел дивизии. Василий Батурин хорошо знал, как должна была протекать операция. На штабной карте это выглядело очень наглядно: из района Высочек 645-й полк просечет с во-

стока на запад глухомань болота Невий мох, преодолет насыпь железнодорожного полотна Валдай — Старая Русса, обрушится на немецкие гарнизоны в Дуплянке, Гривке, Веретейке, Малом Калинце. В это же время севернее железнодорожного полотна, в районе болота Невий мох, будет громить врага 26-я дальневосточная дивизия.

Батурин предупредил, чтобы не дай бог с моей помощью не просочились сенсационные новости в нашу газету: о действиях 645-го полка приказано пока молчать.

По радию поступили сообщения, что операция развивается успешно. Но одна радиограмма сильно всех огорчила, особенно комдива Штыкова, — в ней сообщалось, что погиб командир полка Лобода.

В тот же день в немецкий тыл отправился отряд, вел его вновь назначенный командиром полка майор Семен Теодорович Натрошвили. Еще в летних боях сорок первого года майор отличался завидной храбростью, хладнокровием и выдержкой, мог находить смелые решения в самых критических ситуациях. И теперь Натрошвили оправдал надежды комдива: полк, как снег на голову, обрушился на немецкие гарнизоны.

Нет-нет да в шифровках из полка доносились жалобы на нехватку продовольствия и боеприпасов. Это хорошо понимали в штабе дивизии: обозы полка не сумели проскочить за линию фронта в момент переправы пехоты и артиллерии. Грузы пробовали сбрасывать с самолетов У-2, но этого было мало, капля в море.

Комдив Штыков вызвал к себе Андрея Жарикова. Разговор состоялся короткий. Бывшему разведчику, мол, и карты в руки, формируй обоз, доставляй продовольствие и боеприпасы Натрошвили.

Щедрого подарка, доставленного Жариковым, никто в полку не ожидал. Дела пошли веселее.

Позже Жариков расскажет, что рейд полка не был безмятежной прогулкой. Не раз случалось, что горсткам бойцов приходилось отражать контратаки немцев. Головорезы перли по снежной целине тучей, напролом. В деревне Кузьминское на его глазах такая контратака захлебнулась: у людей хватило выдержки подпустить врага совсем близко, чтобы расстреливать в упор.

В деревне Веретейка вражескую пехоту поддерживали танки. Страшно было видеть, как вот-вот машины начнут давить гусеницами наших бойцов. Со связкой гранат пополз навстречу стальной громаде командир взвода Лунев. Машина запылала, два других танка ушли подалее от греха.

Однажды Батури́н наме́кнул, что очень скоро разгорятся бои за Беглово, пожелал ни пуха ни пера...

Как вели себя немцы в Беглове, я хорошо знал. Летом и осенью сорок первого года с нашего переднего края не раз наблюдал, что с наступлением сумерек солдатня уползала в укрытия. На своих местах оставались лишь часовые, они не жалели ракет. Утром гарнизон завтракал, после приема пищи ухали орудия, начиналась «работа».

Теперь Беглово наше! 645-й полк вышел в расположение дивизии.

Я оказался на станции в первые часы ее освобождения. Натрошвили поднял людей в атаку ночью. Удар в спину ошеломил противника. Рослые, будто откормленные на убой, эсэсовцы бежали куда глаза глядят. Опушка леса была усеяна трупами с распростертыми руками, с лицами, уткнувшимися в снег.

Главной крепостью немцев был вокзал с его массивными кирпичными стенами. Окна и двери со стороны платформы они замуровали. В служебных помещениях, в зале ожидания для пассажиров соорудили нары. День и ночь топили времянки, порубив на дрова все тополя в пристанционном саду, хотя лес был под боком. От вокзала шли траншеи к насыпи железнодорожного полотна. А там, под насыпью, доты с хорошим обзором местности. Пробить эти бреши не смогли ни тяжелые снаряды, ни бомбы. Теперь стало яснее ясному всем, почему при штурмах железнодорожного полотна даже после солидных артиллерийских подготовок гасли наши лобовые атаки.

Чуть позже в 645-м полку будут большие торжества: на его знамени появится орден Красного Знамени.

Как-то утром, просмотрев центральные газеты, редактор нашей дивизионки Афанасьев предложил мне:

— На фоне успешных действий 645-го полка в тылу врага не мешало бы нам показать политическую работу в низовом звене. Центральная печать широко освещает этот вопрос, а мы что, лыком шиты? Отправляйся в путь, собери хороший материалчик. Не пожалей для него и полосу. Дадим шапку крупным шрифтом: «Будни партийной организации полнокровной роты». Найди, чтобы в такой роте были партийные группы, бюро и так далее и тому подобное.

Об этом задании я рассказал в политотделе. Батури́н развел руками:

— На каком свете живет ваш батальонный комиссар, каким воздухом дышит? Бои не бывают без потерь. Вы-

бывает в первую очередь тот, кто идет первым, то есть коммунисты. Едва ли ты найдешь роту, где заседает партийное бюро. К тому же после освобождения Беглово сложилась новая обстановка. Мы пробили ворота в немецкие тылы. Теперь нет привычного для нас переднего края. Ищи и бей врага, но и самим дремать нельзя. Удар может последовать и с фронта, и с тыла, и с флангов. 645-й теперь под Кневицами, произошла там осечка. Предприняли, как и в Беглове, ночную атаку, фашисты не выдержали удара в спину, бежали так, что и дух их простыл, а утром появились, будто из-под земли, налетели, как саранча. Пришлось отходить. Ситуация сложилась там очень даже непростая. Под Кневицы собирается группа штабников и политотдельцев, прихватим и тебя. Жди.

Ждал день, ждал два. Ходил в «разведку», видел в лесу полированные полосы от санных упряжек. Попадались навстречу большие обозы, ездовые не делали секрета, что везут раненых из-под Кневиц. Путь, мол, туда прямой, наезженный. Пойдешь по сосновому бору — не заблудишься.

Подумал: крутит мозги Батурин про группу, собирающуюся в 645-й полк. Когда это еще будет? А газете нужен материал сейчас.

И я пошел один.

Дорога прямая, как стрела, пролегла среди корабельных сосен. От снежной целины, искрящейся под косыми лучами скупого еще на тепло, яркого солнца, ломило глаза, пугала, настораживала тишина.

На всякий случай расстегнул кобуру нагана, приготовил для боя гранаты-лимонки в карманах шинели: одну для врага, другую на крайний случай для себя. В полдень екнуло в сердце, показалось, что навстречу мне ползет человек. Стал наблюдать за ним из укрытия. Рука у человека в воздухе, а сам он почему-то замер на месте. Протер глаза: может, померещилось? Перебежал поближе.

Полз, оказывается, наш боец. Полз да так и застыл в движении. Глаза открыты, в них ужас смерти. Такого мне еще не приходилось видеть. Того и гляди, что и у самого перевернутся набекрень мозги. Скорее всего это был раненый, упавший с крайнего возка. Пришел в сознание, пробовал догнать обоз, но силы иссякли. Иссякли тогда, когда самое опасное для жизни миновало...

До полка добрался к вечеру.

Комиссар, не ответив на мое приветствие, рассвирепел:

— В «языки» захотелось? Отдам под трибунал!

Потом, поостыв, он сменил гнев на милость, вызвал ординарца, приказал накормить.

Вовек не забыть всего того, что было высказано горяча комиссаром. Ходят, шатаются по лесу ротозей-корреспонденты, не зная броду, суются в воду, не понимают обстановку, которая складывается в условиях маневренного боя. То проваливается, как сквозь землю, обоз с продовольствием и боеприпасами, то не найдешь человека, оставленного в дозоре, то падает, как подкошенный, боец на опушке леса. А ларчик открывается очень просто: нащупывают слабые места немецкие лазутчики, бьют без промаха фашистские снайперы. Под покровом ночи подбираются сволочи к нашим позициям, делают зарубки на деревьях, малюют на тех зарубках цифры, обозначающие расстояние до цели. Выйдет на опушку наш человек, которому море по колено. Враг бьет, как по мишени. Был боец, и нет его. А каждая жертва остается рубцом вот здесь, на сердце. А сердце это живет тем, чтобы повергнуть врага так, чтобы после боя не оставалось могил.

Много наказов и советов дал мне при прощании комиссар. В штаб дивизии разрешил возвращаться только с обозом, который, как и положено по уставу, имел хорошее боевое охранение.

— Есть материал для задуманной мною полосы? — огорошил вопросом редактор.

— Нет, — ответил я, — есть другое.

Я попытался было рассказать о том, что советовал мне комиссар полка: как ведутся бои в условиях, когда нет сплошной обороны, про разведку, про боевое охранение, о закреплении завоеванных позиций.

Батальонный комиссар возмутился, кричал, что армия тем и сильна, что подчиненные выполняют приказы старшего по званию, а не изобретают велосипед. «Терпению моему пришел конец! Даю рапорт по служебной линии!»

Я промолчал, ушел, не козырнув.

Лежал на топчане всю ночь без сна. Одолевала тоска, похожая на ту, что видел в глазах бойца, застывшего в сосновом бору. Сердце обливалось кровью от кошмарного зрелища в Беглове. Трагедия разыгралась на моих глазах, когда я возвращался в редакцию.

В здании школы разместили раненых, классы превратились в больничные палаты. Бойцы притихли на кроватях и топчанах. Трудно верилось, что можно на этом свете

лежать просто так, в нижнем белье, лежать в тепле и уюте.

Днем над Бегловом появились немецкие пикировщики, они кружили на небольшой высоте. Бандиты не могли не видеть на крыше школы белые полотнища с красным крестом.

Самолеты, набрав высоту, коршунами набросились на школу. Рухнули перекрытия. Санитары пытались спасти людей, получивших новые увечья и ожоги, но тщетно — огонь безжалостно пожирал их, и без того находившихся на пороге смерти.

В Беглове появилась большая братская могила, безымянная могила.

Утром редактор дивизионки, не повышая голоса, приказал:

— Садись и пиши, что есть.

В очередном номере появился авторский материал: «Пятьдесят дней в тылу врага». А внизу имелась сноска: продолжение следует.

Но не принесли радости те публикации. Что можно сказать о событиях, если не имеешь права называть населенный пункт, имя командира, какая часть или подразделение ему подчинена, молчишь о трагедиях и прочетах, да и редакторское перо беспощадно истребляло все, что было бы поучительно для командира и рядового.

Не было смысла доказывать редактору, что дважды два четыре, что война каждодневно и ежечасно преподносит суровые, жестокие уроки. Маневр, удавшийся один раз, потом уже становится шаблоном. Не сразу до всех доходило, что враг перестраивается на ходу. Успех или поражение зависело часто от того, как рота, взвод сумеет преодолеть какие-нибудь сто-двести метров.

Не раз наблюдал я, как эти чертовы метры становились могилой сотням и тысячам людей!

Перед атакой предусмотрено вроде бы все до мелочей. Проведена разведка боем, выявлены доты врага, наши орудия обработали передний край врага так, что, казалось, там не осталось ничего живого. Лавина людей поднялась на штурм, и вдруг из глубины вражеской обороны резанул один, второй пулемет, о котором не знали и не ведали. Атака захлебнулась. Цепь залегла, нет пути ни вперед, ни назад.

О мастерстве, точном расчете, когда командир знает по минутам и секундам, как будет развиваться бой, доведется мне рассказать позднее и не в газете дивизии.

Есть в районе болота Невий мох деревня Пустыня. Немцы здесь глубоко вклинились в нашу оборону, образовали бельмо на наших глазах. Больше года шли бои за Пустыню. Земля вокруг нее была пропитана кровью. Погибали здесь лихие парни и седовласые папаши из пополнения. Взята была Пустыня в считанные минуты, хотя, на первый взгляд, и предстоящая атака не предвещала успеха.

Занимался ясный морозный день. Струйки дыма из землянок стрелой поднимались в небо.

Ухнули наши орудия, задрожала земля.

— Пустое дело! — ворчали бойцы в окопах переднего края. — Морозище пробрал до костей. Ноги как костыли. Какой может быть бросок в валенках, ватнике, в ушанках с узелком под подбородком? Да и снег по шею, в нем тонуть только.

Никому из бойцов и в голову не приходило, что за первой линией нашей обороны выстроились морские пехотинцы. Ребята стояли налегке, в бушлатах, с автоматами, с гранатами за поясом. В центре — моряк с развернутым красным знаменем. Снаряды еще густо лежались на немецкие позиции, а цепь моряков рванулась вперед. Парни легко, пружинисто перепрыгивали через наши траншеи, преодолели нейтральную полосу и исчезли в дыму. Снаряды теперь рвались в глубине вражеской обороны, еле-еле можно было слышать треск автоматов и взрывы гранат.

Замолкли наши орудия, наступила тишина. Медленно рассеивалась над Пустыней копоть. В небольшом просвете на высоте трепетало красное знамя.

Все, кто был на нашем переднем крае, кричали, не жалея горла: «Ура!»

Потом вместе с моряками все ходили по траншеям, ходам сообщения врага, осматривали дзоты. Хитро, очень хитро построил свою оборону немец. Тот, кто дрогнет на первой линии огня, того ждет пуля в спину, такая же участь была уготовлена немцам второй и третьей линии обороны. Животный страх заставлял фашистов стоять насмерть на своем посту.

Моряки победили, так как стремительно шли за огненным валом наших орудий, навязали фашистам рукопашную схватку в тот момент, когда они не успели еще поднять головы после орудийного обстрела.

Ходить за огненным валом потом, позднее, научится вся пехота.

В район станций Кневицы и Лычково высадился наш воздушный десант. Вот-вот немцам будет нанесен удар в спину. Попутала все наши карты погода: весна, как назло, выдалась ранняя, дневные оттепели сменялись ночными заморозками. Болото Невий мох превратилось в озеро. Ребята из десанта крепкие, коренастые, каждый — кровь с молоком, в полушубках и валенках днем шли по воде, а ночью промерзали до костей. Немудрено, что немало парней угодили в медсанбат, попали, как говорят, из огня да в полымя. Для спасения их жизни прямо, без оговорок, ставилось одно условие — ампутация ног.

Не увидели хирурги слез, не услышали стонов санитары. Палатки медсанбата заполнились парнями, для которых слишком длинными стали обыкновенные нары.

Единственная в медсанбате корова пошла под нож. Мясо сэкономили, лишь бы не дать ребятам после операции умереть от истощения.

Лычково осталось у немцев. Единственная дорога к фронтовым базам под Валдаем оказалась затопленной галой водой.

Беда теперь пришла и к тем, кто мог ходить, мог держать оружие.

Запасы в ДОПе истощались, перестала шуметь крупорушка. Так называли походную мельницу, существовавшую еще со времен формирования дивизии. Сотруднички ее числились в штатном расписании. В хорошие времена они баловали людей квасом, а в пожарных случаях перемалывали зерно, имевшееся в резерве, на муку.

Вопрос, какую долю сухаря выделять каждому, решал теперь сам комдив. Генерал не падал духом, даже пробовал шутить:

— Сухарь есть сухарь, его не грызут, а сосут. Тогда и одной дольки хватит на сутки, а то и больше.

Дивизионные и полковые разведчики сновали по полям и пепелищам. Иногда им везло: под развалинами находили погреба с картофелем, прибереженным прежними хозяевами на семена, в поле и на огородах натыкались на клубни, ушедшие с осени под снег.

О каждой такой находке, как о выполнении важнейшего боевого задания, доносили командирам полков, комдиву.

В ротах и взводах, где обычно встречали корреспондента с большой щедростью, люди ныне смущались, растерянно пожимали плечами. Того и гляди, что кто-

либо выпалит: «Незванный гость хуже татарина!» Проходил час, другой, и отходили бойцы, благодарили, что набрался, мол, сил дотопать, узнать, чем живут, как воюют. Передовая есть передовая, зевать здесь не положено.

Красноармейцы, отбив вахту в боевом охранении, торопились в землянки, на нары. Днем сквозь крохотное оконце под потолком пробивались яркие лучики. От них, как от огней прожекторов в ночную темень, ослепляло глаза.

По бревенчатым стенам землянок ползли хилые травинки. Пригретая человеческим теплом, просыпалась на нарах всяческая живность. Ребята вскакивали, как ошпаренные, ощутив холодное, скользкое прикосновение лягушек.

— Чего испугался? — смеялся старшина. — Живности? Обидно, что эта живность не для нашего живота. А у французов, говорят, она идет как деликатес. Рецепт не знаю. Варить ее или жарить? Может, попробуем?

— Иди...

— Говорят, ребятки, помогает вода с солью, если эту соль погуще развести. Говорят, такой сироп очень здорово отбивает аппетит.

Голод не тетка, пойдешь на всякое. Пили сироп, приготовленный старшиной, по глотку, а то и по два прямо из котелка.

Старшина пил первым. Гладил по животу, кричал. Жжет, мол, проклятая, не хуже сорокоградусной.

У людей в землянке начиналась тошнота, лица парней становились бледно-серыми, под стать выгоревшим шинелям.

Посылали к чертовой матери старшину, забирались кое-как на нары, затихали.

— Леший с ней, с солью, — оправдывался старшина. — Есть у меня легкий табачок, разжился у взводного. Не курит мужик. Хорош табачок, чуть ли не «Золотое руно».

Крутили козьи ножки. Табак не драл горло, как махорка. Голова шла кругом, как после первой стопки.

— Еще затяжечку, еще, еще, — подбадривал старшина, — делай, как я, чтобы дым колечком, дым колечком. Полегчало! Что я говорил? Жить можно!

Фашисты заваливали наш передний край листовками. Русс, говорилось в них, бросай оружие, переходи к нам. Получишь хлеб, масло, шоколад.

— Жди, фриц,— матерились ребята,— жди, когда рак свистнет...

Однажды в наших ближних тылах загудели в небе моторы, самолеты кружили и кружили в ночном небе.

Потом полетели к земле, совершая дугу, черные комочки. С тревогой ждали взрывов, но стояла тишина. Какой-то груз плюхался и плюхался в воде. Старшина вскочил на плот и, вооружившись багром, поплыл к месту «бомбежки». Вскоре все услышали его трубное «у-р-р-а!». На рассвете он причалил. На плоту штабелями лежали бу-мажные, промокшие мешки, тюки.

Новость о том, что сброшены с самолетов сухари и крупа, тут же полетела по проводам в полк, а оттуда в штаб дивизии. Пришел короткий ответ: выделить дневную норму на каждый штык.

Старшина сам приготовил кашу. Раскладывая ее в котелки, приговаривал:

— Кашка без сала, на воде. Такая нам после голодухи в самый раз. Не жадничайте, не глотайте, как галки. Чтоб никаких мне обмороков и припадков!

Слаще перловки, наверное, не бывает ничего на свете!

От горячих комочков будто плавилось все нутро. Веки становились свинцовыми, клонило в сон. Кто-то чуть слышно спросил:

— Откуда такое счастье привалило?

— Спите, спите, ненаглядные мои, набирайтесь сил,— говорил, будто пел колыбельную, старшина.— Голодуха вещь очень коварная. Она точит силы человека, не щадит и душу. Вы у меня оказались стойкими. Несли службу, как положено. Спрашиваете, откуда счастье привалило? Не диво, что никто, кроме меня, не определил по слуху, что кружили в небе наши У-2. Начальство там, вверху, приказало, видно, отложить ночные бомбежки. Вот и прилетели пташки к нам с хлебом-солью. Все просто. И все как в сказке! Спите, спите. Мой сейчас черед проявлять бдительность.

В конце апреля сорок второго года фашисты, не считаясь с потерями, по трупам своих солдат и офицеров, прорвали одно звеношко в кольце окружения. Произошло это в районе деревни Рамушево: образовался, как называли штабники, рамушевский коридор.

Для штабников — коридор, а для бойцов — ни больше ни меньше, как рамушевская кишка, поскольку немец в этой кишке не мог сильно разгуляться. Полоска земли,

отвоюванная врагом, простреливалась насквозь даже пулеметным огнем.

Ночью в туман нет-нет да пролетит вдоль рамушевской кишки вслепую, на ощупь, транспортный самолет. Один такой самолет ребята из соседней дивизии сбили на моих глазах.

Машина плыла почти над самой землей, на малой скорости. Пилот после прямого попадания пули в кабину не успел, а может, не хотел выпустить шасси. Машина проползла юзом по болоту и села. Она была похожа на огромного кита. «Языков» не пришлось конвоировать в штаб, они были мертвы, а в трофеях бойцы долго разбирались.

Достались и мне какие-то пакеты.

— Бери на память,— хохотали ребята.— Подарок от Гитлера. Не отравя. Пробу уже сняли, хлеб-эрзац. От него не сдохнешь, но долго и не протянешь. Выкопал где-то эту чертовщину фюрер, да еще пятилетней давности.

С этими «подарками» я пришел в политотдел.

Василий Батурин достал из снарядного ящика алюминиевые кружки, разжился кипятком, заваркой.

— Побалуемся чайком,— сказал друг,— чем богаты, тем и рады.

— Угощайся,— сказал я.— «Гостинец» Гитлера.

Василий развернул пакетик, завернутый в прозрачную пленку. На пленке цифры: «1937». Понюхал коричневые ломтики, похожие на цикорий, попробовал на зуб, выплюнул.

— Откуда эта гадость у тебя?

Рассказ мой не вызвал улыбки у Батурина. Он замолчал, ушел в себя. Потом признался, что одолели его горькие раздумья. Пустячная, на первый взгляд, мелочь прояснила мозги.

— Ты только подумай, с какими мерзавцами мы имеем дело. Через мою родную Белоруссию шла торговля с Германией. В эшелонах везли туда зерно, нужное позарез нашему народу. А они, негодяи, мололи то зерно на муку, пекли хлеб для войны, для сегодняшнего дня. Оставь мне эти брикеты. Оставь все до одного. Покажу их комиссару дивизии Хвалею, пусть пойдут эти брикеты выделки тридцать седьмого года по рукам бойцов. Они лучше слов, лучше листовок расскажут, что такое фашизм!

Росли мы мирными, не переносили крови. Бывало, мама скажет: «Василий, отруби голову любой на твой выбор птице. Накормлю лапшой». Я после этих слов подальше со двора. Мама поворчит, поворчит да и возьмется сама

за топор. Тяпнет по плахе, скажет без злобы: «Ну и мужики! Курам на смех!»

Сейчас все во мне кипит, готов немца руками душить. Злость эта не от бессилия, от радости. Пришел час, когда и здесь, под Старой Руссой, Кневицами, Лычковом, не сидим мы сложа руки. Немцев в Демянском котле теснят теперь три армии: 11-я, 34-я, 1-я Ударная. Котел этот наполнен до предела, что бычий пузырь. Лезут через Рамушево новые головорезы, рано или поздно лопнет этот пузырь.

В апреле сорок второго года по войскам молнией пронеслась новость: путь на Валдай открыт! Саперы проложили через топи лежневку.

Воины 202-й срочно восстановили железнодорожное полотно от станции Беглово до станции Пола, поставили на рельсы уцелевшие вагоны и платформы.

Появились платформы и у нашего санбата. Санитары, сестры, врачи, отказывавшиеся от пищи в пользу раненых, еле передвигали ноги. Не было сил, чтобы поднять носилки. Раненые сами карабкались по крутому железнодорожному откосу, перекидывали вперед тело, опираясь на руки, кусая до крови губы. Кое-как помогли им подняться на платформы.

Состав тронулся под уклон своим ходом. Парни, каждый по-своему, кто взмахом руки, кто натянутой улыбкой, кто неожиданно набежавшей слезой, прощались с людьми, спасшими им жизнь.

Следом отъезжающим летели слова:

— В добрый путь, без бомбежек, на поправку!

Лежневка лежневкой, а от станции Пола, куда доставляли груз на автомашинах от Валдая, до переднего края десять, а где и все двадцать километров. Снаряды, патроны, продовольствие доставляли вьюками на лошадях, собачьих упряжках, волокушах.

Скоро стали досаждают теплые весенние дожди. Дороги и тропки развезло. Люди выстраивались в цепочку, стоя по колено в грязи, передавали груз из рук в руки. И это занятие считали за счастье! Было бы чего передавать, была бы пища, были бы снаряды и пули для врага.

Вода выжила народ из землянок. Приноровились строить блиндажи-избы со стенами в два-три бревна, амбразурами на все четыре стороны света. Такие блиндажи из сырого дерева не брала ни простая, ни бронебойная пуля,

они выдерживали взрывную волну от тяжелого снаряда и бомбы, спасали от осколков.

Бойцы повеселели: есть стежки-дорожки на армейские и фронтовые базы! Держись, фриц! Мы тебе покажем еще кузькину мать!

Весна торопилась залечить раны, нанесенные земле. На полях и пригорках распластались зеленые ковры. Распушились ивы, проснулись от зимней спячки сосны и ели. Затягивались мхом глубокие воронки вдоль дорог. Черными обелисками высились печные трубы в разрушенных деревьях. Обнажились погибшие от небывалого мороза сады, сваленные снарядами и бомбами заборы.

День и ночь накрапывал дождь. Непогода избавила нас от непрошенных гостей в небе. Передовая притихла, не давали о себе знать пушки и пулеметы. Изредка раздавались длинные очереди из автоматов.

Благодатные запахи весны отравляло зловоние. На полянах, вдоль дорог, тропок, просек полным-полно падали в шинелях и кителях мышинного цвета. Хочешь не хочешь, а собирай этот зимний «урожай», иначе нагрянет напасть — эпидемия, пойдет бродить, не признавая ни укрытий, ни минных полей, ни проволочных заграждений. Стаскивали мертвую немчуру баграми, сваливали в глубокие ямы. Даже на убитых фашистов нельзя было смотреть без омерзения.

Одного эсэсовца пуля застигла прямо на дороге. Простреленная каска откатилась в сторону. Убитый не успел разжать руку, в которой держал чемодан. Крышка чемодана распахнулась, рассыпалось имущество гитлеровского солдата. Ублюдок не расставался с сапожной ваксой, набором щеток, пакетиками с тонкой резиной, порнографическими открытками, перемешанными, как колода, с семейными снимками. На фотографиях немцы в кругу семьи, на новобранце новенькая парадная форма. Все улыбаются, все рады, ликует и верзила. Еще бы не ликовать: впереди интересная прогулка в Россию...

...Прогулялся фашист! Прогулялся до Лычкова!

Пришло второе военное лето. Июнь сорок второго года не шел ни в какое сравнение с июнем сорок первого. Безоблачное небо надежно охраняли наши соколы. Притих, пританцлся немец в лесах и болотах Невьего моха, под Лычковом.

Солнце просушило дороги. Поляны покрылись пестрым разнотравьем. Голова шла кругом от ароматов ландышей,

рассыпанных белым горошком в низинах, под затянувшимися зеленью хворостом, маскирующим блиндажи и окопы.

В полках оживление, люди с передовой поочередно ходят на киносеансы. Механик кинопередвижки привез журналы кинохроники, заснятые в 202-й дивизии операторами В. Дуброницким и В. Головной.

Мелькают на белом полотнище знакомые лица командиров и красноармейцев. «Отец и сын». Улыбается с экрана полковник Федор Тарасович Дахновский, «бог войны». Диктор поясняет, что под его началом находится вся артиллерия дивизии, что вся жизнь Федора Тарасовича связана с Красной Армией, с ее надежным щитом — орудиями. Он воевал на Карельском перешейке, его артиллерийский дивизион ломал укрепления Маннергейма. Что-то торопливо рассказывает паренек, наводчик орудия, Анатолий, сын Дахновского. Ему лет шестнадцать, не более. Не удержала его дома мама, приехал к отцу. Рождается артиллерийская династия Дахновских.

Показали снайперов. И среди них самый умудренный — бурят Цирендаши Доржиев.

Расходятся с киносеанса бойцы, возбужденные, окрыленные, шутят:

— Попали в кадр! Попали в Историю!

Есть чему радоваться. 202-я дивизия. Лычково. Болото Невий мох. Здесь и я встретил много людей, о которых, если повезет на войне, сохраню добрую память на всю жизнь.

Здесь, в конце зимы сорок второго года, сын Белоруссии Василий Батурин, обнимая меня, как брата, поздравил:

— Рад, рад за тебя! Рад, что не где-нибудь, а в 202-й, нашей, кровной, оправдал ты свой кандидатский стаж, стал членом ВКП (б).

Не забуду и того, что не повезло мне в 202-й на редактора. Не в свое кресло сел человек. Может, когда-нибудь и сам это поймет, а может, и передвинут его на должность, которая будет ему по силам и по призванию. Тогда я забуду обиды, скажу от всего сердца: «Ни пуха ни пера вам, батальонный комиссар!»

Летом сорок второго года получил письмо от Коли Лисуна. Друг просил, чтобы я по возможности быстрее побывал в «Знамени Советов», так как есть очень важный разговор.

И без этой весточки я жил воспоминаниями о дружном

газетном коллективе, тосковал. Одно время совсем было упал духом: 202-ю дивизию передали в состав 34-й армии. Выходило, что порвалась последняя ниточка, связывающая меня с родной 11-й армией.

С Колей Лисуном еще прошлым летом мы совершали бесконечные походы на передовую. В дороге было что вспоминать, о чем вести разговор.

Познакомились мы с Колей в начале сорок первого года, когда прибыли на учебу в Рижское военно-политическое училище, прибыли из Каунаса красноармейцами: Коля из стрелкового полка, я из артиллерийского.

Колю и меня призвали в армию в сороковом году. Только между нами, новобранцами, как говорят одесситы, были две большие разницы. Рядом с Лисуном я выглядел стариком. И не мудрено. Когда Коля еще учился в школе, я ее уже закончил, пошел по стопам старших братьев, работал слесарем в паровозном депо, стал рабкором, сотрудником многотиражки, студентом института журналистики. Пока учился, ежегодно получал отсрочки от призыва.

Коля сел в воинский эшелон мальчиком, еще не просохли чернила в его аттестате зрелости. Таким, как Коля, новобранцам легко давалась казарменная жизнь, забавой служили им утренние зарядки, турник, бравые песни в строю. Как должное воспринимали они громоподобные команды ефрейторов, сержантов, старшин. За шутку сходили и издевки старослужащих из числа младшего командного состава, их повторяющиеся по десятку раз в день команды после мертвого часа: «Отбой, подъем!»

Разве не смешно, говорил Лисун, когда взрослый человек заставляет тебя раздеться, лечь под одеяло и тут же дает команду подняться, одеть штаны, гимнастерку, натянуть сапоги, снова раздеться и снова лечь.

В восемнадцать лет подобные ефрейторские «забавы» воспринимались как озорство, в двадцать три — как издевка.

Война застала меня и Колю в летнем лагере под Ригой. Вместе мы, курсанты, не зная сна, несли караульную и патрульную службу в Риге, узнали на своей шкуре, что такое пятая колонна фашистов, что такое бомбежка в городе и открытом поле, что такое пулеметный огонь из засады.

Вместе с Колей, следом за интендантом Степаном Гукаем, пришли мы в редакцию армейской газеты «Знамя Советов».

Мы благодарили судьбу за то, что прощала она нам грубые оплошности в первые месяцы войны, благодарили за везение.

В холодный осенний день долго искали часть, которую нам указали на карте. Пришли, как по компасу, а передним краем и не пахнет.

Нудно моросил дождь, не спасали плащ-палатки: вода скатывалась с сурового полотна в голенища. Раскис и не держал влаги капюшон, наброшенный на голову. Леденящие струйки ползли по спине.

В чахлом ольховом кустарнике наткнулись на какую-то санитарную часть, палатки, к счастью, оказались свободными. Теплом в них и не пахло, но, забравшись под брезент, легли на сухую землю, на какой-то миг можно было забыть о постылом ненастье. Не заметили, как заснули.

Ночью какой-то человек, осветив нас фонариком, грубо отчитал:

— Освобождайте помещение. Не слышали, глухие те-те́ри, что кругом полным-полно раненых. Не стойте, как мокрые курицы. Нужен ночлег? Деревня рядом. Идите и спите сколько влезет под крышей. Ложитесь там хоть вдоль, хоть поперек!

Нашли впотымах ту деревеньку.

Обосновались в крайней хате, кое-как, наугад, разостлали на полу для просушки плащ-палатки, портянки. Спали, как убитые, под шинелью на голых досках.

Проснулись разом, едва забрезжил мутный рассвет. Проснулись от того, что стало не по себе от тишины. Ни в нашем доме, ни в соседнем не оказалось ни души, даже захудалой, одичавшей от голода кошки или собаки.

Молча, не сказав друг другу слова, решили: «Немедленно в путь».

В санчасти военврач, проверив наши документы, спросил:

— Откуда пожаловали?

Мы кивнули в сторону деревни.

— Каким ветром вас, окаянных, туда занесло? Ни дна вам, ни покрывки. Там давно уже нет наших солдат. Яма. Нейтральная полоса. С глаз моих долой!

Евгений Поповкин. Он не очень-то откровенничал на совещаниях, не раскрывал своих задумок. В его лукавых черных глазах затаилась хитринка. Чего, мол, захотели! Кто раскрывает карты раньше времени? На-

печатают, тогда читайте, судите, рядите, а если получится, и завидуйте.

Поповкин находил удивительные вещи там, где мы, рядовые газетчики, даже и не пытались искать.

Однажды писатель раздобыл у разведчиков толстую тетрадь в роскошном переплете. Несколько дней корпел вместе с переводчиком над этой тетрадью.

Вскоре в газете появился дневник унтер-офицера дивизии СС, воевавшего под Старой Руссой.

Печатался дневник почти без комментариев: факты говорили сами за себя. Мы читали:

«24 июня 1941 года. Прекрасен восход солнца, и радостно раздаются песни в воздухе. Совсем мирная картина...

26 июня. От холода и комаров я на рассвете проснулся... Воздушной разведкой установлено, что русские на нашем фланге и мы должны взять на себя защиту флангов.

28 июня. Самолеты донесли, что новая большая колонна русских движется навстречу. Как кроты, мы зарываем наши танки в землю, после чего имеем вид свиней. Если бы дома нас увидели в таком виде! Непредусмотренный дождь дополнил картину. Русские оказывают ожесточеннейшее сопротивление и стреляют во всю силу своих пушек. При взятии высоты нас обстреляла собственная артиллерия. Мой шофер Вилл Харер убит осколком снаряда.

3 июля. Неприятель своим тяжелым вооружением оказывает такое сопротивление, какого мы еще не переживали. Никто не думал остаться в живых. Этот день мы будем долго помнить.

4 июля. Как только занялся день, советские бомбардировщики начали обстреливать нас. Когда же, наконец, нас заменят и отведут обратно?

6 июля. 3-й пехотный полк и 2-я и 3-я роты штурмуют укрепления. Это стоило многих жертв, и множатся кресты у дорог...

10 июля. Мы понесли тяжелые потери. Можно сказать, что в эти дни был настоящий ад. Воздух заполнен жужжанием гранат, свистом осколков и пуль. У обрыва неприятель нас почти окружил, и наше наступление захлебнулось.

11 июля. Измотанные, мы готовимся к обороне. Нас должны заменить в ближайшие часы. Вздых облегчения прошел по рядам. Как говорят, 2-й полк расформировыва-

ется для пополнения 1-го и 3-го полков, ибо они больше небоеспособны.

13 июля. 1-й батальон будут менять — он потерял 346 человек...»

Это была последняя запись в роскошной унтер-офицерской тетради. Такие строки не могли не радовать нас, участников боев на старорусском направлении.

Я завидовал тому, что Коля Лисун, бывший школьник, раньше меня, имеющего диплом журналиста, нашел себя в «Знамени Советов». Ему удавалось выискивать простые и в то же время точные слова, чтобы описать человека на войне.

Своих «секретов» Коля не выдавал. Он умел молчать даже в таких ситуациях, когда молчать было просто невозможно. Я, бывало, с открытой душой рассказывал ему в дороге о жизни людей нашего отдела. Он слушал, и слушал не без любопытства.

— Как работаете вы в своем отделе, Коля? — спрашивал я.

Щеки друга розовели, как у девушки. Он выдавливал:

— Нормально!!

— Ты, Коля, ходишь под началом Евгения Поповкина. Я бы, наверное, и строчки не написал от робости. Вдруг осрамишься перед писателем?!

— Мне не страшно, — отвечал, будто подводил черту под разговором, Лисун.

Иногда, может не к месту, не ко времени, из простого мужского любопытства, спрашивал:

— Коля, девушка, невеста у тебя есть? Я, например, уже отец, сын растет.

В ответ Коля пинал носком сапога первый попавшийся камушек, догонял его, снова гнал вперед.

Понимай этот его футбол как хочешь. Уж если не понравился вопрос, взял бы и резанул. Не лезь, мол, в душу, не хвастайся! А у Лисуна, как всегда, ни два, ни полтора.

Прошел почти год, как не видел я Лисуна. Читал, не переводя дыхания, его заметки, статьи, зарисовки.

А тут вдруг письмо.

Если уж дело пожарное, мог бы и сам навестить: 202-я не за тридевять земель, не за морями и океанами. Нет же! Заставляет гадать. Это очень даже похоже на повадки друга.

Встретил меня Коля восторженно:

— Пришел! Молодец!

А я с места в карьер:

— Какой же, Коля, разговор? И притом «важный»?

— Новостей полно! О новом приказе наркома обороны не слышал?

— Нет. Я же работаю в глухой провинции. К нам, на передовую, новости приходят с опозданием.

Присели на пеньках.

— Ну так слушай. В приказе Сталина № 227 есть короткие, но четкие слова: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». Нам, газетчикам, как нас инструктировали, отныне положено лучше вникать в суть дела и не давать поблажек тем, кто плохо, неумело ведет бой. Это — во-первых!

Во-вторых, наша «Знамя Советов», скажу тебе, сплошная кузница газетных военных кадров. Кажется, еще при тебе откомандировали Евгения Поповкина. Теперь он редактор газеты 27-й армии. Недавно уехал и Юрий Корольков. И тоже редактором в 1-ю Ударную армию. Гильманов — наш ответственный секретарь — редактор фронтовой газеты, которая выходит на татарском языке. Как видишь, ряды наши поредели. Редактор Владимир Борисович Фарберов днем с огнем ищет газетчиков. Пошли к нему. Он, кажется, у себя в землянке.

— Не пойду! Подумает еще, что я напрашиваюсь обратно к нему!

— Чудак! Он же посоветовал тебе написать письмо.

Я ожидал официальной встречи, но полковой комиссар, отложив в сторону бумаги на столе, предложил прогуляться. Придерживая правой рукой трубку, хотя она не дымила и табак, видно, давно уже испепелился, он начал разговор издали. Полковой комиссар будто извинялся за то, что осенью откомандировал меня в дивизию. Но то, мол, была не его «злая» воля. Он предлагал мне вернуться в «Знамя Советов», теперь уже навсегда...

Политрук Александр Калинаев, — как отрекомендовался мне новичок в отделе Михаила Строкова.

Саше двадцать один год. Он чуть моложе меня, но вид у него болезненный. Странно даже, что июльское солнце не тронуло кожу на его лице и руках. Позже он охотно рассказал о себе.

Прошел фронтовое крещение на ближних подступах к Ленинграду, был сапером. Говорят, что сапер ошибается

раз в жизни. Пока еще не ошибся. Но подкосил голод: опух, ноги не волочил. Вывезли по ледовой Дороге жизни на Большую землю. Попал в военно-политическое училище. Двухгодичную программу прошел за несколько месяцев, одним словом, по-военному. Был рядовым, стал политруком. И снова сапером. До войны пробовал перо в многотиражке Вознесенской пристани на реке Свирь. Учился в Ленинградском институте журналистики...

— Выходит, мы с тобой однокашники!

— Вот так номер! Мир тесен! В институте не встретились, нашли друг друга на фронте.

— Ну а как же ты в «Знамени Советов» оказался?

— Случай... Невсedomо мне, как узнал о моем газетном прошлом полковой комиссар Фарберов. Только получаю предписание сдать саперную роту и отправиться в танковую бригаду в качестве корреспондента армейской газеты. После боя написал очерк, послал его с нарочным в редакцию. Даже не верится, что с ходу, без правки пошел он в номер. Видно, в угаре написал.

— Как чувствуешь себя в новой обстановке?

— Неловко. После саперной роты вроде бы не у дел. Все сидят, корпят над бумагой с утра до вечера. А у меня вылетят строчки, что из пулеметной ленты, а потом хоть в потолок поплеывай.

— Это поначалу, узнаешь еще муки творчества. Бывает, что за день ни одного слова из себя не выдавишь. А что корпят все — это ты верно подметил. И знаешь почему? Редактор Владимир Борисович не терпит, чтобы люди слонялись без дела. Он при каждом удобном случае дает понять, что журналист на то и журналист, чтобы писать. Если он этого не делает, то пропащий человек, с такими сотрудниками зачахнет газета.

Несколько дней Калинаев находился на передовой. Вернулся расстроенный.

— Торчал в районе Васильевщины. Красивое село исчезло с лица земли. На месте домов — одинокие печные трубы. Васильевщина островком высится среди болот, где зреет клюква и брусника, а мох и кустарник оплетены минными полями и колючей проволокой. Видел много, а на бумаге смотри какая сухомятина получилась.

Саша протянул мне лист с перечеркнутыми фразами.

«Земля содрогалась от артиллерийской канонады,— читал я.— Вслед за огненным валом пошли танки, стрел-

ковые соединения. Фашисты не успели опомниться, как их огневые точки были подавлены.

Впереди — населенный пункт. Ломая яростное сопротивление врага, пробивались танки орденоносца старшего лейтенанта Гусакова и лейтенанта Спорова. Завязался ожесточенный бой внутри обороны противника. Били немецкие пушки. Советские танкисты огнем и гусеницами уничтожили 5 минометных и 3 артиллерийские батареи, разрушили 12 дзотов. На поле боя немцы оставили около двухсот трупов.

Героически дрался в этом бою комсомольский экипаж младшего лейтенанта Катаева. Его машина дважды была подожжена вражескими снарядами, но экипаж продолжал сражаться.

Командование дало высокую оценку боевой деятельности танкистов. Всему личному составу подразделения Кульбачева объявлена благодарность».

— Ну как? — спросил Саша.

— Информация неплохая, а опыта, технологии боя нет. Пойдем проконсультируемся у нашего стратега Пети Белого.

Петю мы нашли в соседней палатке, именуемой секретариатом. Он расхаживал из угла в угол и диктовал машинистке только что доставленный с корпункта оперативный материал. Сдав заметку секретарю Максиму Нечетову и получив «добро», Петя занялся с нами.

— Вы же люди военные, должны детали подмечать, — упрекнул Петя.

— Какие, например?

— А то, что танкисты Ротмистрова, Черняховского и Лелюшенко — люди с головой, воюют умно, с выдумкой. Не заметили, что танкисты действуют не одни, а с десантами автоматчиков на бортах танка. Это ли не пример отличного взаимодействия пехоты и танков? Не обратили внимания, что у машин расширенные гусеницы, которые сооружены не на заводе, а здесь, на передовой, силами ремонтников. Без этого танки на болотах и шагу бы не сделали. А надписи на танках вы тоже не прочли. А ведь они, эти надписи, говорят о многом.

Разве не звучит «Челябинский комсомолец», «Горьковский пионер»! Небось экипажи этих танков отчитываются о своих боевых делах перед комсомольцами и пионерами.

Поразмыслив, Петя продолжал:

— Бои за Васильевщину очень поучительны. Деталь

в наших корреспонденциях — наиважнейшее дело. Летчики, например, очень эффективно помогают нашей артиллерии, с воздуха ведут корректировку огня наших батарей. Особенно удачна эта работа в ночное время. Я бы на вашем месте пулей слетал в 133-ю стрелковую бригаду. Двадцать дней два батальона этой бригады, заняв круговую оборону, дрались с фашистами в тылу противника.

Бьются люди не за Васильевщину, то есть не за высоту, где была Васильевщина, а за то, чтобы снова замкнуть котел. Пока сделать этого нам не удалось, но и немцам приходится туго, крепко застряли они под Демянском. Фронт наш сковал крупные силы противника, это — реальная помощь другим участкам военных действий. Думаю, что бои, которые ведут сейчас части 11-й и 1-й Ударной армий, будут тщательно изучаться. Как-никак здесь накапливается опыт операций Красной Армии по окружению противника.

— Мыслишь ты, Петя, как маршал, — шутили мы, так как знали, что и сам Белый умел, когда надо, ввернуть острое словечко...

— А вы как думали! Белый есть Белый!

На Северо-Западном фронте не было пока крупных успехов. В этом Петр Белый был прав, как прав он был и в другом: страна щедро награждала бойцов и командиров, отличившихся в боях местного значения.

Начальник политотдела армии бригадный комиссар В. Шабанов вручил орден Ленина снайперу Цирендаши Доржиеву, который уничтожил 180 немцев.

Я был на том торжестве и радовался награде не меньше самого снайпера, вспоминал при этом скупые, но емкие его словечки: «Хорошо!», «Нехорошо!»

Аркадий Кулешов. В гости к нему затащил меня Цфаня Кипнис.

— Пойдем, пойдем, — торопил Кипнис. — Аркадий не раз вспоминал тебя, беспокоился, как ты там на передовой, неведомо откуда узнал, что появился у тебя в 202-й новый друг, его земляк Василий Батурич.

Кипнис ничего не прибавил, не убавил. Кулешов при встрече открыто улыбнулся, неподдельно просто произнес:

— Рад, рад видеть тебя в добром здравии. Садись. Слышал, что ты рассказываешь любопытные вещи о буряте Цирендаши Доржиеве, снайпере.

Я припомнил, как снайпер из отряда Цирендаши

Доржиева Алексей Усенко помог командованию полка в решении важной операции.

«Сверху» требовали дать схему огневых точек укрепленного узла немцев. Дать самые точнейшие данные. Их никак не удавалось раздобыть. Пробовали расстрелять немцев так и сяк: били по переднему краю врага из дальнобойных орудий, выкатывали на прямую наводку легкие пушки, крутились над фашистскими дзотами У-2. Молчат, проклятые, да и только. Вот тут-то и пришел к командиру полка Алексей Усенко. Задумку снайпера одобрили. Ему удалось растормошить немцев, засечь все огневые точки противника.

Неприступная высота была взята без потерь.

Кулешов слушал, не перебивая, потом лег на топчан, сказал, будто размышляя вслух:

— В описании героя важно найти одну очень характерную деталь. И человек вдруг встанет в строчке живой, такой, каким бывает в жизни. Два простых слова: «хорошо», «нехорошо». А в них весь Доржиев.

Когда я уже собрался уходить, Аркадий попросил:

— Если не возражаешь, о случае с Алексеем Усенко я сделаю главу для раздела «Рассказ о том, как бьет врагов на фронте Алексей Петров». Есть и заголовок: «Дело мастера боится».

Глава эта вскоре появилась в газете.

Аркадий Кулешов умел слушать.

— Что нового? — спрашивал приветливо он. — Заходи, расскажи.

— Отпишусь, обязательно загляну, Аркаша.

Аркадий знал, что всяких историй у меня хоть отбавляй, и потому при моем появлении обычно ложился на нары. Любил он лежать на спине, заложив ладони под голову. Временами мне казалось, что он не слушает. Я замолкал. Он тут же спрашивал:

— Ну а что дальше?

В землянке Аркадия рождались мои устные рассказы, которые для газеты не всегда годились.

— ...Был я в эти дни, Аркадий, у разведчиков. Под вечер заглянул в новенькую землянку, наполненную запахом сосны. Командный пункт полка расположился в бору, и саперы не пожалели для накатов чудесных корабельных сосен. Ребята только что вернулись с поиска. В тылу немцев они пробыли трое суток, добыли уйму ценных сведений, на обратном пути захватили «языка». Настроение у всех было преотличное. Плотню поужинали,

а потом, видимо от уюта и тепла, разом уснули. Накаты вздрагивали от мощного храпа. С потолка то и дело сыпались комочки грунта. Ночью сержант, командир группы, вскочил как очумелый и закричал:

— Подъем! Идем за Закиром!

Упоминание о Закире в момент стряхнуло со всех сон. Сержант выскочил из землянки, а затем, вернувшись, сделал непонятный для меня взмах рукой. Разведчики были уже в полной боевой готовности.

— Мы выступаем,— сказал мне сержант,— а ты, корреспондент, спи. Утром свидимся.

На рассвете они вернулись. На плащ-палатке внесли в землянку раненого.

Я сверлил глазами сержанта, давая понять, что хотел бы узнать суть дела. Напрашиваться в такие минуты с разговорами нетактично. Под горячую руку эти лихие ребята могут и послать куда следует. Лучше всего набраться терпения и ждать, когда сами разговоятся.

А было, как я узнал позже, вот что. Когда разведчики, отправляясь в тыл к немцам, успешно миновали линию фронта, Закир нарвался на мину. Ему оторвало ступню. «Продолжайте выполнять задачу,— умолял Закир.— А меня припорошите под елью. После поиска выручите, а на крайний случай гранаты у меня есть. Будут рыскать немцы — подорвусь».

Просьбу Закира уважили. На обратном пути разведчики шли другими тропами (так положено) и зайти за раненым не могли.

И вот сейчас, повторив поход в немецкий тыл, разведчики вернулись со своим товарищем. «Слава богу,— сказал сержант,— вся наша семья теперь в сборе».

— Об этом я обязательно напишу.

В другой раз Аркаша спросил:

— Не встречал тех разведчиков?

— Как же, встречал!

— Ну и что?

— Сержант по-братски обнял, осмотрел с ног до головы, сказал, как родному: «Здравствуй, старина! Рад, что жив-здоров». — «Нам что делается,— ответил я.— Мы же в тыл к немцам не ходим». — «Куда хватил,— закипятился сержант.— Наше дело совсем другое. Перед тем, как на операцию идти, готовимся, наблюдаем, десятки раз прикидываем, когда удобнее и безопаснее на работу идти. А вам, корреспондентам, в блиндаже,

в укрытии некогда сидеть. Побеседовал, сделал снимок — и в путь, да еще в одиночку. Мало ли каких напастей в дороге: шальной снаряд или пуля, разбойник фашистский с воздуха, мина или засада. Отправишься на тот свет — помянуть будет некому».

У того сержанта, Аркадий, богатая биография: походы в немецкие тылы, доставка ценных сведений и «языков». Вся грудь у него в орденах и медалях. В последний раз увидел на гимнастерке еще один орден. Поздравил я его, он в ответ: «Награды — хорошо! Но и твои заметки дорогая для меня реликвия».

Разведчик достал из кармана гимнастерки газетную вырезку, пробежал текст, заметил: «Это ты пропечатал, тут обо мне все сказано. Сберегу до дому. Не надо будет самому пояснять, за что отмечен наградами, газета про это скажет».

Кулешову пришлось по душе эти слова сержанта.

— Вот как просто говорят о нашем брате. Лучше не скажешь! Такое будешь помнить всю жизнь.

Тогда на новгородской земле мы не знали, что придет время и наша 11-я армия пойдет в наступление, что будем мы штурмовать Брянск и в нашу честь прогремит в Москве салют.

Аркадий Кулешов даст в номер стихотворение «Брянск», написанное в те знаменательные часы:

Он врагами сожжен,
Но по-прежнему он
И богат, и не скуп на щедроты!
В Белоруссию нам,
Долгожданным сынам,
Широко распахнул он ворота!

Обычно Аркаша мало говорил, а больше слушал. Ходил задумчивый, грустный. Его можно было понять: легко ли сердцу, когда там, на родине, в фашистском плену его отец, родные. А сейчас Аркаша сиял, не скрывая, что душа его ликует.

В том 1943 году пришла шифровка Центрального штаба партизанского движения. Начальник штаба П. К. Пономаренко предписывал откомандировать в распоряжение штаба Аркадия Кулешова.

Не просто было сказать: «До свидания, Аркаша, до встречи!»

Как-никак со «Знаменем Советов» шагал он с первых дней войны. Поэт, сочиняя рифмованные шапки, «оперативные» стихи, не разменивался на мелочи, берег каждую

фронтовую минуту. Позднее он сам так напишет о своей военной судьбе:

«24 июня 1941 года покинул разрушенный фашистской бомбардировкой пылающий Минск. Пешком проделал горький путь от Минска до Орши. Поездом доехал до Калинина, где добровольно вступил в ряды Красной Армии. Из Калинина был послан в военно-политическое училище под Новгородом. Оттуда направлен на службу в армейскую газету «Знамя Советов».

В 1942 году во фронтовых условиях написал поэму «Знамя бригады». Глубокой осенью того же года прочитал поэму Александру Трифоновичу Твардовскому, мнением которого, по понятным причинам, я особо дорожил. Поэма Твардовскому понравилась, и он тут же послал ее Михаилу Исаковскому. В начале 1943 года поэму, в переводе М. В. Исаковского, опубликовал журнал «Знамя».

— До свидания, Аркадий! Большого тебе полета! — желала Кулешову редакция.

Михаил Строков, как я теперь убедился, очень хорошо разбирался в обстановке, каждодневно складывавшейся на всех участках нашей армии. Темы, которые он предлагал разработать, не были высосаны из пальца.

Добрые отношения сложились у Строкова с отделами штаба армии. Чаще всего он бывал в разведотделе, возглавляемом полковником Сошальским. Читал там документы, захваченные у врага, присутствовал при допросе немцев.

Выезжал Строков, хоть и не так часто, в командировки, как он называл походы на передовую, стремился все познать сам, тогда можно будет понимать и подчиненного с полуслова.

Было у Строкова, как и у каждого из нас, свое боевое крещение. Об этом он рассказывал, когда позволяло время.

— В первую командировку ехал на передовую на попутной машине. На перекрестке водитель сказал: «Слазь! Нам дальше не по пути!»

Стою на пригорке, где когда-то была деревенька. А сейчас пепелище да черные трубы печей. В небе появился немецкий штурмовик. Шел низко. Слышал, что гады имеют привычку гоняться даже за отдельным человеком. Точно так получилось и на этот раз. Пикирует, строчит из пулемета, будто напал на след пехоты в строю. Пули врезались в ствол тополя, за которым я укрылся. Пока штурмовик набирал высоту, чтобы вновь лететь на цель, я кинулся

в первую попавшую щель, потом перебрался в подвал под пепелищем. Тут уж ни пуля, ни бомба не возьмет. А на сердце беспокойно, подвал ведь не дзот. Завалит. Ищи-свищи тогда Михаила Строкова.

Неприятная штука быть одному на прифронтовой дороге! До дивизии добирался пешком, в штаб пришел только к вечеру.

Принял меня подполковник Батицкий. Мужик был в хорошем настроении, рассказал о бое, который только что проходил на его глазах.

Думаю: это как раз то, что позарез нужно газете. Попросил дать статью.

— Что захотел! Есть время мне сочинять!

— А если я попробую изложить на бумаге то, что вы рассказали.

— Пробуй! Землянку, стол, свет, ужин обеспечу.

Сколько я сидел над статьей, не знаю, время не засекал. Чуть свет к Батицкому, он прочитал и спрашивает:

— Ты, корреспондент, стенографист? В другой раз надо быть с вашим братом поосторожнее. Пустишь сгоряча выраженьице, и пойдет оно гулять по свету.

— Какая, товарищ подполковник, стенография! Я ее и не нюхал,— взмолился я, испугавшись, что возьмет да и выдворит меня за дверь вместе со статьей, которую написал одним махом. Бывает такое сгоряча.

Подполковник написал заголовок: «Сила внезапного удара», расписавшись, сказал:

— Ставь и свою фамилию. И никаких гвоздей!

На редакционной летучке редактор Фарберов отметил, что такая статья могла бы украсить полосу «Красной звезды». Ответственный секретарь Гильманов, который умел поддакивать начальству, скороговоркой, словно боясь, что кто-то его опередит, добавил: «Гвоздевой материал!»

Выше такой оценки в редакции не бывало. Лучшие статьи, заметки после летучки удаивались того, чтобы висеть для всеобщего обозрения на солидном гвозде в секретариате редакции.

Вскоре я еще раз побывал у Батицкого. Материал добыл что надо, а потом пошла сплошная карусель. Вспомнит такое человек и смело может сам себе сказать, что прошел, мол, я огонь, воды и медные трубы.

В полк, где я в то время находился, поступил приказ: с боями отходить на новый рубеж обороны. Артиллерийские батареи снимались первыми, с ними меня и отправил

командир полка. В сумерках пересекли большое поле и обосновались на опушке леса. Ночь прошла без происшествий, а на сердце было тревожно, с переднего края никаких команд. Так и не удалось мне вздремнуть на сырой земле. На рассвете поступил новый приказ: менять позиции. Одна машина с орудием на прицепе выехала на шоссе, ведущее от Старой Руссы к реке Ловать, но вскоре вернулась. Ко мне подошел командир батареи, совсем еще молодой лейтенант, спрашивает:

— Как быть? Дорогу обстреливают немцы, снуют вдоль дороги в поисках добычи немецкие стервятники.

Выходит, что командир батареи обращается ко мне за указанием, как к старшему по званию. Ищи, Строков, выход из пикового положения! Не ударь лицом в грязь!

Развернул планшет. Вправо от шоссе есть полевая дорога, она петляет по лесу. Под кронами деревьев ни один леший не разглядит орудия с воздуха. Но до леса надо проскочить открытую местность, можно попасть под бомбежку. Была не была, сажусь в кабину головной машины, даю команду:

— Жать на всю катушку! Держать дистанцию!

Прорвались. В лесу саперы мостят настил, нас пропустили без задержки.

— Жми, жми! — говорю водителю.

И вдруг пламя перед глазами, сменившееся в одно мгновение могильной тьмой и тишиной.

Пришел в сознание от едкой гари в кабине. Лобовое стекло кабины разбито вдребезги. С трудом открыл дверцу. Командир батареи, стоявший на крыле машины, лежит на траве. Правое колесо машины искорежено. Лейтенант, к счастью, скоро подал голос, рана не смертельна. Саперы помогли очистить путь, машины тронулись. Одно орудие катили на руках.

До редакции добрался благополучно. Несколько дней гудело в голове, объяснялся с людьми на пальцах или при помощи карандаша и бумажки.

Позже я узнал, что подорвались мы на противопехотной mine, поставленной другой нашей частью, а стекло кабины разбил я своей каской...

— Говорят, — рассуждал Строков, — будто есть люди, которым неведом страх. Я этому не верю. Жизнь не игрушка, хотя и игрушку ребенку терять жалко. Смелые люди умеют владеть собой, не теряются даже в самые трудные минуты. Их хладнокровие, выдержка окрыляют людей.

Завел как-то Строков речь о талисмানে. Только сует-

верный человек может говорить о какой-то чудодейственной силе вещи, с которой он не расстаётся. Чушь! А вот у него, Строкова, есть свой талисман. Это — томик Пушкина. Нашел он его в начале войны в разрушенной деревушке. Третий томик малой серии «Библиотеки поэта» был выпущен в Ленинграде издательством «Советский писатель» в 1940 году. На титульном листочке инвентарный номер 119116 и треугольный штампик: «Ст. Бологое ОКТ. ж. д. Библиотека при рабочем клубе им...» Дальше краска штемпеля стерлась. Как томик Пушкина попал из Бологое в глухую деревушку Новгородской области? Наверное, на счастье и удачу Михаилу Строкову. Теперь томик всегда лежал в кармане шинели или гимнастерки, помогал не бояться смерти.

Михаил Строков никогда не сомневался в том, что у каждого сотрудника его отдела есть материал на все случаи жизни.

Вызвал его однажды редактор. Нужен, мол, рассказ об опыте действий лыжных подразделений. Строков, не моргнув глазом, ответил: такой материал есть!

Возвращается в отдел и предлагает мне:

— Готовь в первую очередь статью из лыжного батальона.

— Откуда ты знаешь, что факты у меня есть?

— Должны быть. Я уже Фарберову доложил, что такая статья пойдет в номер.

Очерк о лыжниках я выдал на-гора.

В сентябре — октябре 1942 года главные события развернулись на южном крыле советско-германского фронта. Судьба войны решалась на Дону, в предгорьях Кавказа, под Сталинградом. В те дни и у нас дела пошли веселее. Когда мороз сковал землю, атаки стали успешнее. Немцы отчаянно огрызались, но вынуждены были пятиться. Трещали обручи Демянского котла.

Наши солдаты врывались в обжитые фашистами землянки. Березовой корой, как перламутром, покрывали фашисты стены блиндажей. Беспощадно пилили бело-снежные стволы на нары, кресла и столики. Гитлеровцы создавали себе уют, считая себя хозяевами на нашей земле. Но не вышло!

Пехотинцы и артиллеристы располагались во вражеских «зимних квартирах», чтобы накоротке обогреться, вздремнуть.

Но на войне каждый новый день несет свои сюрпризы. Не сразу разгадаешь, насколько коварен враг.

Неожиданно среди ночи землянки вдруг начинали дыбиться от взрывов, по ним беглым огнем стреляли немецкие дальнобойные орудия. Оказывается, отступая, фашисты унесли с собой карты, на которых точно обозначены их бывшие пристанища. Отмечены на этих картах и все удобные укрытия для обозов и походных кухонь. Свиристествовали немецкие «кукушки». Тот, кто проявлял ротозейство, падал замертво.

В этих условиях был найден простой маневр: днем тщательно маскироваться, отдыхать, а к «работе» приступать ночью. С наступлением сумерек прифронтовая полоса оживала. В скрытых от вражеских глаз местах раздувался огонь походных кухонь, скрипели салазки с котлами и термосами. К передовой тянулись повозки с боеприпасами, мясными тушами, хлебом, валенками. В тыл увозили раненых, трофеи, поврежденное оружие.

Подтягивались резервы. Ребята в маскировочных халатах волокли лодки с пулеметами, лыжи. Марш по заснеженным дорогам и тропкам отнимал много сил. С нетерпением ждали: когда же наконец передний край, чтобы скорее проглотить на привале ложку горячей каши, погреть руки о кружку с кипятком, передохнуть, а потом — в бой!

Готовилась к зиме и наша редакция. Редактор еще с осени приказал своими силами строить землянки в сосновом бору, располагаться по отделам.

Строков определил место для землянки рядом с секретариатом. В лютый мороз можно будет, не натягивая шинель, шмыгнуть к соседям, сдать материал в номер, получить для вычитки гранки, полосы.

— Ты у нас, Миша, стратег! — восхищался Чекин. — Мне бы и в голову никогда не пришла такая мыслища. Солнце еще греет, а ты уже подумал о стуже!

Строков разметил участок, вбил колышки, помусолил ладони, приказал: «За лопаты!»

Александра Калинаева и меня не надо было учить, как поступать, когда начальник подает личный пример. Песчаный грунт легко подавался, дело спорилось.

— Так сразу и копать? — недоумевал Ваграм Апресян. — Ведь это кустарщина. Надо же сначала проект набросать.

— Безусловно, — вставил Чекин. — Нельзя фортификацию игнорировать. Не яму же роём, а жилье, рабочее место. Стены, потолок, каждая мелочь должны, так сказать, вдохновлять!

— Копайте! — повелительно сказал Строков. — Пока эти друзья чешут языком, день пролетит. Ночь на земле придется коротать.

Ваграм Апресян уселся на пенек, развернул планшет, достал листок бумаги, линейку, карандаш, принялся рассуждать: «Надо прежде всего высоту землянки определить. Из чего в данном случае исходить? Как вы думаете? Конечно же, из самого житейского!»

Апресян смерил взглядом каждого жильца землянки. Пристальнее всех рассматривал Чекина.

— У тебя, Игорь, если не ошибаюсь, рост около двух метров? — рассуждал Ваграм. — Вот и выходит, углубляться надо метра на два с половиной. А иначе, Игорь, вскочишь спросонку — и лоб расшибешь. Это одно немаловажное обстоятельство. Второе — нас пять жильцов, надо раскинуть умом, как расположить нары, столики, где поставить печь.

— Копай! — грозно повторил Строков.

Яма, наконец, готова. Миша вместе с нами пошел заготавливать бревна. Человек он практичный, советы дает дельные: валить деревья в густых зарослях, пеньки прикрывать мхом, чтобы не демаскировать местность. Мы рубили сучья, разделявали пилой хлысты, таскали бревна, заготавливали сухой мох, носили кирпич из разрушенной деревни, месили глину.

А инженерная мысль наших сослуживцев все больше и больше разгоралась. Один дополнял другого.

— Какой вид накатов выберем, — консультировался с Апресяном Перлин, — плоский или с наклоном?

— Освещение, особенно дневное, не второстепенная вещь.

— Расположить печь надо так, чтобы тепло поступало равномерно во все части помещения.

— Окна, пожалуй, надо сделать в двух местах, с выходом на восток и на запад, чтобы солнце присутствовало в землянке и утром, и вечером.

Не знаю благодаря чему, житейской ли мудрости Миши, нашей ли мускульной силе или соображениям наших спецов, но землянка получилась удобной и уютной. Слева от входа — нары в два яруса, как в спальном вагоне. Справа — ложе для начальника в один ярус. Прямо против двери стол для Строкова, Чекина и Перлина. Над столом, у самого потолка, оконце. Справа от дверей — печь с плитой, рядом — наш с Калинаевым столик, а над ним небольшая рама.

— Не землянка, а дворец! — восхищался Игорь Чекин,

прохаживаясь вдоль шар и потирая руки.— И команда у Михаила Строкова что надо. Владимир Перлин. Гусар! Разумеется, не в настоящем, а в прошлом времени, хотя усы и ежик на голове еще не успели покрыться сединой. Ноги колесом, хоть сейчас в кавалерию. Язык, к сожалению, что балалайка. То пустит пыль в глаза насчет того, что чуть ли не все научно-популярные фильмы созданы по его сценариям, то пожигает разведет рассказ о том, как карабкался он на вершины Кавказского хребта, жарил в горах шашлык, запивал их сухим вином из бурдюка. Найдет, окаянный, для описания блюд такие слова, что слюнки потекут, начнутся колики в животе. На газетной полосе, правда, этого гусара я что-то не вижу.

Зато Ваграм Апресян! Силища! И литератор, и художник, и философ! О себе, Чекине, поэте, драматурге, артисте, я умалчиваю. Женя Петров, Александр Калинаев хоть и молоды, да не из робкого десятка, спуют, как челноки, из редакции на передовую, дубочки, набирающие силы под крылышком Михаила Строкова.

Перлин, слушая тирады Чекина, ухмылялся на верхней полке, свесив босые ноги, поглаживая усы. В глазах его светился безобидный ответ: «Чего ты, Игорь, заговорил о газетной полосе? Работа не волк, в лес не убежит. Главное для человека — харч. А он у меня в настоящее время есть, хотя о деликатесах, барашках и прочих вкусных блюдах не может быть и речи».

Ваграм Апресян водил взглядом за Чекиным, маячившим по землянке, и был вполне удовлетворен оценкой, данной ему соседом по нарам.

Мы же с Сашей Калинаевым слушали Чекина вполуха, так как надо было срочно дописывать заметки в номер.

Строков, оторвавшись от бумаг, возмущался:

— Игорь! Пора за дело, ты же поэму обещал.

— Я же, Миша, о сослуживцах. Как говорят, не в бровь, а в глаз. Не нравится? Тогда молчу.

Игорь Чекин долго вынашивал поэму «Первая рота». Имена героев он не выдумал, но сомневался, нужно ли давать их точные адреса. Потом все же решил, что те, кого он назвал, увидят себя в газете, а для других это будет обобщенный образ нашего советского воина.

«Первую роту» знали и считали своей в каждой дивизии 11-й армии.

...Вдруг песню сраженья запел

Красножон

Победную песню сраженья.

Она, как снаряд, над врагом

взорвалась,

133

И песню бойцы подхватили,
В деревню с бойцами она ворвалась,
Бойцы крепко с песней дружили.
И песня гремела, и песня звала
На новые битвы, большие дела...
И пели ту песню все громче...
И с песней бой был окончен...

Бойцы, ожидают вас новые дни
Больших и упорных сражений.
«Мы знаем,— ответил Прокопов,—

Они,

Ребята мои, в наступленье
Готовы идти. Отдавайте приказ,
И снова вы боем проверите нас!»
Привет тебе, дерзость расчета!
Да здравствует первая рота!

Пришел самый дорогой для советских людей праздник — 7 ноября. Фронт и тыл отмечали 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Советское Информбюро не передавало экстренных сообщений об успехах наших войск. Но в этот торжественный день в сердце теплилась надежда, что вот-вот должен наступить перелом в нашу пользу. Для таких выводов были свои основания. Твердо стоял Сталинград, задухло гитлеровское наступление в предгорьях Кавказа.

Над окопами и землянками не трепетали знамена и транспаранты. И все же обстановка торжественной приподнятости ощущалась почти в каждом подразделении. Многим красноармейцам и командирам вручались правительственные награды. Утром выстроился в линейку весь личный состав нашей редакции. Редактор зачитал перед строем только что полученный из штаба армии документ. В притихшем лесу звучали слова: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждены медалью «За отвагу»:

Интендант 2-го ранга Чекин Игорь Вячеславович...»

На груди Коли Лисуна, Саши Калинаева планка с медалью «За боевые заслуги». Вручена такая награда и мне. Распирали сердце радость и гордость, а нужных слов не находилось, хотя мысленно каждый из нас давал клятву до конца выполнить свой воинский долг перед Родиной, быть верным ей до последнего дыхания.

Летучки в редакции с каждой неделей становились острее. Бьют теперь и за промахи, и за стиль. Нет пощады громким, ничего не говорящим фразам и эпитетам вроде «стремительных атак» и «ураганного огня». Приходится,

как говорят, подтягивать ремень потуже. Вместе со «Знаменем Советов» на передовую поступает и фронтовая газета «За Родину», где сотрудничают Борис Исаков, Михаил Матусовский, Сергей Михалков, Степаи Щипачев и другие именитые писатели и журналисты.

— И мы не лыком шиты,— успокаивает Игорь Чекин. Он по-прежнему подвижен, суетлив, горяч. Пишет быстро.

В декабре 1942 года по заказу Управления по делам искусств Чекин написал пьесу «Евдокия Ивановна». В эпиграфе книжечки, выпущенной издательством «Искусство», говорилось: «Боевым друзьям — коллективу армейской газеты «Знамя Советов» — пьесу, написанную на фронте, посвящаю».

Мы всей редакцией слушали эту пьесу. В ней шла речь о партизанах, об отважной русской женщине, о священнике отце Павле и звонаре Никодиме. Действие происходило в немецком тылу и на фронте.

Евдокия Ивановна героически погибла. В прологе отец Павел бьет с колокольни из пулемета по немцам и наказывает своему прислужнику Никодиму звонить во все колокола, чтобы немцы слышали, как проклинает их Русь, чтобы перезвон колоколов славил нашу землю, славил Евдокию Ивановну.

Пьесу поставили в одном из московских театров. Игорь был на премьере. Вернулся обеспокоенный тем, что на постановку валом валят богомольные старухи.

— Почему? — удивились мы.

— Второстепенную роль отца Павла играет сам режиссер. Как он подает попка! Как обставил сцены в церкви, на колокольне! В зале малиновый звон. Старухи прут на спектакль вместо церкви. Переиграл попка, явно переиграл! Как бы не испортил мне всю обедню...

Игорь не любил «сухие» материалы: информацию, деловые статьи о боевом опыте. По этому поводу он без конца импровизировал. Как-то, заглянув мне под руку, он выпалил: «Эх, Женя, зачем писать о пекарях? Поверь, все это проза. Не лучше ли поговорить о прелести уходящего мороза!» Саше Калинаеву, корпевшему над срочной статьей в номер, Чекин продекламировал:

Изгоним, братцы, с армейских страниц

Остатки, остатки крупыц.

Мы очерком, братцы, заполним страницы

И сям похороним навеки крупыцы!

Этого, разумеется, не мог терпеть начальник отдела армейской жизни Миша Строчков. Оторвавшись от бумаги,

он некоторое время смотрел, как худой, длинный Чекин мотается по землянке, потом начинал стыдиться за то, что он мешает людям работать. Не найдя собеседника, Игорь надевал шубу и отправлялся искать «образы» в сосновом лесу. Часы отсутствия шумного поэта были самыми продуктивными в отделе.

Части 11-й армии продолжали теснить немцев в котле. Михаил Строков получил согласие редактора послать на места недавних боев своих корреспондентов.

— Игорь и Евгений, — сказал Строков, — отправляйтесь в командировку. Если вернетесь с хорошим урожаем, редактор обещает дать нашему отделу не меньше полосы.

Многое увидели мы с Чекиным во время той командировки. Наши танки иногда шли на таран тяжелых самоходных орудий врага — советская сталь оказывалась прочнее. Два гиганта, вздыбившись, застывали в поединке на трясине. Как тут не запечатлеть эту схватку на пленку! Я подбирался поближе и щелкал кадр за кадром. Только возвращаясь, замечал, что поле покрыто усиками вражеских мин. Риск? Конечно, да еще какой, но что не поделаешь ради хорошего снимка для газеты!

На дорогах и тропках, помеченных вешками наших саперов, валялся скарб, брошенный фашистами. Мела поземка, ветер листал книги в роскошных переплетах с дарственными надписями на титульных листах. Одну из них я на всякий случай сунул в сумку противогАЗа.

Мы видели блиндажи из нескольких срубов. Между малым и большим срубом почти метровый слой земли. На этих сооружениях огромные пробоины от орудий, стрелявших прямой наводкой. Бомбы, сброшенные с фанерных самолетов У-2, вдребезги рассыпали накаты. Фашисты отступали так поспешно, что укрытия солдатни и офицеров оставались в целостности и сохранности. Фляги, бутылки с винами и коньяками с этикетками всех стран Европы, вшивое белье под нарами, открытки, альбомы, журналы с порнографическими снимками вызывали приступы тошноты.

В редакцию вернулись через несколько дней ночью. Книгу, которую я прихватил на дороге, показал Цфане Киплису, попросил ее пробежать. Утром Цфаня обрадовал меня:

— У тебя настоящий клад. Книгу написал эсэсовский генерал, она посвящена походам по Европе. Надпись на титульном листе гласит, что старый солдат шлет ее любимому внуку и желает приятной прогулки по дикой России. Я тебе кое-что перевел, может пригодиться.

Увлечшись работой, я не заметил, когда Игорь положил на стол Строкову машинописные листы. Тот прочел и удивился:

— Так быстро? Я что-то не видел, чтобы ты обсуждал очерк с Петровым, ведь труд у вас совместный?

— Какой может быть разговор? Пусть ставит свою подпись, я не возражаю.

— У меня, Игорь, еще не у шубы рукав, — выдавил я. — Никак не могу найти изюминку.

Часа через два я положил на стол Чекину свой опус.

— И видеть не хочу! — отрезал Игорь.

— Идите и ищите арбитра, — проворчал Строков.

Так и оказались мы с Игорем у Кулешова и Цфани Кипниса. Благо, что землянка была рядом.

Нас любезно выдворили на улицу, оставив у себя машинописные листы. Мы ходили по тропкам в сосновом бору, как два противника, ожидая, когда нас пригласят на разговор.

Кипнис категорически заявил, что Игорь не может игнорировать труд своего товарища. Пусть монтирует из двух вариантов один Петров. Твой высокий стиль, Игорь, будет хорошо сочетаться с документальной строчкой твоего друга.

Очерк напечатали. Заголовок на всю полосу хорошо смотрелся и читался: «Здесь были немцы...» Пошли в номер и мои снимки.

Игорь был на седьмом небе.

— Здорово преподнесли наш материалчик! Будешь помнить, как твоя фамилия, юноша, стояла рядом с писателем. Надо будет как-нибудь продолжить подобный коллективный труд!..

Мы с Александром Калинаевым жили в землянке мало, чаще всего были в бегах. Перед походом на передовую получали по аттестатам сухой паек: сухари, сахар, концентраты, а иногда сливочное масло, гороховое пюре. Пачечки с концентратом и масло мы оставляли в землянке, наказывали:

— Не трогать! Вернемся — накормим блинами.

Судя по всему, нашего возвращения ждали с нетерпением. Не успевал кто-нибудь из нас ввалиться в землянку, как Игорь Чекин докладывал:

— Дровишки заготовлены!

Перлин добавлял:

— Сковородки на мази!

Дышит жаром плита, чугун раскалился докрасна, шипит на сковородке жир. Поспело разведенное водой гороховое месиво. Плеснешь ложку месива на сковородку, и поплыло! Только успевай поворачивай. Розовый с двух сторон блин плюхается на тарелку. Стопка не успевает расти, так как едят вперегонки, кому больше достанется. Землянка пирует! Игорь преуспевает больше всех. Свернет вчетверо, макнет в масло, глотнет — и нет блина.

«Ешьте, наслаждайтесь,— думаю про себя,— накормлю до отвала».

Друзья поглаживают животы. Блины согревают душу, напоминают о мирных днях.

Как-то во время такой трапезы Чекин побледнел, присел на нары и плюхнулся, ни жив ни мертв, на подушку. Побежали в санчасть.

Доктор прослушал, сделал укол, успокоил:

— Ничего опасного: небольшой обморок от какой-то перегрузки.

Чекин вскоре пришел в себя. Первым делом посмотрел на плиту, спрашивает:

— А блины?

— Уже сыты по горло... перегрузкой! Пора спать.

Не раз бывало, что самые ошеломляющие новости узнавали мы в пути. Так было и в морозный день, когда приближался новый, сорок третий год. Коля Лисун сиял, говорил какими-то загадками.

— Новостей, пока ты шастал по частям, хоть отбавляй! Одна касается и тебя.

— Не томи!

— А ты приглядишься.

Коля сбросил полушубок, вытянулся в струнку. На его плечах красовались погоны с тремя звездочками на каждом. Коля, приложив руку к виску, гаркнул:

— Позвольте представиться! Старший лейтенант Николай Лисун!

— Что за спектакль?

— Никак нет! Политруков и комиссаров отныне нет, есть общие воинские звания. Возвращайся в редакцию, снимай, политрук Петров, кубики, запасайся погонами и звездочками, их навалом в ларьке военторга.

Редактор Фарберов теперь подполковник. Строков — майор. Все даже в мороз выскакивают на улицу в гимнастерках. Полюбуйтесь, мол, звездочками, большими и малыми.

Один Игорь Чекин мрачнее тучи, ворчит:

— Видать, братцы, писателю нигде ходу нет. Дали звание тыловой крысы. Один — майор, второй — капитан, третий — старший лейтенант, а я — интендант.

Унывать, однако, Чекин долго не умел и не хотел. Вскоре он весело и лукаво повторил:

— Вас, офицеров, разных майоров и капитанов, в редакции теперь много, хоть пруд пруди, а я?

Чекин стучал пальчиком о пальчик, подмигивал:

— А интендант в «Знамени Советов» — я один. Так кто в выигрыше? Выходит, что писатель, Чекин!

Говорят, что вместе тесно, а врозь скучно.

Плечом к плечу с Игорем Чекиным шагали мы до брянской земли. Там и настал час разлуки.

— Не грусти! — утешает Игорь Чекин. — Видно, так устроена наша жизнь, в ней только одни встречи и расставания. Где-то воюет наш друг Саша Калинаев? Его ведь тоже отправили в госпиталь. Кажется, это было еще под Старой Руссой.

Редакционные машины укрылись в осиннике. Игорь Чекин, накинув на плечи шинель, пристроился в старом плетеном кресле. Опускался вечер, низина окуталась зябким туманом. Игорь в этот раз много говорил.

Меня трогали не столько факты и случаи из жизни, о которых говорил Игорь Чекин. Дорого было желание друга сделать уютным и добрым этот вечер, чтобы отошла душа от расставания. Завтра в наступающих частях я буду жить этими минутами, проведенными вместе, жить и торопиться домой, в редакцию, чтобы увидеть снова друга.

«Вся жизнь — расставания и встречи!»

Эти слова, кажется, только вчера сказал Игорь Чекин. И надо же так случиться, что теперь и ему надо говорить: «До свидания, до встречи!»

Игоря перевели в газету авиационного соединения. От него шли теплые письма. «Не завидуй, друг, — писал он. — Знаю твою страсть пожить среди летчиков, написать о них. А они действительно очень славные ребята. Полюбуйся хоть одним — бывшим беспризорником, а теперь настоящим асом, героем воздушных боев в брянском небе». Из конверта выпала вырезка из газеты. Над двумя полуподвалами — крупный заголовок: «Две жизни Андрея Рублева».

У Игоря ни много ни мало родилась новая повесть. Молодец! На новом месте — и сразу в карьер!

Жаль, что друга нет рядом. Одно утешение: воюем-то на одном Брянском фронте.

Ваграм Апресян воспринимал как должное искрометные перепады в житейских буднях Игоря Чекина. Он не восторгался бурно шутками поэта, не завидовал тому, как Игорь быстро, на ходу, находил общий язык с людьми, не удивлялся, что не мог он долго и мучительно вынашивать строку, лепил картину, образ по первым, может быть, порою и ярким впечатлениям.

Одно что-то общее было между Чекиным и Апресяном. Они вспыхивали, как порох, если сталкивались с несправедливостью и подлостью. Чекин, правда, горел не долго. Ваграм же не отступался до тех пор, пока собеседник не складывал оружие.

Из-под пера Апресяна рождалось чаще всего то, что выношено и выстрадано, что с первой до последней строки скреплено прочным обручем. Тот, кто пытался «править» Ваграма, тот рвал обруч, содержимое в статье или очерке рассыпалось, как горох. К сожалению, этого иногда не замечали и не понимали ретивые «правщики» в секретариате, и тогда закипал «бой»!

Помнится, что Ваграм побывал у разведчиков, вернувшихся из поиска по глубоким тылам врага. Другой бы на его месте увлекся подробностями по захвату «языка», Апресян же ухватился за слова «байковое одеяло», сказанные случайно кем-то из разведчиков.

— Что за одеяло? — встрепнулся Апресян.

Разведчики поведали любопытную историю. В одной из оккупированных деревень у фашистского офицера пропало байковое одеяло. Его пропил денщик, сказав, что одеяло, мол, украли местные жители. Старых и малых расстреляли, а дома сожгли.

Попробуй не почитай на газетной полосе очерк под интригующим названием «Байковое одеяло».

Апресян в шутку мы называли ходячей энциклопедией. Ваграм мог часами рассказывать всевозможные истории про жуков, птиц, животных, говорить об учении Дарвина, об искусстве Палеха, живописной школе Рублева.

— Мы не раз давали по зубам фашистской дивизии «Мертвая голова». А знаете ли вы, что такое сам термин «Мертвая голова»? — спрашивал Апресян.

И отвечал:

— «Мертвая голова» — это сумеречная бабочка, способная издавать пищание звуки. Распространена она во всей Южной и отчасти в Средней Европе. В СССР

имеется на юге Украины, Северном Кавказе, в Закарпатье. Сумеречная бабочка не может быть синонимом фашистской дивизии «Мертвая голова». Есть еще в природе широконосые обезьяны, род которых именуют «Мертвой головой». Живут эти широконосые обезьяны большими стадами, очень чувствительны к перемене климата. Фашистские головорезы из «Мертвой головы» очень даже смахивают на обезьян, стремление к стадности у них есть. Только они поторопились менять климат. Как бы не околели!..

Апресян никому не навязывал свою дружбу. Однако у него всегда находился общий язык с радистом, водителями машин, цинкографом. Он со знанием дела объяснял, по какой причине сел аккумулятор, почему барахлит мотор, какую оплошность допустили при изготовлении клише и почему вместо хорошего снимка торчит в газете грязное пятно.

В одной из разбитых моторных лодок на Ильмень-озере Ваграм Апресян обнаружил добротный линолеум, которым были обшиты стенки кабины. Куски этого линолеума сослужили хорошую службу газете. Нередко случалось, что из-за отсутствия электроэнергии или препаратов выходила из строя наша походная цинкография. В такие дни выручал Апресян. Он рисовал портреты солдат, карикатуры на врага, сам вырезал «клише», которые украшали полосу.

Апресян был старше меня лет на десять, если не больше. При такой разнице лет кое-кто смотрел на нас как на молокососов, мальчишек, которые еще помнят, как пешком под стол ходили.

— Мы — солдаты,— говорил Апресян,— ценить надо тех, кто воюет, как положено, а не тех, кто по этому поводу чешет языком.

Подкупало в Ваграме то, с какой почтительностью говорил он о своих земляках, родных. В рассказах старшего товарища я вдруг увидел незнакомую мне горную страну, его многострадальный в прошлом народ, окрыленный ныне большой ленинской Правдой, жадный до работы, отдающий себя нашему общему благу.

Бывали минуты, располагающие к откровениям. Тогда Апресян рассказывал.

«Мой отец Захар детские годы провел в Тбилиси, у опекуна Арсен пана Акопяна, учителя, человека по дореволюционным временам состоятельного, но жестокого. Акопян мучил детей, кормил впроголодь, бил, запрещал

играть среди сверстников. Как ни странно, но эти надругательства породили в мальчишке нежность и привязанность к людям.

Отцу удалось окончить Нерсисянскую семинарию. Он учил детей родному языку, литературе, вел уроки истории, географии. Ученики знали, что Захар хорошо рисует, поет, играет на таре. Он написал повесть, много рассказов. Конечно же, в те времена нельзя было и мечтать о их публикации.

Хорошо помню его рассказ «Белая курица». Первые четыре года семейной жизни у отца не было детей. Молодожены заводили кошек, собак. Они, однако, почему-то не приживались в доме. Захар купил на базаре белую курицу, резать ее не поднялась рука. Курочка оказалась очень озорной, она ходила по пятам хозяев, охотно играла с ними. Соседи покатывались со смеху, наблюдая, как курочка выполняла с хозяином трюки.

Тоска пришла в дом, когда белая курица провалилась в яму и ее нашли мертвой.

У отца была большая библиотека. Книги на полке не лежали. Ученики Захара просили его почитать что-либо вслух, и отец радовался, как ребенок: пусть слушают старые и малые, пусть черпают разум!

В доме всегда были люди. Отец писал письма, прошения. В четырнадцатом году, когда осиротели семьи, проводив мужчин на войну против немцев, отец взвалил на себя «общественную почту». В базарные дни он устраивался на видном месте и выкрикивал: «Кто из Узун талы?», «Кто из Сев Кара?» Тот, кто приезжал за покупкой или чего-то сам продавал, вез письма родным и односельчанам.

Отец не занимался политикой. Он считал, что есть люди честные и подлые. Честным человеком был для него Степан Шаумян. Когда по пятам Шаумяна шли жандармы, отец скрыл его в своем доме.

Счастье не обошло молодую семью. Мама наградила отца сыновьями. Один за другим рождались братья: Дареник, Грант, Андрианик, Юрий. Степан. Я, Ваграм, был младшим.

Все вышли в люди. Дареник окончил медицинский институт, был комиссаром полка в гражданскую войну. Грант — токарь, журналист, доктор философских наук. Андрианик — полиграфист. Юрий — летчик. Степан — полиглот, знает в совершенстве десять языков.

Мама умерла рано. Все хлопоты по хозяйству легли

на отца. Он готовил пищу, стирал, штопал, занимался огородом, столярничал, переплетал книги.

Потом, когда не стало отца, воспитанием братьев занялся Дареник.

Я, Ваграм, работал на заводе «Красный Аксай», строил Ростсельмаш. Позднее Дареник взял меня в Москву.

На московском инструментальном заводе пошел в добрые руки наставников, посвятивших меня в тончайшее искусство работы с металлом. Писал о людях этого уникального предприятия в многотиражку, посылал юморески и рисунки в столичные газеты, редактировал заводскую газету «Фрезер», получил путевку в журнал «Крокодил». В армию ушел из «Вечерней Москвы»...

Видел я смелость, хладнокровие, выдержку Ваграма Апресяна в деле. Его дотошность, желание знать все и вся на свете помогли нам выполнить срочное задание.

Было это осенью сорок третьего года, Ваграму Апресяну, фотокорреспонденту Тимофею Мельнику и мне приказали:

— Немедленно выезжать в Брянск. В ваше распоряжение выделяется полуторка. К вечеру быть на месте. Весь номер от первой до последней строки должен быть посвящен людям, штурмовавшим сегодня на рассвете Брянск и Бежицу.

К Брянску мы пробивались со стороны Бежицы по проселочным дорогам, забитым частями всех родов войск, менявших свои позиции. Приходилось молча проглатывать горькие пилюли и крепкие словечки в наш адрес, когда полуторка то и дело буксовала, устраивала пробки. Тогда грозились нас опрокинуть к ядерной бабушке. Апресян умел находить нужные слова для командиров с большим званием, для шоферов и ездовых, которые в конце концов уступали дорогу людям из газеты.

Болото и лес скоро кончились, мы вырвались на простор.

Над разрушенным мостом рвалась шрапнель. У переправы шумят беженцы, мычат коровы в конской упряжке, кудахчут и курлыкают куры и гуси, упрятанные в корзины. Никто не обращает внимания на свинцовый град. Скорее бы к родному очагу, скорее бы увидеть: цел ли дом, не сгорел ли он, не взорван ли?

Саперы только что навели временный мост. Нас пропустили в первую очередь. Полуторка въехала на дорогу, которая ведет прямо в Брянск. Булыжник кто-то недавно ковырял, камни небрежно брошены в свои гнезда.

— Не замечаете пакости? — спросил Ваграм.

— Какой еще пакости? Дорога что надо. Прокатимся с ветерком, — заметил водитель Коля Рогачев.

— А усики? — снова спросил Апресян.

И только тут мы разглядели, что в местах, где булыжник потревожен, торчат черные усики.

Апресян пояснил:

— Немцы поспешно удирали по этой дороге из Брянска. Дорога заминирована, мины, судя по всем приметам, противотанковые. Это уже для нас плюс.

— Хорошенький плюс, — вставил фотокорреспондент Тимоша Мельник, — всю жизнь мечтал о такой прогулке.

— Плюс! — подтвердил Ваграм. — Вес нашей порожней машины невелик, чтобы сработал взрывной механизм. В крайнем случае он придет в действие тогда, когда мы проскочим опасное место. Нужна, как и в любом деле, страховка. Предлагаю: на задней оси оставить два ската, а два снять и положить в кузов. Полоса соприкосновения машины с грунтом уменьшится. Следовательно, уменьшится вероятность наезда на мины.

От слов перешли к делу. Два ската лежали в кузове.

— Кстати, — сказал Ваграм Тимоше Мельнику, который сидел в кузове ни жив ни мертв, — резина хороший амортизатор. Если и трахнет, то не так сильно.

Мне Ваграм посоветовал встать на крыло машины и внимательно следить за усиками. «Мины могут быть уложены где цепочкой, а где в шахматном порядке. Помогай водителю маневрировать, объезжать подозрительные места».

И вот наконец город. На дощечке окраинного дома написано: «Улица Фокина». Машина, словно живая, после большого нервного перенапряжения почувствовала себя в безопасности, остановилась, как вкопанная: заглох мотор. Ваграм Апресян, Тимоша Мельник и я спрыгнули на землю, чтобы размяться, так как после необычного, хотя и короткого, путешествия руки и ноги онемели.

На улице тихо, пустынно, ставни окон и ворота заборов прикрыты. Жутковато как-то, неудобно.

Коля на чем свет проклинал свою колымагу. Обливаясь потом, он крутил без конца рукоятку, но мотор так и не заводился. Из-за Колиной возни не заметили, как заскрипели запоры и засовы, раздались крики: «На-ши! Род-ные!»

Со всех сторон к нам бежали возбужденные люди. Женщины говорили наперебой:

— Смотрю в щелочку — и никак не могу понять: машина вроде бы наша, да откуда красноармейцам-то взяться? Ведь немцы только что копошились на дороге.

— А я смотрю — шинели не зеленые, а наши — серые, добротные. Да опять задача: на шинелях-то командиров погоны, как у офицеров в царские времена.

— А я вышла на улицу, прислушиваюсь, по-русски вроде матерится парень у машины, и вид не злобный. Побежала к Елизавете, повторила, что слышала. А та: «Да ты, Марья, что? Раз матерятся — значит, наши, русские». А я: «Да ведь погоны на них!» А она: «Погоны, погоны, затвердила, как сорока. Забыла, партизаны поговаривали, что у Красной Армии теперь новая форма, погоны ввели...»

Толпа росла. Кто-то крикнул: «Качать!»

Нас подбрасывали так, что дух захватывало. Потом тащили в дома, в гости. С трудом убедили, что ждет нас в городе работа, там настоящие герои, там освободители. И люди хлынули к центру!

Обратный путь был еще сложнее, так как лесные дороги сплошь запрудили войска.

Редактор Фарберов, не ответив на рапорт Апресяна, раздраженно проворчал:

— Весь божий день хвосты волам крутили. На дворе полночь, когда газету делать?

— Не нюхал, видно, ты, подполковник, пороха! — резанул Апресян. — Попыхиваешь трубкой с утра до вечера в тиши кабинета. А мы по минам, по минам добирались. Живы, как видишь, здоровы, и материалов полным-полна коробочка. Не на один номер хватит!..

Редактор сменил гнев на милость. Газета вышла в срок.

Отдел армейской жизни. У нас не было праздных дней. Наш начальник Михаил Строков при каждом удобном случае напоминал, что делу время, а потехе час.

И все же нет-нет да и собирались все вместе. Кто-то, между прочим, спрашивал:

— А помнишь?

Бывало это вечерами, когда очередной номер сверстан, полосы вычитаны, есть задел на завтра и послезавтра. Всплывала история за историей, от взрывов мужского смеха вздрагивала землянка, с потолка сыпалась земля.

— Помнишь, Петя, как в июле сорок первого вез нашу

газетную бригаду на фронт Евгений Поповкин, — говорил Строков, обращаясь к Белому. — Ходил он в новенькой военной форме, с рубиновыми шпалами на петлицах, но на большого начальника никак не походил. Лицо пухленькое, налитое и розовое, как спелое яблочко. Смотрел на нас с улыбочкой, казалось, что возмутить, вывести его из равновесия невозможно. Думали: наверное, такие и есть в жизни все писатели.

Но Поповкин стал вдруг не таким тихим и не мягким.

Из поезда Москва — Ленинград исчезли два газетчика нашей бригады. Обшарили во время хода поезда весь состав, встречных и поперечных спрашивали: «Не видали ли политрука? Не попадался ли на глаза лейтенант?» Пассажиры испуганно шарили под лавками, передвигали баулы, чемоданы, бормотали, будто извиняясь, что политрук, что лейтенант — люди военные, они же не будут прятаться, забиваться, как тараканы в щели.

— Помню, помню, — смеялся от души, вытирая слезы, Петя Белый. — Я и Андрей Богуцкий на одном полустанке решили махнуть в деревеньку за молочком. И молочка не добыли, и состав потеряли. Догоняли потом свой скорый поезд в товарных эшелонах. К счастью, на станции Бологое поезд стоял долго.

Мы с Богуцким ринулись в свое купе. Начальства, слава богу, на месте не было. Сидим коленка в коленку, покачиваем ножками, покручиваем пальцами, как ни в чем не бывало.

Поповкин пришел в вагон вместе со станционным начальством, увидел нас, обжег каждого черными угольками глаз, но ничего не сказал. Козырнул только железнодорожникам: извините, мол, за беспокойство. Извините за нелепое недоразумение!

— А бомбежку в деревне Лажины помните? — спросил Строков и сам же продолжал: — От взрывной волны рассыпались вдребезги стекла в рамах. Объявили аврал: кто тащит доски, кто фанеру, кто картон. Нашлись гвозди, молоток. В суматохе не заметили, что нет Чекина.

Нашли его чуть ли не в крайней хате. Сидит на полу, голова перевязана, свежая повязка и на руке.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ранен. Спасибо Белому, если б не он, пропал бы. Таких людей, как Петя, не найдешь во всем белом свете.

— Игорек! Тебе надо немедленно в санчасть, — сказал я. — Ранение надо зафиксировать.

— Зафиксировать? — еле выговорил Чекин. — Че-

ловец ранен, а у вас и на этот случай устав, инструкция. Нигде писателю нет от них покоя!

— Ладно, Игорек, если терпимо, позже сходим в санчасть. Есть у меня нашивочки, желтая нашивочка — это когда тяжелое ранение, красная, когда легкое. Тебе какую?

— Подойдут, пожалуй, обе.

Раны на голове и руке писателя почему-то очень быстро затянулись. «А чего им не затянуться, — сказал мне по секрету Белый, — человек плюхнулся со всего маху на пол, поцарапался о стекла».

— Досада, — огорчился Игорь Чекин, — придется снимать нашивки о ранении, хотя для солидности они вовсе не мешали!

— Помнишь, Миша, как ты среди бела дня бросил все свои деловые бумаги, шапку в охапку и побежал в разведотдел. Там, мол, говорят, важная штука попалась. Надо успеть на допрос.

Вернулся молчком. Я и так, и эдак, расскажи, Миша, про важную штуку. А ты одно: «Отвяжись! Никакой штуки не было!» А я не отступаю: что же тогда было?

А было вот что. Разведчики в тылу врага несколько дней выслеживали дом, где обосновался генерал. Операцию по захвату «языка» решили провести под покровом ночи. Все шло как по маслу. Генерал примерял парадный мундир, вертелся перед зеркалом, ни о чем не подозревая. А в это время кляп в рот, руки за спину, и в путь.

На допросе мычал, мычал генерал, а потом оказалось, что никакой он не генерал, а всего лишь денщик генерала. Высокий начальник уехал по делам, а фриц решил примерить новый генеральский мундир...

Разведчики костят того фрица на чем свет стоит. Тащили, оберегали от синяков. Десять потов сошло с каждого, а он... простая сволочь!

— Не расстраивайтесь, ребятки, — успокаивало начальство разведчиков. — Генеральский денщик не таким уж и обормотом оказался, кое-чего знает. А в кителе его секретные документы обнаружены.

— Слава богу, хоть какой-то навар есть! — облегченно вздохнули разведчики.

— Угощу я тебя, Игорь, побасенкой, — вступил в разговор Петя Белый.

Живет со мной на корпункте Абрам Розен. Нюх у него на всякую газетную новинку собачий, хотя в армейских делах не понимает ни бум-бум. Заметил, что в весеннюю

распутицу я зачастил к саперам. И он туда же. Потом передал во фронтовую газету авторскую статью. Ждет, когда эта статья будет опубликована, а ее все нет и нет. На армейском узле связи вручили ему телеграмму из редакции. Он мне ее не показывал, но слова, видимо, в ней были едкие. До какой ты, мол, Розен, наглости дошел, что статью о прокладке дорог по болотам даешь за подписью драматурга!

Метался Абрам Розен из угла в угол, негодовал:

— Идиоты! Сидят там, нежатся в своих купе, не могут спросонку разобраться, что к чему! Посылал я статью сапера Чикина. При чем здесь драматург?

— Абрам! — подначивал я Розена. — Ты, наверное, писал статью спросонку. Самому богу известно, а ты будто не знаешь, что есть у нас в «Знамени Советов» драматург Игорь Чекин.

Весь день ходил Абрам, как помешанный, твердил:

— Чекип, Чикин, Чекин, Чикин! Всего одна буква. Леший, видно, попутал. Сраму не оберешься. Оправдывайся теперь. После драки только один дурак кулаками машет! Чекин, Чикин!

Вставил свое слово и наш сотрудник Саша Калинаев.

...Командир дивизии после длительных оборонительных боев получил приказ: перейти в наступление, утром отбить у немцев важную высоту. В полки вошли почти все штабные работники, политотдельцы разъясняли, что успех дела обеспечит внезапность.

Перед атакой в окопы доставили свежий номер дивизионной газеты. Во всю первую полосу был напечатан крупным шрифтом призыв: «Стой, как вкопанный!»

Редактора вызвали на ковер, а он не растерялся:

— Немцам надо подкинуть этот номерок, введем врага в заблуждение!

— Поздно заблуждать, высота уже наша!

Кажется, в Кувизино, вспомнил Игорь Чекин, среди белого дня раздался выстрел, а следом за ним жалостные причитания. Вся редакция всполошилась. У сарая рядом со свиньей, сраженной наповал, стоял с пистолетом в руках Богуцкий.

Хозяйка готова была выцарапать Богуцкому глаза, а тот оправдывался:

— Ведь вы сами говорили, что собираетесь заколоть эту животину.

— Вот именно заколоть. Резать одно, а стрелять —

грех! Бесстыдник! Кто пускает пулю в безобидное животное?

Вот как эту историю я изложил,— завершая свой рассказ, сказал Чекин.

Богущий!
Ясен здесь удел поэта:
Остановить твой жаркий пыл,
Чтоб ты, мой друг, из пистолета
Хозяйской телки не убил!..

Чаще других получает письма Строков.

— Миша! Читай письма. Они не только для тебя, но и для всех нас причастие.

Строков доставал из чемоданчика пачку конвертов, перетянутых суровой ниткой, сдавленным голосом говорил:

— Читать не буду, раскиснешь, устроишь в землянке половодье.

Письма шли по рукам.

«Дорогой папочка!

Пишу тебе из далекого сибирского Канска. Добиралась пятнадцать суток. Не удивляйся, что решилась с маленькой дочуркой тронуться в такое дальнее путешествие. Ты же знаешь, что Сибирь — моя родина. Мир, говорят, не без добрых людей. Так оно и вышло. Подруга детства устроила меня на квартиру. Хозяйка очень милая старушка, не отказала в жилье, увидев, что на руках маленький ребенок. Устраивайтесь, сказала она, в тесноте — не в обиде. Помогаю старушке, чем могу. Пробовала доить корову, вроде получается. Только пальцы сильно болят.

О нас не беспокойся. Исполнивай, как полагается, свой воинский долг. Пиши».

«Дорогой папочка!

Получила продовольственные карточки, дрова по ордеру, который выдали в военкомате.

Дрова колю сама. В доме тепло, уютно.

Дочка растет не по дням, а по часам.

Целуем. Пиши».

«Дорогой папочка!

Моя бабуля-хозяйка согласилась присматривать за дочуркой, а я пошла работать.

Кем стала, тебе даже во сне не приснится! Загадай. Не отгадаешь! Секретарь горкома комсомола по военной работе!»

Вся землянка комментировала: «Вот вам и доярка Люба!», «Вот вам и дровокол Люба!», «Держись, Миша! В начальниках ходишь, а вернешься подчиненным!»

Сам я чувствовал, как согревает душу недавно полученное письмо, которое ношу с собой в кармане гимнастерки. Жена, тоже Люба, сообщала, что сын мой Павел уже начал говорить. Мальчик ласковый, послушный, тает даже от чужой ласки.

Письмо очень короткое, всего несколько строк, а как они всего меня переполняют. Ведь я не видел сына в глаза. Родился он за двадцать дней до войны, когда я уже служил в армии. Трудно даже представить, какой он. Хоть бы мельком взглянуть, неужели так и не доведется?

Из конверта выпала фотография. Сын! Снимок сделал любитель, не сумел половчее устроить мать и ребенка перед аппаратом. Жена держит Павлушку под мышки, чтобы создать впечатление, будто стоит он на ее коленях. Но хитрость не удалась: разве выдержат парня такие тонкие ножки? Живот большой, рахитичный. Видно, не молочком, не манной кашей кормят его.

Сын совсем не такой, каким иногда снился мне. Но ничего! Придет время — окрепнет. Вырос бы путевым, любил бы мать, помогал бы ей, случится со мной непоправимое. Надо воевать за сына, за свою будущую семью!

Петя Белый не без лукавства объявил:

— Появился в «Знамени Советов» еще один молодой папаша! Получил мужик весточку, бродит сам не свой, сам себе не верит, что есть у него сын, наследник. И кто бы вы думали? Коля Лисун, хотя это и не такая уж сногшибательная новость. Кто не знал, что Лисун, как голубок, ворковал уже давно около Жени Савельевой. Была Савельева, а теперь стала Лисунихой!

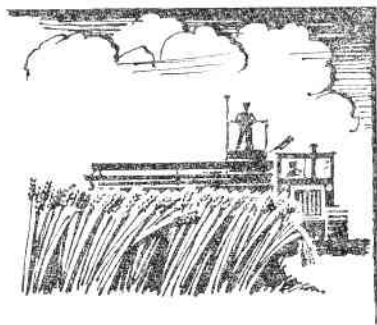
Я ахнул:

— Всем известно, а мне нет. Ну и друг! Ну и тихоня! Ну и футболист! Когда успел?

— Не ахай, а радуйся, — хлопнул меня по плечу Белый. — Хорошая будет семья. Женя — девушка самостоятельная. Слышал, что она из Смоленска. Росла сиротой, под крылышком бабушки. Женя и корректор что надо. Я не раз дежурил с ней по номеру. За Женей как за каменной стеной. Ни одной опечаточки в номере.

Белый, потирая руки, ходил по землянке возбужденный.

— Черная зависть у меня, холостяка, к папашам. Растут невесты, наследники. Это ж здорово! Род человеческий продолжается! Берегись, фашист! Быют тебя и будут бить и семьянины и женихи!

ГОД СОРОК ТРЕТИЙ БРЯНСКАЯ УЛИЦА

Праздничный стол. Его накрыли в самой большой землянке. В первый раз за всю войну я оказался среди друзей. Игорь Чекин читал застольную оду, в ней «досталось» всем на свете.

— Оды читать все равно что дрова рубить, — сказал Игорь, вытирая на лбу обильный пот. — Теперь можно и чайком побаловаться. Давай махнемся: ты мне прищипки и карамель, а я тебе свою порцию горячительного.

От чувства причастности к дружной фронтовой семье сделалось радостно, но радость, наверное, нужна тоже в меру. Когда ее слишком много, становится страшновато оттого, что все это рано или поздно можно потерять.

— Игорь, — спросил я, — сколько раз можно выходить сухим из воды?

Этот вопрос Чекин сначала пропустил мимо ушей, потом всполошился:

— Не блажи, не городи чепухи!

Слово «чепуха» задело за живое.

Вспышкой молнии промелькнул в голове весь сорок второй год. И совсем некстати в минуту торжества припомнились напасти, которые случались и, наверное, будут еще не раз случаться у фронтовых газетчиков. Я никому и никогда о своих напастях не говорил, а тут без конца задавал Игорю вопрос:

— Сколько раз можно выходить сухим из воды?

И после каждого вопроса излагал историю за историей. И каждая, как заноза, застревала в голове.

Уж лучше бы не повторял Игорь:

— Не блажи, не городи чепухи!

...Зима сорок второго. Я искал попутчиков в полк, но не нашел. Сказали: «Дорога туда прямая, накатанная. Недавно по ней отправился обоз. Шагай. Не заблудишься».

Прошел, наверное, полпути, когда увидел невероятное: лошадей в упряжке нет, повозки разграблены. Людей тоже нет, ни живых, ни убитых, снег кругом алый-алый.

Совершенно очевидно, что обоз попался на немецкую засаду, но мне-то что делать? Идти вперед или назад — одна участь, не избежать встречи с врагом. Гранаты в руки и вперед! Как-никак — там передовая, бойцы в обиду не дадут...

...Было самое начало лета сорок второго, голову дурманили запахи болотных трав. Заявился я к стрелкам в землянку-избушку, а у тех глаза на лоб.

— По какой дороге шел?

— Страшный вопрос. Дорога одна, по краешку болота.

— Сукин ты сын! С этой дорожки немцы только что утащили нашего связного...

...Это происходило осенью. Командир батальона встретил приветливо, очень, мол, кстати пришел корреспондент. «Собираюсь в роты. Дорогу туда не успели еще вымостить. Не беда: с кочки на кочку — и на месте!»

Шли цепочкой. Болото сплошь перемолочено снарядами и минами. Ни одного деревца, ни одного кусточка, даже чахлого.

Болотная тина ни с того ни с сего взметнулась большим фонтаном в небо.

«Ложись! — приказал комбат, плюхаясь в тину. — Засекли сволочи: рычит по-ослиному шестиствольный миномет». Комбат, прислушиваясь к свисту мин, шептал: «Перелет! Перелет!»

Связной и санитар, шагавшие в центре цепочки, не подавали голоса, лежали, уткнувшись лицом в грязь, распластав руки.

Комбат выпустил крепкое словечко, зло сплюнул:

«Сколько воюю, а такого еще не знал. Первая мина — и прямое попадание! Две похоронки придется сегодня оформлять. А мы с тобой, корреспондент, везучие. Спасло нас мертвое пространство».

...Это было совсем недавно. Комиссар 26-й бригады сказал: «Будут интересные дела. Потерпи».

Шатался возле землянок штаба час, другой. Идет связной, вид у него невзрачный: зарос щетиной, глаза воспаленные, красные. Спрашиваю: «Ты далеко, парень? Отвечает: «В свой батальон, куда же еще?» Попросился с ним. Он ответил сонно, безразлично: «Валяй!»

В лесу вдоль хорошо протоптанной дорожки следы недавнего боя. То здесь, то там валяются убитые немцы, трофеи.

На пригорке возле самого уха просвистела пуля. Подумал, что померещилось, а следом: «жик, жик, жик!» Связной лежит на пузе, ползет, как лягушка по льду, не предупредил, что пригорок держат под прицелом вражеские снайперы: они загнали в лощину не один десяток наших солдат.

В лощине безопаснее: пуля снайпера не достанет. Но вот загудели моторы танков в ближнем лесу. Враг расшвирипел, рвутся в лощине снаряды, мины, шрапнель над головой, валятся деревья, вот таким, наверное, и бывает кромешный ад.

Все очень просто! Мгновение, и настанет вечная тишина. И в этот миг возвращается трезвый рассудок: ищи, ищи выход, не скреби руками землю, не терзай душу. Рядом образовалась глубокая воронка. Немедленно в укрытие! Слышал, что дважды бомба и снаряд в одну точку не попадают.

Спасла та воронка. Спасла от вражеских снарядов, спасла от гусениц наших танков, рванувшихся в атаку.

Смерч, ураган откатился на запад, а я шел следом за ним собирать свежий материал. В землянке, покинутой врагом, застал ребят, снял их на память, подробно расспросил, как протекала атака. Ушел, сказав обычное: «Ни пуха вам, ни пера». Не успел отойти несколько сот метров, как за спиной раздался взрыв. Оглянулся: от той землянки, где я только что был, не осталось и следа. Прошептал: «Вечная вам память, ребята!»

На лесной дороге встретил повара, везет в упряжке походную кухню. Подумал: раз есть щи, значит, не за горами и бойцы.

Тихо, будто и нет войны. И вдруг перед глазами пламя. Несколько мгновений спустя увидел: лошадь убита, из котла вырываются горячие струйки, шипит под ними снег. Повар держит рукой клочок рукава шинели на левом плече. Он никак не сообразит, что его собственная рука отлетела куда-то в сторону, шепчет:

— А щи, щи! Пропадут же они! Ребята который день без горячего.

Попытался его перевязать, а он в ответ сказал зло, даже свирепо:

— Не трожь.

Посоветовал:

— Шагай, парень, по тропинке, недалеко палатка, на ней красный крест. Обойдутся ребята и без щей. Я им скажу, что вины твоей в том нет.

Послушался на этот раз человек. Зажал покренче жгута правой ладонью свежую рану, стиснул зубы, шел, не шатаясь, к санитарам.

В роте мое сообщение комментировали очень кратко:

— Мать честная! Не везет!..

Ночь в блиндаже прошла спокойно. На рассвете немцы начали лупить по блиндажу, сооруженному собственными руками, прямой наводкой. Накаты выдерживали, а земля ходила ходуном. При каждом взрыве искры сыпались из глаз, голова тупела, как после удара обухом по черепу. Тот, кто пытался выходить на воздух, тут же падал от пули снайпера. Люди сидели в этой западне до наступления ночи. И, кажется, зареклись на всю жизнь не пользоваться логовом, покинутым врагом...

В редакцию вернулся, когда прошли все сроки «командировки». Не знал, что неоднократно наводили обо мне справки по проводам и получали односложный ответ: был корреспондент, из части выбыл...

Всю ночь метался в дурацких кошмарах, а утром все в землянке поздравляли друг друга:

— С новым, сорок третьим!..

— Каков-то он будет?

Побывал я вскоре в родной мне 202-й. Здесь полно новостей.

— 202-я — фронтовая академия! — сказал не без гордости Андрей Жариков. — Бывший начальник штаба Павел Федорович Батицкий — комдив 254-й, комиссар Степан Фомич Хвалей — начальник политотдела 27-й армии, мой комбат разведбатальона Анфаил Даховский и наш общий друг Василий Слесаренко отозваны в штаб 11-й армии.

Василий Батурин, обычно сдержанный и немногословный, обрадовавшись встрече, размечтался. Такое на фронте даже с близкими людьми бывает нечасто.

«Есть на Могилевщине село с певучим названием Малые Слежи. Там в дубравах, среди озер и речушек,

прошло мое детство, голодное, сиротливое и в то же время светлое тем, что сестренки и братишки жили по неписанным законам, когда все за одного, а один за всех.

Мама умерла рано. У отца не доходили руки до домашних дел. Старшему стукнуло четырнадцать, а мне пришла пора идти в школу. Между нами, мужиками, снуют три несмышленные сестренки. Само собой повелось — кому отвечать за дрова, кому готовить немудреную пищу, кому стирать, кому штопать.

Я кормил семью ухой, раками, грибами, которые сушили и солили впрок, чтобы хватило до нового урожая.

Деревенские мальчишки охали и ахали, когда я шарил руками в воде, а потом выбрасывал на берег рыбу. Сестренки едва поспевали собирать улов в кошелки.

Не раз слышал упреки женщин:

— У наших мужиков сети, удочки, крючки, а паваристой ухой что-то в доме не пахнет. Этому лешему рыба малая и большая сама лезет в руки.

Одногодки завистливо ворчали:

— Колдун! Цыган! Фокусник!

А я и сам не знал, почему мне так везет, везет в любую погоду, хоть есть клев, хоть нет его. Рыба, наверное, в «моих» местах была сонная, лепивая, жирная.

Учился я с неистовой жадностью, не терял попусту ни минуты, хотя кое-кому казалось, что при Советской власти все идет будто по щучьему велению, по своему хотению. Кто-кто, а я-то знал, что без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Чувствовал себя на седьмом небе, когда пошел давать урок в родном селе Малые Слежи. Распирала гордость и моих братишек и сестренки: не лыком, мол, шиты Батурицы! Наш Вася не кто-нибудь, а учитель!

Отец шагал в ногу со временем: первым со всей своей оравой записался в коммуны, а потом в колхоз.

Кем только я не был. Секретарем политотдела МТС, селькором, студентом института журналистики в Минске, интсотрудником районной газеты, секретарем редакции областной. Что такое секретарь, не мне тебе рассказывать. Но нашей военной мерке это, пожалуй, начальник штаба: вдохнешь искру в людей — будет искра и на газетной полосе.

Война застала в Вилейке. Пешком уходил от немцев. Стучался в двери военкоматов в Ушачах, Беженковичах, Витебске, Рудне, Смоленске. Везде он ворот поворот: берем в армию только тех, кто к нам приписан. Повезло в

Вьзъме, попал на порядочных командиров, отправили на сборный пункт. Так и оказался в 202-й.

Живы ли отец, братья? Не попали ли сестренки в немецкое рабство? Скоро ли придут дни, когда мы пойдем на Запад? Когда увижу я родную Белоруссию?..»

Не знали мы тогда, что военная судьба все решит не так, как хочет солдатское сердце. Я буду освобождать своих белорусских братьев, а Василий пройдет через горнило битв под Курском и Орлом, Будет шагать по земле Украины, вызволять из фашистской неволи народы Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии.

Все это будет потом.

А пока 202-я дерется за каждую высотку, чтобы продвинуться вперед хотя бы на сто, двести метров, чтобы закрыть горловину Демянского котла.

Утром Батулин вернулся в землянку мрачнее тучи, еле-еле выдавил:

— Погиб комдив Серафим Григорьевич Штыков. Этого невозможно постичь ни разумом, ни сердцем. Ведь всей своей жизнью утверждал он, что смелого пуля боится, смелого штык не берет!

Ничего не мог я добавить к этим словам друга.

Такие, как Штыков, не умирают. Они остаются с людьми на века!

В марте сорок третьего года наш радист вручил секретарю редакции очередное сообщение Советского Информбюро.

— Читай! — с гордостью заявил он. — И о наших делах на Северо-Западном фронте заговорили теперь на весь мир. И Пустыньку, и Большой и Малый Калинин вспомнили. После Сталинградского сражения фашистам стало не по себе. Выскочили они из демянского котла, как крысы с тонущего корабля. Укрепленный демянский плацдарм врага ликвидирован.

Вскоре редактор газеты огорошил, сообщив, что частям 11-й армии приказано оставить передовую и двигаться в тыл, на пополнение. Жаль было расставаться со Старой Руссой. Ведь здесь мы в 1941 году остановили врага. Здесь мы провели почти два года лицом к лицу с врагом. Здесь мы ощутили радость и гордость за то, что намертво зацепились за новгородскую землю и не пустили немцев к Валдаю.

Бразды правления на марше взял теперь в свои руки

завхоз Гукай. Он и раньше не отличался обходительностью, любил, чтобы подчиненные стояли перед ним навтыяжку, выслушивая бесконечные к месту и не к месту нравоучения. А теперь в распоряжение Гукай поступили не только рядовые, но и весь личный состав редакции. Отрывистые команды Гукай, как гром среди ясного неба, раскатывались в весеннем бору.

Своими силами сооружали гати до ближайшего большака. Заготавливали «шпалы», тесали бревна, которые укладывались наподобие рельсов. Ехать по такому сооружению — все равно что ходить по канату: того и гляди сорвешься в талый, подернутый синевой снег. Хлопотали у машин водители, проверяли скаты, рессоры, заводили рукояткой застоявшиеся моторы.

Редакцию разбили на экипажи. Каждый из нас знал свое место: кто ехал с печатным цехом, кто с наборным, кто с цинкографией, кто с электростанцией. Назубок изучали инструкции, как вести себя в наряде в качестве часового, как действовать в случае налета вражеских самолетов или при столкновении с воздушным десантом, лазутчиком.

Перед рассветом машины, выстроенные в колонну, тронулись. Во главе ее — редакторская легковая.

Гладко было в инструкциях Гукай, да не состоялся наш марш по его нотам. Скатывались «с рельсов» машины, образуя пробки, глохли на косогорах моторы, не помогали буксиры, выручали наши плечи. После такой мороки на привале или ночевке в деревне хотелось плюхнуться на первую попавшуюся дерюгу, заснуть мертвецким сном, а тебе предлагали заступить на пост.

На одной из станций погрузились в теплушки. Автомашины закатали на платформы. Эшелон движется к Москве. Миновали Бологое, Калинин, Клин. Днем нам давали зеленую улицу, а ночью иногда подолгу стояли, так как фашистские стервятники, опасавшиеся показываться в нашем небе засветло, как пираты, паскакивали на станции и разъезды под покровом темноты. И опять мы думали про себя: «Быть в околе на передовой все же лучше, чем слушать взрывы бомб и видеть при отсвете прожекторов, как вьются кольцами взорванные рельсы».

Тула и Калуга стали нашими временными пристанищами. Здесь нам еще раз довелось узнать, что пот и кровь на повгородской земле, под Старой Руссой, пролиты недаром.

В первомайском приказе Верховного Главнокоман-

дующего подводились итоги зимней кампании 1942/43 года. Мы узнали, что кризис в лагере фашистов выражается прежде всего в том, что враг был вынужден открыто отказаться от своей первоначальной установки на молниеносную войну. Фашисты хвастают уже не тем, что они провели или намерены провести молниеносное наступление, а тем, что им удалось ловко улизнуть из-под удара английских войск в Северной Африке или из окружения на советском фронте в районе Демянска. Фашистская печать пестрит хвастливыми сообщениями, что немецкие войска сумели удрасть с фронта и избежать нового Сталинграда.

Пехотинцы, минометчики, артиллеристы, танкисты, летчики, саперы, связисты, кавалеристы получили приказ без усталости совершенствовать свое боевое мастерство, точно выполнять приказы командиров, требования уставов и постановлений, свято блюсти дисциплину, соблюдать организованность и порядок.

В глубоком тылу мы трудились до седьмого пота. Бывалые солдаты торопились натаскать новичков, не державших в руках винтовки и автомата. Без конца рыли окопы и траншеи, ходили в учебные атаки. Пехота приравнивалась к действиям с танкистами, артиллеристами и летчиками. Наводили переправы, преодолевали водные рубежи, болота, пески. Техника техникой, а каждому солдату предписывалось до тонкости изучить оружие ближнего боя.

Игорь Чекин любывал в Москве. Трудно было понять, огорчается он или восторгается, когда говорил мне:

— Не обходят нас, братьев писателей, поручениями даже в военную пору. Дали мне вот эту тетрадищу. Пробовал читать, да почерк у человека далеко не каллиграфический. Наблюдения, мысли очень даже любопытные. Может, посмотришь на досуге. Сам говорил, что любые каракули свободно разбираешь.

Так передо мной оказались страницы, написанные на листочках из амбарной книги, на обороте пожелтевшего плаката, между строк на газетной полосе. Все листочки подрезаны ножом под формат ученической тетради, прошиты суровой ниткой, пронумерованы.

И снова прикоснулся я, как и в беседах с разведчиком Андреем Жариковым, к первым дням войны. Только теперь рассказ шел не о фронтовых делах, а о буднях сибирской глубинки, в том же Красноярском крае, откуда получает письма наш Михаил Строков.

Автор этих записок, наверное, мой одноклассник.

Будто своими глазами увидел я секретаря райкома партии Дмитрия Тепленичева, которому не легче, чем комдиву, управлять огромным хозяйством, не легче, чем политработнику любого ранга, убеждать людей словом и личным примером быть человечным и чистым, как сама совесть Партии.

Будто своими глазами я увидел автора записок Ивана Курнина, который рвет и мечет, чтобы попасть на фронт, но ничего из этого не выходит. Вынужден заниматься другими делами, действовать по тем же нашим воинским законам: надо — значит, надо!

В тылу другой, чем у нас, календарь. Год делится на кампании — посевную, уборочную и многие, многие другие. Одна захлестывает другую. Бывают успехи, но больше горечи, которая лишает сна, берedit душу. Записки Ивана Курнина врезались в память.

Балахтинская тетрадь.

«Война бушует в Прибалтике, Белоруссии, на Украине.

Наша судьба, то есть моя и моей однокурсницы Насти, ныне моей жены, решилась в Сибири. Вместо Орла попали по распределению в Красноярск. В руках дипломы об окончании Московского областного педагогического института и предписание крайоно ехать в Балахту.

Нашли эту Балахту на физической карте края. Это где-то на юге, есть там тайга, есть и степь.

Пароходишко почти сутки полз по Енисею, доставил до пристани Даурск, а дальше до райцентра добираться как знаешь. Хорошо, что подвернулась попутная машина. Шофер, озорной мальчишка, на старенькой, чиненой-перечиненой полуторке то и дело давал газ, ему явно доставляло удовольствие, когда машину подбрасывало на ухабах, а бабы с визгом перекатывались от борта к борту.

Стоит золотая осень. Пестрый, слепящий глаза лес, земной рай. Сердце рвется на части: с каждой минутой вы все дальше и дальше от мест, где решается вопрос: быть или не быть нашей Родине свободной. До фронта три с половиной тысячи километров.

В Балахте после районо попал на беседу в райком к первому секретарю Дмитрию Ивановичу Тепленичеву.

— Грамотные люди, тем более коммунисты, нам очень и очень нужны, — сказал он. — Думаешь, попал в глухомань, в дыру? Ошибаешься. По территории наш район

наверняка побольше иного европейского государства.

На столе секретаря почему-то стояли счета. Перекидывая костяшку за костяшкой, он рассуждал:

— Три совхоза, две МТС, тридцать четыре колхоза. Посевной площади столько, что если округлить, то на каждого живущего ныне в районе, от старика до грудного младенца, придется до тысячи гектаров. Это ж надо не умом, а сердцем понять: тысяча гектаров на человека!

Тепленичев, сбросив костяшки счетов вправо, продолжал:

— О дарах лесов, рек, озер молчу, это само собою. Есть пища для промышленности и транспорта, водится уголек. Правда, бурый, зато лежит прямо на поверхности, гребь лопатой и в дело.

Ты — учитель истории, так обогащай науку о Сибири. Балахта в переводе с татарского, насколько мне известно, означает рыбное место. В прошлом — это большое и богатое село. Строили его на совесть. По сию пору сохранились кирпичные дома в два этажа. Стоят больше сотни лет, простоят еще столько, если не больше. Сказывают, что первые поселенцы были не чисты на руку. Заманивали сюда, к рыбе, богатых купцов, бражничали с ними, не зная меры. С похмелья ахали: «Что за напасти! Были гости, да сплыли!» А капиталец мужиков с каждым днем разбухал, как на дрожжах. Но это скорее всего побасенки, не нам их разгадывать. А то, что здешний народ дрался с Колчаком не на жизнь, а на смерть, защищая Советскую власть, — сущая правда. Взгляни в окно. Каков обелиск воздвигнут красным партизанам!

Дмитрий Иванович говорил с увлечением, но в какой-то момент уловил мою скованность, равнодушие, безразличие к беседе.

— Знаю, парень, какие мыслишки бродят в твоей голове. Не заговаривай, мол, мне зубы: мне бы сейчас на фронт. Леший с ней, твоей Балахтой. Не виню. Все мы одним миром мазаны. Сам я мечтал быть летчиком, но списали подчистую из училища.

Помолчал. Перебросил без нужды костяшки счетов из стороны в сторону, изменился в лице. Слова стали жесткие, хлесткие:

— Оправдание ищешь? Сельского хозяйства не знаю! А меня спрашивали, когда ставили на высокий пост? Тоже отмахивался. Чего только не плел. И молод, и партийной работы не нюхал. Сказали: партийный билет носишь с

тридцатого года? Пора усвоить, что у большевиков есть слово: надо! Утвердили в новой должности.

Вызвал тебя для знакомства. В Балахте ребяташки засмеют, если жеребца от кобылы не отличишь, рожь с пшеницей перепутаешь. Уроки уроками, а все же, куда ни кинь, здесь везде наш, особый фронт. Хлеб, мясо, овчину, шерсть и прочее, прочее для Красной Армии кровью добывать придется. Это говорю не для красного словца, поживешь — увидишь.

На прощание Тепленичев сказал:

— Толочь воду в ступе не умею. Вижу, что мои слова в данный момент отскакивают от тебя, как от стены горох. Шагай в школу. И думай, думай!

Уходил из кабинета первого с досадой на себя. Впервые большой партийный работник говорил со мной просто, открыто, как с равным, а я ни бе ни ме. Тепленичев коренной сибиряк. Вырос на Катунь, есть такая река на Алтае. Потом перебросили в Канск, секретарем горкома по кадрам. В Балахте недавно. Присматривается к людям, ищет хороших помощников. Человек он видный, такого не забудешь даже после первой встречи: волосы, как смола, откинута без пробора на затылок, большой лоб, широкий, волевой подбородок. По годам должен быть мужиком в самом соку, а из армии комиссовали. Значит, что-то точит его изнутри. На лице нет румянца, потускнел, будто после желтухи.

Одет, как все руководящие партийцы: синяя гимнастерка, нашивные карманы, широкий ремень с бляхой.

Хлебнул, видно, за свой короткий век всякого.

Чем покорила первый, не знаю, но пришлось он мне по душе.

Через месяц сосватал меня Тепленичев в партийный кабинет, заместителем заведующего отделом пропаганды.

Сажу под райкомовской крышей, а сомнения гложут и гложут. Лекции не пугают. Прошли хорошую практику в школах, выступали перед студентами младших курсов, принаравливались к аудитории, пытались говорить «красиво». Привезли с женой по чемодану, набитому конспектами, цитатами на все случаи жизни. Тут, пожалуй, не ударю лицом в грязь. Постараюсь, чтобы любая аудитория ахнула от моих премудростей.

Перед Тепленичевым все же слукавил, что не знаю деревни. Рос среди голи перекастной, видел и зажиточных людей. И те и другие судят о приезжем человеке не по словам, по его делам. На мякине их не проведешь. При-

метят все: как натянешь хомут, как заведешь коня в оглобли, как приладишь дугу, как затянешь супонь.

Приучил меня, мальчишку, к крестьянскому труду дядя Саша. Находились у него для сироты ласковые слова, была и мужская строгость. Нежно, уважительно относился он к любой животине. По тем стопам шел и я. Лошаденка, завидев меня, приветливо качала головой, шла без понукания из конюшни, заходила в оглобли с левой стороны.

Для пахоты не хватало еще силенок, а бороновать бороновал. Плетки в дядином доме не водилось. Кобыла прислушивалась к каждому моему слову, водила ушами, шагала ровно, чтобы я, сидящий на хребтине, не упал на пашню.

Было это среди своих людей, на своем поле, когда труд воспринимался как детская забава, приносил только радость.

Здесь же совсем другое. Поговаривают, что поближе к весне все работники райкома, все руководящие работники райцентра выезжают в колхозы и отвечают головой за выполнение заданий.

Для партийного и советского актива сделал доклад: «XXIV годовщина Красной Армии». Слушали внимательно, многие вели записи. Выходит, что хоть чем-то, а помог людям.

С докладом «О Международном женском дне» выступил в деревне Живоначиха.

Солдатки, девчата плакали. Утирая слезы кончиками платков, признавались: «Жили, нужды не знали, с песней в поле, с песней домой. Навязался на нашу голову Гитлер. Ни дна ему, ни покрывки!» «Сталину верю. Сказал, что победа будет за нами. Так и будет! Выстоим! Все разрушенное отстроим. Переживем еще не одну пятилетку!»

У меня горло пересохло от этих слов.

На другой день выступал в деревне Трясучая, в правлении колхоза «Вторая пятилетка».

Женщины разошлись судачить о слышанном по домам, а старики сидели допоздна. От густого дыма, от сигарок из самосада, которые не затухали, першит в горле, задыхается керосиновая лампа. Желтыми от махорки пальцами старики водят по карте, ищут Юхнов, Дорогобуж, Новгород. Рассказам нет конца.

«Моего уже два раза чинили. Опять пошел в бой. А в каком месте? По полевой почте шиш узнаешь».

«А мой пишет: «Приезжал к нам в госпиталь рабочий

класс города Иваново. Привезли подарки. Каждому чекушку водки, шмот сала, кисет с моршанской махоркой». Прошибло то письмо до слез».

«А мой, уходя, сказывал: «Вернусь героем!» Отписал: «Комиссар перед строем благодарность объявил». Выходит — герой!»

Состоялось собрание районного партийного актива. С докладом выступал Тепленичев. Похвалил меня как лектора. Похвалил и тут же дал по шапке за плохую наглядную агитацию.

Ораторы один занозистее другого говорили, например: «Есть у нас в районе Дом культуры? Есть! А как туда попасть, если ручка у входной двери оторвана с мясом?»

Тепленичев после собрания, хлопая по плечу, подтрунивал:

— Попало? Выходит, что и дверная ручка в культурном очаге — большая политика. Разворачивайся, отвечай делом на критику!

Критика, что скипидар, заставила шевелить мозгами, действовать.

Позвонил в крайком. Не поскупились, подослали лозунги, цитаты из выступлений и приказов Сталина, отпечатанные красной краской. От тех плакатов вроде бы помолодели дома в Балахте.

В центре города соорудили большой щит с картой европейской части СССР. Реют флажки от Баренцева до Азовского моря, обозначают линию фронтов: Северного, Карельского, Ленинградского, Северо-Западного, Западного, Брянского, Юго-Западного, Южного. С утра до вечера у этой карты толпы народа. Толкуют о боях под Ленинградом, Старой Руссой, Вязьмой, Тулой, Калугой. Флажки теперь передвигаются на запад. Они далеко от Москвы. «Дай бог, чтобы так шло и дальше!» — крестятся старухи. Карта эта стала для них иконой.

Уговорил жену пойти в Дом культуры, организовать художественную самодеятельность. Пошло дело. Состоялась премьера спектакля «Русские люди». Холодно в зрительном зале, но народ идет на представления валом. Слыхано ли дело — в Балахте есть свои артисты!

Плакаты разослали по колхозам, там они тоже подняли настроение людей.

Сужу об этом по деревне Живоначихе, где побывал еще раз. Есть в Живоначихе школа-четырёхлетка. Учительница

молодая, но, видать, из ранних: ребяташки за ней табуном. Парни орудуют мелом и известью. На самых видных местах вывели аршинными буквами на стенах ферм и амбаров: «Смерть немецким оккупантам!»

Школьники выращивают трех жеребят для Красной Армии.

Заглянул к учительнице. На столе и скамейках собрания сочинений Пушкина, Тургенева Толстого, сборники Маяковского.

Хозяйка не могла не заметить, что я ошеломлен. Глухомань — и такое богатство! Сказала очень просто:

— И с этого начинается познание Родины, вечная любовь к ней!

Заведующий райфо зачастил в исполком, райком партии. Пришла пора сбора военного налога. Составлена разнорядка, определено, сколько должен внести каждый двор. Цифра немалая.

Меня уполномочили выполнять разнорядку в Ключинском сельсовете. Думал, будет большая канитель, куча неприятностей. Людей не пришлось агитировать. Задание сельсовет выполнил в один день. Я привез в Балахту под сургучной печатью мешок денег.

Жена рассказала, что слышала по радио Указ о мобилизации на военные заводы населения городов. «Тебя, Ваня,— намекнула она,— еще на рабфаке признали негодным к несению строевой службы, по зрению не прошел в летное училище, не взяли в Москве в народное ополчение. Не мешало бы нам податься на военный завод. Будем делать танки, самолеты, снаряды, патроны. Совесть будет чиста: помогаем фронту!

В Балахте у нас не жизнь, а одна надсада. Ни тепла, ни света, керосином не разживешься ни за какие деньги. Воду ношу на коромысле с реки Балахтинки. В доме ни ведра, ни котелка, все к соседям, все к соседям, готова сквозь землю провалиться. По карточкам когда хлеб, когда мука, а когда и вовсе ничего. Ходила на базар, ведро картошки сто рублей. Это не по нашему карману».

Давно примечал, что глаза у Насти на мокром месте. У меня у самого на душе кошки скребут. Разве о такой семейной жизни мы мечтали?

Пошел к Тепленичеву, он как обрезал:

— Мобилизация, говоришь? Правильно! Слышал ты звон, да не знаешь, где он. Мобилизация проводится по месту жительства. В Балахте, как известно, военных предприятий нет. У нас одна задача: борьба за хлеб, борьба за победу!

Трудности? Они есть. Куда от них денешься. Все рвется, все ползет, заплат и тех нет. Вижу, что и ты, райкомовский работник, ходишь в ботиночках, которые есть просят. По-нашему, по-сибирскому, все равно что босиком. Знаю, что и жене твоей платье, туфли и прочее нужно, ведь в класс, к детям ходит. Все это поправимо.

Еще давно сказано, что по одежке встречают, а по уму провожают. Эта присказка очень даже подходит к нынешним временам.

Нытиков, маловеров не терплю, их на фронте к стенке ставят. Думал, что ты с головой ушел в дело, оказывается, все еще на двух стульях сидишь. За такое по головке не поглажу. С дурацкими просьбами ко мне больше не заявляйся. Работай как положено. Не мешай работать и мне. Все!

Отбрил Тепленичев, а обиды на него не было. Он и сам ходит не в генеральской форме. Даже в кабинете не снимает поношенную шубу, прикрывая длинными полами прохудишееся галифе. Говорят, что недавно умерла у него жена, на руках сын трех лет. У человека, скорее всего, сердце кровью обливается, а виду не показывает. Весь в деле.

Отбрил Тепленичев, а не забыл позвонить в райпромкомбинат. Вскоре у меня появились добротные сапоги, а у Насти туфли, отрез на платье...

...Тепленичев проводил инструктивное совещание, перед началом его предупредил:

— На память не полагайтесь. Записывайте пункт за пунктом. Придет время — за каждое поручение ответите на бюро.

Писал я убористо на обложке ученической тетради по таблице умножения.

Сев. Запретить мелкую вспашку. Тракторным плугом пахать на глубину 18 см. Лошадьми — от 14 до 16.

Корма. Копать ямы и траншеи. Расчет: один метр — полтонны силоса. Стенки ям и траншей обмазывать глиной. После просушки дно и стенки траншей белить известью. Сечку зеленой массы вести острыми лопатами.

Трамбовать быками и коровами. Заготовку силоса и сена закончить к первому августа.

Подготовка к уборке. Обсудить вопрос на правлении, общем собрании. Определить, кто отвечает за ремонт телег, сбруи, жаток, молотилок, граблей, серпов. Организовать сбор мешкотары. Своевременно провести прополку. Не ждать, когда стебли злаков пойдут в трубку. Мобилизовать на это дело школьников и стариков.

Подготовить сушильное хозяйство.

С первых дней уборки всеми средствами вывозить хлеб из глубинки.

Животноводство. Без разрешения райзо и сельсовета не позволять резать скот.

Проверить выполнение плана по всем видам скота. Сколько сдано государству, сколько куплено у населения, сколько пало.

Проверить запись случек. Обеспечить покрытие всех телок, коров, свиней, кобыл.

Проверить, как идут отелы. Сколько всех видов скота имеется на 20 июня. Проводится ли взвешивание скота.

Организовать летнее содержание скота, обеспечить трех-пятикратное поение стада, трех-четырёхкратное доение. Провести контрольные дойки.

Проверить, как осуществляется на практике постановление правительства о дополнительной оплате.

Поощрять разведение цыплят в личных хозяйствах.

И так далее, и так далее.

Я с удивлением спросил соседа:

— Тут дел до поздней осени?

— Считаю, что до снега, — отвечал он. — Уж так заведено, что уполномоченные сидят безвыездно в колхозах, пока район не выполнит плана хлебозаготовок. Ты думал, что так и будешь вестись докладами, наглядной агитацией. Не тут-то было, запрягайся и тяни вместе со всеми воз. В этой инструкции — твоя новая академия, Иван Курнин. Проверить, обеспечить! С этими думками будешь засыпать, с ними просыпаться. Хоть стори со стыда, а спрашивай солдаток о случке, об отелах. Куда она тебя, молодого кобеля, пошлет, еще неизвестно.

В майские праздники выехал в село Ключи, в колхоз имени Горького.

Кругом сопки, по их вершинам бегут облака. На склонах сопки наливаются соком березы, лес одевается в зеле-

ный наряд. Летят журавлиные стаи. Стеклянный крик белоснежных птиц в поднебесье, и гул тракторов на земле.

Выехали в поле ребяташки. Работают степенно, неторопливо. Натягивая уздечку, прищипывая голыми пятками лошадемок, то и дело оглядываются: ровен ли след от борон.

Повариха зовет ребяташек на обед. Но они будто ничего не слышат, хотя под ложечкой сосет. Еще загончик, еще один!

— Стервецы!— ворчит повариха.— Все стынет!

Стервецы подвешивают к мордам своих тружениц мешки с порцией овса, идут к котелкам...

Председатель колхоза Михаил Николаевич Медянкин уже в годах, но за собой следит. Бороду бреет каждый день, черные усы расчесаны на пробор. Зрением, видно, слабоват, ходит в очках со сверкающей на солнце оправой.

Дальние поля и покосы объезжает в коляске. Тарантас на рессорах, с откидной парусиновой крышей, кобыла молодая, упитанная. Упряжкой Медянкин тяготеется, смущается, не время разъезжать ныне в расписных колясках. Но что поделаешь, если на ноги стал слабоват. Хозяйство огромное, пешком всюду не побываешь, а народу надо помогать, где советом, где одобрить, а где приструнить, особенно лодырей.

Вечером в правлении подводятся итоги, уточняется круг работ на следующий день.

В колхозе три бригады. Медянкин зовет бригадиров по именам, знает цену каждому своему помощнику.

Кеша, один из помощников, списан из армии по ранению. Делает все точно, что предписано. Таня чуть свет уже в поле. Не знает председатель, когда она возвращается домой, когда отдыхает. Люди работают у нее с огоньком, понукать никого не надо. Николай из бывших кулаков. Говорят, что отец его имел большой табун, лошадей на пальцах не считали. Спросит отец вечером: «Все ли на месте?» Николай отвечает: «Оставил в ночное, поляна не пустая. Значит, все целы». Торговался сын до хрипоты. По этой причине кто-то втихаря вышиб ему один глаз. По нынешним временам одноглазому очень даже удобно. Приезжий не спросит, сразу поймет, что увечье связано с пребыванием на фронте. Николай человек себе на уме, не перечит, делает от и до, ни больше ни меньше.

Медянкин хоть и беспартийный, а во всем у него порядок.

Телефонной связи с райцентром нет. Связь поддерживается время от времени через нарочных.

В июне получил я указание перебираться в село Романовку, в колхоз «Вторая пятилетка». Узнал я здесь почему фунт лиха. Думал, грешным делом, что работа везде идет, как у Медянкина. А как же иначе? Война, люди готовы на любые жертвы ради того, чтобы помогать фронту. Люди-то готовы, да только в большом доме нужна еще и голова, волевой, умный вожак.

Идет мелкий теплый дождь. Сеять, сеять, сеять в такое время. Старому и малому на селе это понятно, как дважды два.

Здесь в колхозе лошадей уводят с фермы на свои огороды спозаранку.

Спрашиваю председателя:

— Хозяин здесь есть?

Отвечает:

— Все хозяева. Пойдем по дворам, сам увидишь, да дурацких вопросов мне не задавай. Ты — уполномоченный сверху? Уполномоченный! Вот и отвечай, а я сбоку припека.

В первой же хате хозяйка как кипятком ошпарила:

— Мне с ребятишками, может, прикажете с голоду пухнуть? Шиш! Огород разделаю, а потом видно будет. Мой на фронте, а тут два жеребца в одной упряжке ополчились против баб да ребятишек!..

В одной избе слез с печи старик, взял кошелку с зерном. Бросит веером горсточку семян, а сам падает плашмя на землю. Встанет и опять шагает, оглянется на деревню, неужели ни у кого совесть не заговорила, чтобы встать рядом с ним, немощным, помогать земле рожать хлеб. Соберутся вокруг него мальцы, он им байку:

— В старое время барин однажды собрался жареного гуся есть. Только за лапку принялся, слышит крик: «Пожар!» Вернулся с пепелища, а гуся собака слопала. На земле ныне пожар, не до жареного гуся. Шагайте, ребятки, по домам, кричите про пожар!..

Сев кончили с горем пополам в конце июня, когда наступило пекло. Говорят, что в здешних местах в середине августа жди ночных заморозков. Пшеница не успеет созреть, какой уж тут хлеб!

Приезжал Тепленичев, побывал на полях, сплюнул сердито:

— Упустили время. Теперь хоть локти кусай. Одна надежда: авось кривая вывезет!

Особенно досталось, конечно, председателю Тризневу.

— Молчишь? Я тебя насквозь вижу! Оправдания по всем статьям у тебя есть. «Вторая пятилетка» создана в тридцать восьмом году для переселенцев, раскулаченных. Ни один леший из них не хочет быть головой в хозяйстве. Хрен узнаешь, чем живут, чем дышат люди. Тризнев, мол, десятый председатель. Это верно. Но ты же кандидат в члены ВКП(б). Доверие оказали. Его оправдывать надо делом. Не верю, чтобы все люди в колхозе были на одну колодку. Может, кто-то в душе и не прочь сунуть палки в колеса. Так ведь это кто-то, а не все! Не играй, Тризнев, с огнем. Придет осень — спросим по большому счету.

Мне Тепленичев никаких указаний не давал, смерил жестким взглядом с ног до головы и уехал. Хоть стой, хоть падай.

Живу у сторожа деда Никанора. Дома он почти не бывает. Ночью охраняет трактора, комбайны, склад. Днем подвозит горючее, воду на полевые станы. Летом не до сна, поясняет дед, силу снова буду набирать зимой. Ночи длинные. Залягу на печи, буду сосать лапу, как медведь в берлоге.

Про медвежью лапу он, конечно, слукавил. Старик жаден. Раскошелится иногда прошлогодним соленым огурцом, даст кипяточку, а ломтя хлеба, картошки ни за какие деньги не продаст. Питайся, уполномоченный, чем бог послал!

Дали большую разрядку на билеты денежно-вещевой лотереи. Одна старуха отбрила с порога:

— Не лотерея, а обман. Ходят, как нищие!

Не сдержался, выпалил:

— Ты, старая, язык не распускай! Может, думаешь, что Гитлер вернет тебе красивую жизнь с батраками и батрачками? Так знай, что Гитлеру скоро будет крышка. Дурь в голове не держи, не мути разум молодым!

Прикусила язык, раскошелилась.

В другой избе куча ребятишек. Спят на полу. Женщина купила билеты, а вслед бросила:

— Господи, сохрани от бомб, снарядов, пуль моего кормильца. Мужик в годах. Не посмотрели, не учли, забрили в армию. А молодые в тылу околачиваются, бродят по домам, как коробейники. Почтище работу не нашли? Да такое дело ребятишки-школьники враз бы провернули. Сгинь с глаз, кобель!

Глотай горькую пилюлю. А ведь баба-то права. За все

сам, сам, об активе надо думать. И школьники иногда могут горы свернуть.

Трава выше пояса. Женщины косят литовками. Отходит роса, а луг вроде и не тронут. Нужны машины, старые поизносились, валяются развалюхи у кузницы. Запчастей нет.

В деревне появился искалеченный танкист, потом летчик без ног и левой руки. Пьют напропалую. Обласкали их ребята, привели к кузнице. Пошла одна косилка, пошла вторая. Все равно — это капля в море. Надо ехать в МТС. Говорят, директором там сын Медянкина из «Максима Горького». Если сын в отца — поможет!

В июле перебросили в колхоз «Карла Маркса». Поля и луга этого хозяйства раскинулись вдоль Чулыма. Народ здесь красивый, рослый, приветливый. Глаза у стариков с лукавинкой. У каждого бородача, хоть надевай мундир с блестящей мишурой и отправляй швейцаром в столичный ресторан.

Люди живут здесь сами не помнят с каких пор. Породнились русские, украинцы, белорусы, обзавелись семьями.

Инструкцию Тепленичева не забыл, подготовка к уборке, контрактация телят. Плюс к этому денежно-вещевая лотерея.

Добрался до «Карла Маркса» пешком, карету уполномоченному не подают. Устал. Приютил сторож. Задремал, но сон как рукой сняло. Девчата ходят из конца в конец деревни, распевают частушки:

Истопи-ка, мама, баню,
Чтобы Гитлер угорел.
Двенадцать месяцев воюем,
Как собака надосл!

Из колодца вода льется,
Вода чистый леденец.
Красна Армия дерется,
Значит, Гитлеру конец!

Билеты реализовал. Только одна женщина наотрез отказалась покупать. Спорить, напирать не стал. Только тяжело вздохнул. Женщина востепенулась: «Не болен ли?» Слово за слово. Узнал, что семью эвакуировали к черту на кулички. В колхозе не обижают. Только стыдно просить кого-то, чтобы отписали мужу на фронт. Помог отписать, сказал, что теперь письма с фронта пойдут, деньги по аттестату будет получать. Подобрела

женщина. И деньги нашлись, купила билетов на пятьдесят рублей.

В августе всех председателей колхозов и уполномоченных вызвали в район. Собрание было очень коротким. Тепленичев напомнил, что настала пора уборки. Это равносильно тому, когда дивизия, полк идут в наступление. Надо все семь раз примерить, а раз, но зато наверняка, отрезать. Поощрять, поощрять отличившихся. Тем, кто проваливает дело, спуска не давать. Сейчас, что на фронте, что в тылу, — одна мерка, мерка военного времени. Не пытайтесь прикрываться объективными причинами. Преодоление всех трудностей — вот первый показатель боевитости и зрелости руководителя.

Мой председатель из «Карла Маркса» Иван Юртаев вылез на трибуну, хотя об этом у нас с ним не было и речи. И пошел, и пошел! Контракция телят у него выполнена, поля в хорошем состоянии... МТС не подведет — будет хлеб! Заверил, что учтет указание товарища Тепленичева насчет мерки военного времени.

Тепленичев поморщился, как от зубной боли, заключил:

— Цыплят по осени считать будем. Все, товарищи, по местам!

Вернулись с председателем в колхоз на рассвете.

У трактористки что-то не заладилось с мотором. Выбились женщина из сил, пытаясь завести машину ручным приводом.

Юртаев тут как тут, набросился коршуном:

— Мерку военного времени знаешь?

— Мерку, говоришь? — рассвирепела трактористка. — Нет ее. А очень она мне нужна. Скинула бы твои порты, определила тебя в стойло для жеребца покрывать яловых кобыл. Мерка? Хоть стой, хоть работай денно и ночью, а какой толк? Сводки в МТС идут на одном уровне, что лодырю, что работаге.

Юртаев почесал затылок, попятился.

Около трактора собрались люди. Бабы наперебой:

— Чеши, чеши, председатель. Шевели мозгами. Пока дела идут у тебя враскорячку. Того и гляди получишь по шапке, а то и больше — от ворот поворот.

Женщины как в воду глядели: все юртаевские успехи оказались дутыми.

Большая промашка вышла в животноводстве. Один теленок с колхозной фермы прибрел в свой двор. Хозяйка расчувствовалась, растаяла, понесла новость по деревне, как сорока на хвосте. Не успели мы с Юртаевым глазом

моргнуть, как все законтрактованные телочки и бычки «разбрелись» по своим хлевам.

Весной на колхозном складе было четыреста мешков, теперь осталось сорок. Завхоз раздал их во временное пользование сельчанам. Пошли с Юртаевым по дворам: были мешки, да сплыли. Пошла дерюга на рубахи и штаны для ребят.

Чем дальше в лес, тем больше дров.

Весы на току не работают. Нет спичек. Трактора стоят. Огонь добывает каждый на свой манер: кто высекает искру кремнем, кто бьет железяку о железяку, кто несет, сломя голову, тлеющую головешку.

Юртаев растерянно разводит руками, сбивчиво говорит:

— Ночью кто-то не то ненароком, не то со зла опрокинул бочки с горючим. Вырезал не меньше метра привода у молотилки. Взял на подметки, а может, для того, чтобы дала проклятушая молотилка вздремнуть, отоспаться.

Юртаев, Юртаев! Мастер ты рапортовать. И я, уполномоченный, хлопаю ушами. Как теперь появиться на глаза Тепленичеву? Тут наверняка предательством попахивает. Хочешь не хочешь, а посылай с запиской нарочного в район.

Объективных причин, сказал Тепленичев на инструктаже, не может быть.

Занялся я учетом, а там сам черт ногу ломает. Добился, чтобы трудодни шли по выработке. Стало ясно, кто достоин почета и уважения. Собрали митинг, на котором при всем честном народе вручили премии ребятишкам, работающим на конных жнейках, и трактористке. Невелика награда, всего по десять рублей на человека, а окрылила людей.

Мелькают жнейки, плывет без остановок по полю комбайн. Только успевай разгружать бункер.

Не усидели дома и старухи: жнут серпами, растут суслоны. Работают люди в поте лица, а сердце хочет знать, что творится на белом свете.

— Парень, — спрашивают меня, — ходят слухи, что наши Ростов оставили.

— Не слух это, к сожалению, а правда. Фашисты рвутся на Кавказ, к нефти.

— А Сталин в Москве, на посту?

— На посту, и днем и ночью.

Весть о Ростове горькая. Женщины, глотая слезы,

работают с остервенением, вчера они убрали пятнадцать соток, а сегодня гектар.

Пришла на поле инвалидка с одной рукой. Собирает в подол колосья, туго набила ими несколько мешков, потребовала, чтобы ее колосья запустили в молотилку. Оказалось, что набрала инвалидка за неделю тридцать пудов. Приноровилась собирать не только в поле, но и на дороге.

Рассказали об этом в «молнии».

Взяла завидка и других старух. Инвалидка кричит своей подружке:

— Тебя же конь изуродовал, истолок. Все уши прожужжала, что все костье болит. Куда тебя принесло?

— На кудыкину гору. Глаза пока видят, колос разгляжу. Не хуже твоего поработаю. А костье при мне. Пусть болит!

В Балахту отозвали только в октябре.

Тепленичев не журил. Осмотрел с ног до головы, усмехнулся:

— Поистощал, просквозился на степных ветрах, будешь знать теперь фунт лиха. Я ведь тебя, черта, посылал в хозяйства, где дела шли без руля и без ветрил. Знаешь небось, как ребятишек плавать учат? С откоса в омут — и плыви. Какой из тебя партийный работник, если, как говорится, на зуб не попробуешь болтуна, красная, перестраховщика — руководителя...

Медянкин — беспартийный большевик. Я его и попросил, чтобы он тебя, молодого коммуниста, взял под свою опеку, преподавал, как идет работа без показухи, без шума и треска. Медянкина на мякине не проведешь, он линию партии знает, не живет одним днем, видит человека насквозь и даже глубже, думает и о государстве и о труженике.

Есть теперь у тебя время для раздумий, сам оценишь, с кем шел в упряжке.

Тепленичев прав на все сто: разных, не похожих друг на друга людей повстречал я за первый год войны.

Как-то после сева нагрязнул Тепленичев к Медянкину:

— Район присудил вам Красное переходящее знамя, а торжества я что-то не вижу.

— А какое может быть торжество? — рассуждал Медянкин. — Сев — это все равно что разведка боем, когда прощупывают силы врага. Еще неизвестно, будет ли после

той разведки успешная атака, сломают ли шею противнику, добудут ли богатые трофеи. Голову надо держать высоко тогда, когда хлебушко будет в руках у государства и колхозника. Стыдно быть героем на севе, а на финише бац лицом в грязь. Снимем урожай, будем победителями. Красное знамя — святыня. Грешить с ним никак нельзя.

Не возражал Тепленичев, только хмыкнул в ответ...

Бывает, что не так уж густо в колхозной кассе, на правлении заходит речь о помощи семьям фронтовиков. «Не будем в данном случае крохоборами» — это любимое слово председателя. Ни у одного правленца не поднимается язык сказать что-либо поперек.

Не раз я у него в колхозе видел такое, от чего накатывался тяжелый ком в горле, волосы становились дыбом.

Ехали однажды в «тачанке» Медянкина. В поле, где убирали хлеб серпами, появилась косилка. Управляет машиной солдат, а вожжи в руках у паренька, шагающего рядом с кобылой.

— Покалечит бывший вояка малыша, — встревожился я.

— Не покалечит. Мальчонка работает за поводыря, отец его вернул с фронта слепым...

Женщины до конца уборки не уходили с поля. На заре, бывало, выстраются в ряд, прикроют ладонями глаза, осмотрят дали.

— Руки, бабы, почему-то чешутся!

— К деньгам!

— Нет. Сраженья душа просит. Попались бы под руку немцы, саданули бы литовками по шее, чтобы головы в кусты!..

МТС набирала колхозных парней и девчат на курсы трактористов.

Девчушка одна наотрез отказалась, ссылаясь на то, что мала, мол, грамотность.

— Мала грамотность? — переспрашивает ухажер. — Скажешь тоже! У тебя четыре класса, а у меня три по причине войны. Выходит, ты грамотная, а я, по сравнению с тобой, выходит, околограмотный. Поедем. Будем трактористами, а потом танкистами!

— Коль сознался, что околограмотный, — поедем. Буду тянуть тебя за уши. А не дашь обратный ход?

— Не дам. Вот те крест!..

Из партийного кабинета меня выселили, там теперь и штаб и склад. Идет сбор подарков фронтовикам, везут из

колхозов овчины, шерстяные носки, рукавицы, валенки.

Добро сортируется в райкоме. В каждую посылочку вкладывается письмо воину, сочиненное ребятами на уроках русского языка. Из школ города в райком командировали отличников по чистописанию. Детишки выводят на посылках химическим карандашом номера полевых почт.

Не забывай, солдат, щедрости балахтинцев. Она не от избытка и сытости, от сердца, от души!

Победа под Сталинградом! Народ повеселел, живет надеждами, что сорок третий год будет годом полного разгрома Гитлера.

В районе идет сбор средств на танковую колонну «Красноярский колхозник».

Я снова в колхозе «Карла Маркса». Приходят люди с узелочками, выкладывают сбережения, старательно расписываются в ведомостях.

В конце дня подбиваются итоги в сельсовете, собрано даже больше, чем предполагали. Зашел старик, снял у порога шапку, проворчал:

— А меня, бобыля, обошли. Не стыдно обижать на старости лет? Ровно я не русский.

Выложил на стол шестьдесят рублей, тридцатки тепленькие. Берег, наверное, дед на черный день, носил при себе.

Занесли его фамилию, имя и отчество в ведомость. Расписался, разгладил бороду, забыл про обиду, сказал с гордостью:

— Может, мои болты или гайки в тех танках будут самые крепкие!

В колхозе «Страна Советов» на общем собрании решили собрать деньги на танк и назвать его по имени колхоза.

Мальчишки кричат «ура», а бабы добавляют:

— Пусть бьет без промаха фашистов танк «Страна Советов», пусть мстит за наших братушек, сложивших голову!

Все живут делами фронта.

В деревне Марьясово есть заезжий дом, там у тети Дуси всегда дымится самовар. Дед Пахом, не слезая с печи, спрашивает каждого заезжего:

— Был там?

— Был. Не видишь разве, что у меня вместо руки пустой рукав.

— Де-ла!

— Был там?

— Был. Контузило. Когда бомбят, вся земля в воздухе.

— Де-ла!

— Был там?

— Был. В награду на побывку отпустили. Наступаем, бьем фашистов и в хвост и в гриву.

— Вот это де-ла! Спасибо за добрую весть! Отогрел душу.

Деду Пахому, считай, все сто лет.

Минувший год принес и большие огорчения. Много несокошенного хлеба ушло под снег.

Мне казалось, что Тепленичев привлекает людей своей искренностью, умением поддержать человека, чтобы тот поверил в свои силы. Теперь же я увидел, что Первый бывает неистов, тверд, даже беспощаден к болтунам и негодяям.

В зерносовхозе «Балахтинский» ушло под снег пятьдесят гектаров пшеницы. Специальная комиссия проверяла на месте организацию дела в совхозе, где пытались объяснить огромные потери ранней зимой, непогодой, нехваткой техники. Тепленичев сам объездил все поля, разговаривал с людьми.

На заседании Бюро райкома Первый разложил все по полочкам! Налицо вопиющая безответственность и бесхозяйственность. Директор Колесник и начальник политотдела Брюханов сникли, припертые к стенке неопровержимыми фактами. Приговор был вынесен суровый: исключить из партии.

Не сразу распознал Тепленичев и своих непосредственных помощников.

Секретарем по кадрам работал местный человек. Тепленичев полагался на него во всем, в большом и малом. Энергичен, ночами сидит над «Кратким курсом истории ВКП(б)», постигает исторический и диалектический материализм. Частенько, правда, прихварывает, но с кем это не бывает, тем более в военное время, когда люди недоедают, спят урывками.

Болезнь, однако, скручивала секретаря в самые горячие денечки, когда руководящий работник, как комиссар на фронте, должен быть на переднем крае, вести людей в бой.

После больницы секретарь по кадрам расцветает, как маков цвет, и все обновки, обновки, как будто на него

манна с неба сыплется: то китель, то хромовые сапоги, то соболевая шапка.

Как белка в колесе крутился кадровик вокруг крайкомовских уполномоченных. Опять как будто ничего зазорного нет: долг вежливости, гостеприимство. Не скупился кадровик и на щедроты; придет человек сверху в пальтишке, в сапожках, которые каши просят, а уезжает в шубе, валенках.

Тепленичев как-то спросил его:

— Живешь ты, Александр Николаевич, как удельный князь.

— Что вы имеете в виду, Дмитрий Иванович? Мой опрятный вид? Так мы руководящий состав. Не нынче сказано: «По одежке встречают!»

— Вот, вот. Только не договариваешь: встречают-то по одежке, а провожают по уму. Ты же в своем парадном виде в колхозах и совхозах не бываешь, о делах судишь по бумажкам.

Тепленичев камня за пазухой не носил, сказал, что думал о своем кадровике, на активе.

После того актива пошли сигналы, больше анонимные. Хочешь не хочешь — проверяй.

У всех райкомовцев, в том числе и у Тепленичева, дома шаром покати, а у кадровика навалом мыла, круп, огромные ящики спичек. В больнице, оказывается, сооружена персональная палата, где больной встречается с женой, стол на особицу: манная каша, густо сдобренная сливочным маслом, свежий хлеб, черный и белый, без нормы, сахар. И все это за счет детского дома, за счет мальчишек и девчонок из Ленинграда.

В сарае кадровика коровы, овцы, свиньи. Жена торгует на рынке, дерет втридорога, не брезгует и ценными вещами эвакуированных.

Рассвирепел Тепленичев. Бюро его поддержало единогласно: исключили кадровика из партии.

Есть, есть и обыватели, и подхалимы. Тешат себя тем, что война полыхает далеко, обойдет их стороной. Таких не тронь.

Но разгуляться этой нечести не дает Тепленичев. Он сплачивает вокруг себя честных, бескорыстных. Правда наша, большевистская, возьмет вверх!

Голова у него пухнет от забот. На народе Тепленичев человек как человек. На заседании бюро, чтобы снять усталость с людей, запустит байку, да не выдуманную, а списанную острым глазом с натуры. Поистощал, мол, на-

род, но не унывает. Бабы меряют друг у друга животы лопатой. «Марья! Твоя пуза поболее мово, как у коровы, лопатой не прикроешь. На тебе еще пахать и пахать!»

А то вдруг напоет подслушанную свежую частушку:

И во сне и наяву все одно и одно:
Милый мой и милый мой!
Прогоняй скорее немца,
Приходи скорей домой!

Улыбнутся члены бюро. И снова за дела, совсем невеселые.

Балахта меня теперь не тяготит... Мечтал и теперь мечтаю, чтобы встать на ноги, взять к себе маму.

Застряла она где-то в саратовской деревне, у незнакомых людей. В Сибирь ее калачом не заманить.

Отца забрили в армию в двенадцатом году, в четырнадцатом году мать стала вдовой. Крестилась, причитала перед портретом, сделанным с малюсенькой карточки заезжим фотографом. Запомнились мне пронзающие сердце глаза, усы, подкрученные кверху, скорее всего подкрашенные ретушером тушью для бравого вида.

Мать батрачила. Долго ее на одном месте почему-то не держали. Виной, видно, был я, малец. Одинокую бабу еще можно было бы кормить, а тут еще довесок. Сует нос, куда не надо. Получал подзатыльники, синяки, но матери после работы не жаловался. Только бы уткнуться в грудь, согреться возле родного человечка, сопеть до утра, видеть во снах свой угол, хозяйство, как у людей.

Мать приголубит, помечтает: «Вырастешь, сынок, узнаешь грамоту. Отпишем тогда про нашу горемычную жизнь».

Давал зарок: «Опишу. Все опишу, мама!»

Зарок этот не дает покоя и поныне. Еще в рабфаке задумал писать роман «Николай Колоколов». Ничего не надо высасывать из пальца. Военный коммунизм, коллективизация, рабфак, вуз, Москва! Она была для меня сначала мачехой, а потом родной матерью. Остались зарубки в памяти: Останкино, Малаховка, Измайлово, Сокольники. Первая получка. Первая любовь. Первая и на всю жизнь. Партийный билет. Доверие товарищей. Путевка в большую жизнь.

Есть черновики очерков и рассказов. То витаешь в облаках со своими литературными замыслами, то падаешь на грешную землю, ходишь, как мокрая курица.

Послал свой очерк «В бомбоубежище» Анне Караваевой.

Бывал я на выступлениях писательницы. Говорила она о том, как рождаются ее очерки, рассказы. Вот и пытаюсь, как Караваева, копить капельку за капелькой. Видеть большое в малом.

Вместо Караваевой ответил референт. Ответ вежливый, обтекаемый. Советуем обратить внимание на стиль. Такой совет что резина. Ее хоть тяни, хоть комкай, а резина и останется резиной.

Читаю и перечитываю «Капитанскую дочку», «Записки охотника». Какая простота, какая глубина мыслей! Такие вершины не по мне!

Пусть уж остается эта тетрадь. О днях, которые мы провели с женошкой в Балахте, может, когда-нибудь прочтут наши дети. Пусть они узнают, что трудились мы в меру своих сил. И все же нас ежечасно и ежеминутно жгло и не давало покоя чувство вины перед теми, кто решал судьбы Родины на полях сражений».

Вернул тетрадь Чекину, сказал:

— Хорошо! Будто на другом краю света побывал. Разбредило душу. Так бы и слетал домой, повидать маму, жену, сына, сестер, братьев. Как там? По письмам все хорошо и гладко. А ведь небось спят и видят крошку хлеба.

— Это эмоции,— остановил Игорь.— А что прикажешь автору отвечать? Он ведь себе на уме, не зря язвит насчет референта и резины.

— Напиши, Игорь, что думаешь, только честно, как ты поступаешь всегда. Пусть продолжает свою тетрадь, не ломает голову над стилем, не спешит к литературной славе. Придет время, когда прочтут «Балахтинскую тетрадь» не только дети Ивана Курнина. Прочтут тысячи людей. Прочтут и скажут спасибо. Спасибо за военный хлеб, который, как правильно говорил секретарь райкома Тепленичев, добывался со слезами и с кровью, без которого невозможна наша Победа!..

Редакция квартировала в Туле, потом в Калуге. О событиях на фронте судили по флажкам на карте в кабинете редактора. Совсем близко Орел, Курск, Белгород. Наши войска здесь выдвинулись далеко на Запад. Выстоят ли?

Кому-кому, а нам-то хорошо известно, что затишье на передовой и безоблачное небо иногда приносят беду.

Прогремели, наконец, июльские и августовские грозы,

они принесли радость. Сорвались потуги немцев создать котел под Курском. Теперь скорее всего мы закупорим немцев в двух солидных мешках под Орлом и Белгородом. Курская дуга оказалась туго натянутой тетивой, которая вдруг выпрямилась с огромной силой. Фашисты получили по зубам на севере и юге Центрального фронта.

Пришел праздник и на нашу улицу! 11-я армия вместе с другими резервными частями была брошена на орловский плацдарм. Туда мы двинулись из-под Тулы и Калуги походным маршем.

В лесах — спелая малина. Тянет медом от трав, ждущих косарей. Трогается белым и лиловым цветом картофельная ботва. На полях пересохшие стебли, осыпаются колосья.

Потом нестерпимая жара сменилась хмарью и проливными дождями. Дороги развезло, в глиняном месиве буксовали машины, тяжелыми, почти каменными стали сапоги. Но мы знали — нельзя терять ни минуты. Ведь речь идет о том, чтобы расколоть фашистские части под Орлом, выбить из рук врага, как они называли сами, «кинжал», направленный в сердце России.

Чтобы лишить врага какого-либо маневра, перешли в наступление Калининский, Западный, Брянский фронты. Задача нашего, Брянского фронта — овладеть переправами через Десну, форсировать реку западнее и южнее Брянска, овладеть городом, развивать наступление на Гомель.

По карте до Брянска рукой подать. Но впереди не ровное поле, а леса и болота, реки с зыбкими поймами. Десна с высокими западными берегами.

Яснее ясного, что за Брянск немцы будут цепляться, насколько хватит сил. Для них потерять Брянск — значит лишиться важного узла железных и шоссейных дорог, по которым идет подкрепление, совершается переброска войск с одного участка на другой.

Части 11-й армии с марша развернулись в боевые порядки. Пехоту плотным огнем поддерживает артиллерия. Как только проясняется горизонт, эшелон за эшелоном идут на запад наши бомбардировщики, сопровождаемые «ястребками».

Освобождены Холмицы, Медынцево, Шигры, Ловать, сотни других поселков и деревень. Они запомнятся на всю жизнь. Запомнятся черные пепелища, в кучах золы скелеты печных труб, обгоревшие кровати, самовары, чугунки. Но проходит день, другой — и отвоеванная

земля воскресает. Из лесов, из далеких глухих деревушек собираются к родным очагам старики, старухи, женщины, стаи ребятишек. Старый и малый принимаются за работу: шестами разгребают пепелища, отыскивая в золе домашнюю обгоревшую утварь, все, что можно еще пустить в дело, аккуратно, бережливо собирают урожай, молотят снопы.

Мальчишки и девчонки толпятся у землянок, вырытых на огородах, ждут не дождутся еды. Матери хлопчут у таганков и наскоро сооруженных плит прямо под открытым небом. В чугунках и ведрах варится мелкая, еще не созревшая, только что подкопанная картошка.

Картофельные дробинки вывалены наконец на землю. Ребята перебрасывают их из ладошки в ладошку, потом жадно проглатывают, обжигаясь.

Дети выстраиваются вдоль бывшей центральной улицы, цепляются за борта проходящих военных машин, хохочут от солдатских шуток.

Верилось: зарубцуются раны, расправит плечи наш народ, так как теперь у советских людей снова есть главное — свобода!

Мы открыто смотрим каждому встречному в глаза, в которых без слов сказано много, а главное то, что простили нас соотечественники за отступление сорок первого года, благодарят за вызволение из фашистского ада. От этого у наших бойцов будто вырастают крылья.

Хотелось говорить стихами. А газете по-прежнему нужны были статьи, заметки об опыте, накопленном в наступлении.

Перед нами — Карачев, город, расположенный на полпути от Орла к Брянску. Эти города соединены прямым, как стрела, асфальтированным шоссе. Местность открытая, немцы в выгодном положении.

В схватках за Карачев было много выдумки, разыгрывались такие комбинации, которые трудно было предвидеть даже в полковых и батальонных штабах. Но разгадать маневр, чтобы о нем написать, не так-то просто. В пылу боя не возьмешь «интервью». Это тебе не оборона, когда можно днями беседовать с ребятами, допытываться до главного часами. Теперь приходилось пристальнее наблюдать, самому соображать, что к чему.

В тех боях все было новым, неповторимым. И то, что артиллеристы без подсказки, без специальных указаний приходили в критическую минуту на помощь пехоте, и то, что стрелки давали мудрые советы танкистам, и то, что

наши пикировщики появлялись именно тогда, когда ощутимую помощь стрелкам могла оказать только авиация и ничто другое.

Вот я на батарее тяжелых орудий. Артиллеристы хорошо обработали немецкие позиции, стрелки ворвались в село на ближних подступах к Карачеву. Там идет рукопашный бой. Свое дело пушки сделали, батарея получила похвалу от своего командования. Можно ждать очередных указаний. Но командир батареи Разумовский не отходит от стереотрубы. Он разрешает и мне обозреть местность. За селом — открытое поле, вдаль — опушка леса. Офицер дает указание своим разведчикам выдвинуться вперед. Поползли солдаты с биноклями, за ними — связисты с катушками телефонных проводов. Вскоре разведчики доложили по телефону: «Готовы вести корректировку».

Выстрел. Корректировщик сообщил, что снаряд лег правее сарая, расположенного недалеко от опушки леса. Снова выстрел. «Перебрали влево», — сообщает корректировщик. Цель поразили после третьего выстрела. И новая команда: «Засечь цель! Передать координаты на все орудия».

«Что задумал Разумовский?» — пытался сообразить я.

Разгадка пришла не сразу. Оказывается, командир батареи «шел» впереди пехоты. Он готовил батарею к ведению огня по опушке леса, откуда немцы скорее всего могут контратаковать наших.

— Можно мне к разведчикам? — обратился я к командиру батареи.

Оглядев меня с ног до головы, разрешил, выделив связного.

Корректировщики пристроились на пригорке в густом кустарнике правее села. Там уже смолкли автоматные очереди. Цепь появилась в открытом поле, направляясь к опушке леса. Слышен топот. И вдруг опушка леса ошетичилась, вспыхнули, затарахтели вражеские пулеметы, ухнули немецкие пушки, выкаченные на прямую наводку. Из зарослей выползли «тигры».

Наблюдатель доложил обстановку. В мембране была слышна команда Разумовского: «Беглый огонь из всех орудий!»

Над нашей головой зашуршали тяжелые снаряды. Два немецких танка загорелись, еще два остановились с подбитыми гусеницами. Валились подкошенные деревья, летели в воздух комья земли и бревна от наспех созданных немецких сооружений.

Залегшая под вражеским огнем, наша пехота поднялась. На опушке завязалась рукопашная схватка. Орудия Разумовского перенесли огонь в глубь леса.

Все вроде просто. А для меня мелочи этого боя были военной академией.

Так крупницу за крупницей собирали мы воинскую мудрость, которая через газету должна была становиться предметным уроком того, как малой кровью добывать победу.

И новый бой, теперь уже за Карачев.

Разумовский приказал разведчикам двигаться за пехотой. Батарея не меняет позиций, так как пока есть возможность вести прицельный огонь. Разведчики расположились на насыпи железнодорожного полотна, которое пехота успешно преодолела. Танки, сопровождавшие стрелков, остановились. У машины появился связной, передавший пожелание командира стрелкового батальона: «В лоб, через переезд, идти не советую. Улицы на окраинах Карачева заминированы. В каменных подвалах домов амбразуры, из которых торчат стволы орудий. Хорошо бы танкам прорваться окольным путем и дать огонек по немецким тылам».

Совет вроде бы дельный, но танкисты, находившиеся под прикрытием насыпи, почему-то делают все наоборот. Запущены на всю мощь моторы, как перед атакой. Рев машин докатился до немцев. Раздается приказ: «По машинам!» Не успели задраить люки, как градом полетели вражеские мины. Танки взад-вперед, взад-вперед: полная картина растерянности и паники.

— Чего это они? — спрашиваю я у артиллеристов.

— Немцев дразнят; знают, что мины малого калибра для их брони что слону дробина. Заодно и нам помогают засечь немецкие батареи.

Танкисты и в самом деле, разыграв подготовку к атаке, под шумок незаметно ушли.

Пока шла артиллерийская подготовка, пока подавлялись немецкие пулеметы и пушки, пока расчищали минные поля саперы, танкисты, как снег на голову, появились в тылу немцев и открыли огонь по обозам и машинам врага, создав на шоссе заторы, переполох.

Карачев — наш!

Солдаты борются с пожарами. От горячей золы трескается кожа и кирза на сапогах. Огонь постепенно затухает, то здесь, то там тлеют лишь головешки. Расчищена в первую очередь центральная улица, ведущая в

Брянск. По ней тянутся подкрепления, подсобные службы.

На восток ползет колонна пленных в кителях мышиного цвета. Конвоиры не столько охраняют их, сколько сдерживают женщин, яростно рвущихся к строю. Женщины плюют в лица пленных, пытаются вырвать клочок волос из-под пилотки, выцарапать глаза.

Такой ярости гражданских я еще не видел. В чем дело?

— Так это ж не немцы. Это — изменники, власовцы.

Женщины кричат наперебой:

— Судить предателей по всей строгости советского закона!

Брянск фашисты оставлять не собирались. Наоборот, они стягивали сюда силы. Город, раскинувшийся на холмах, был превращен в крепость. На обрывистых берегах Десны — доты и дзоты. Станции Брянск-1 и Брянск-2 враг разрушил дотла; вырубил леса, прилегающие к железнодорожному полотну. Гитлеровцы сделали все для того, чтобы создать себе хороший обзор местности на многие километры.

В сосновых борах, что раскинулись вдоль шоссе Карачев — Рославль, сосредоточились наши войска. Издали даже невооруженным глазом виден был красавец город, залитый лучами сентябрьского солнца. Наша артиллерия не вела огня по городу, авиация не наносила бомбовых ударов по его улицам и площадям: хотели сохранить Брянск.

А фашисты методически производили взрыв за взрывом. Каждый день то в одном, то в другом районе города вспыхивали пожары, высоко в небо поднимались клубы черного дыма, оседали, словно проваливались сквозь землю, лучшие здания, памятники. На глазах менялся силуэт города.

Каждый новый взрыв — саднящая, незаживающая рана. Солдаты не находили себе места: скорее бы уж штурм!

Петя Белый, как всегда, торчал в оперативной группе штаба 11-й армии.

— Штурм, говоришь, — повторил он загадочно. — Не выйдет! Вы же закаленные воины. Пора уже научиться управлять своими чувствами. Нельзя нынче принимать поспешных решений. Разум нужен!

— Знаем, Петя, что у тебя ума — палата. Ты бы лучше не философствовал, а просветил.

— Зачем просвещать? Читайте в ближайших номерах мои корреспонденции. Получились они что надо! Написал их с разрешения командующего армией.

В корреспонденциях Петра Белого, напечатанных под рубрикой «Вчера на нашем участке фронта», рассказывалось о смелых обходных маневрах наших частей.

Немцы с особым упорством обороняли железную дорогу и шоссе Брянск — Карачев. Идти здесь на врага в лоб — безрассудство. Полковник Украинец, командир 323-й стрелковой дивизии, действующей на этом участке, принял другое решение. На передовой перед Брянском оставил небольшие заслоны, которым приказал проявлять побольше активности, чаще открывать огонь по вражеским позициям, делать вид, что пехота готовится к переправе. Главные же силы дивизии двинулись лесными дорогами к поселку Фокино и к станции Брянск-2. Немцы не ожидали здесь атаки. Наша пехота опрокинула противника и вышла на берег Десны.

197-я стрелковая дивизия полковника Абашева в это же время овладела поселками имени Толстого, Володарского, Урицкого и станцией Брянск-1.

Враг насторожился. Он со дня на день ждал нашего броска через Десну.

Газеты с этими сообщениями шли нарасхват. Петя Белый сиял, но в глазах его почему-то бегали чертики.

— Опять скрываешь что-то, Петя? — спросил я.

— Угадал.

— Расскажи, не таи.

— Не скажу. Пока секрет.

Внимание противника было приковано к Десне. Он не мог не видеть, как на нашем берегу готовились самые различные средства переправы: и бревна, и плоты, и лодки. Он не мог не видеть, как выкатывались на прямую наводку пушки. Мне пришлось быть очевидцем одной дерзкой операции наших разведчиков.

...Солнце склоняется к горизонту. Багровые отблески заката сползают с каменных зданий на том, вражеском, берегу. И как-то сразу, по-осеннему быстро, надвигается темень.

— Пора! — говорит майор Кожевников.

Небольшая группа солдат во главе с младшим лейтенантом Лихорадом выходит на берег, выстраивается в цепочку. Первым вступает в холодную воду офицер. За ним через равные промежутки шагают бойцы. Вода по колени, по пояс, по грудь. Лихорад, как птица в полете, раскинул руки. А глубина не уменьшается. Приходит сомнение: правильно ли выбрано место для брода? А вдруг придется плыть? Поднимется плеск — тогда пиши пропало: с вражеского берега не пожалеют свинца.

Но вот по цепочке прошел вздох облегчения. Младший лейтенант, словно чудо-богатырь, стал вырастать из воды. Группа бесшумно вышла на берег. Солдаты укрылись кто за валунами, кто за бревнами причала, кто за грудками кирпича. Дальше все пошло по разработанному в штабе плану. С нашего берега короткой артиллерийской подготовкой и суетой у воды — полная картина готовящегося броска! — спровоцировали немецкий огонь.

Немцы ударили из всех видов оружия. Горизонт озарился вспышками дальнобойных орудий. Местонахождение фашистских батарей засекали наблюдатели с биноклями и стереотрубами. Задача же разведчиков состояла в том, чтобы составить схему вражеских огневых точек на переднем крае.

Над головой разведчиков шелестели снаряды, и свои, и фашистские; гудели перепонки от стука пулеметов из вражеских дзотов; осами жужжали осколки снарядов. Нелегкая, адская была эта ночь для разведчиков. Но им все же удалось засечь каждую пушку, каждый пулемет. Когда суматоха стихла, схему успешно переправили своим. Там ее расшифровали, сверили с данными, полученными из других источников. Штурмовые группы получили точнейшие данные. Они еще пригодятся.

В тот момент, когда на берегу Десны провоцировались переправы, успешные боевые операции развернулись севернее Брянска, в районе города Бежица. Пехота, танки, артиллерия за несколько дней продвинулись почти на 40 километров, совершив глубокий обход Брянска и Бежицы с северо-запада. Пехотинцы с помощью саперов, поддержанные мощными залпами «катюш» и тяжелых орудий, переправились через реку Болва, сбили вражеские заслоны, подошли к окрестностям Бежицы с севера и с востока. Стрелковые дивизии полковников Воробьева и Валюгина на рассвете пошли в наступление и очистили Бежицу от врага.

Вот об этом-то секрете и умолчал Петя Белый, направляясь в части, готовящиеся штурмовать Бежицу. Схитрил! Захотел первым доставить ошеломляющую новость о том, что с освобождением Бежицы немцам в Брянске не усидеть.

17 сентября 1943 года Москва салютовала войскам, успешно форсировавшим Десну, освободившим Брянск и Бежицу. Частям и соединениям присвоены почетные наименования Брянских и Бежицких.

Праздник праздником, а работа работой. Петя Белый, вернувшись из штаба, хвастал:

— Материальчик добыл что надо!

— Опять какой-либо маневр?

— Я по шаблону не действую! Для газеты, как известно, нужны факты интересные, поучительные, но и разные. Заруби на носу!

Петя на этот раз, после встречи с командованием партизанского движения, добыл и подготовил информацию о том, как активно помогали наступающим частям народные мстители Брянских лесов. Любопытно, ничего не скажешь!

Почеп. Войска продолжали наступать. Путь на запад мы отсчитывали теперь не шагами, не метрами, как было при штурме деревень в первый год войны, а десятками километров в день. Отступая, враг злобно огрызался. После тишины — вдруг снова свист бомб, шипение осколков, треск горящих хат, подожженных снарядами. Потом опять движение вперед походными колоннами.

Брянская улица ведет нас на запад, к Минску, к Варшаве, к далекому еще фашистскому логову.

В одну из сентябрьских ночей взят Почеп. Среди развалин высится церковь. В пойме реки перед городом дымятся костры. Фашисты посекали из пулеметов большое стадо. Люди поспешно разделявают туши, варят огромные куски мяса в котлах: соли нет, но не пропадать же добру.

На дорогах к Почепу — поток повозок. В упряжках, как правило, коровы. На каждой телеге имущество нескольких семей. Женщины машут длинными хворостинками. Во главе обоза — мальчонка. Ухватившись руками за узду, упираясь босыми ногами в землю, он изо всех сил гнет буренку вперед, молит ее скорее идти домой.

На одном из повозок среди узлов и коробов сидит старуха. Слезящимися глазами она смотрит то вперед, то направо, то налево и не может сообразить, осмыслить, что же здесь творится. Только что гавкали, угрожали немцы. И нате — будто ангелы с неба, запыленные, усталые, но с веселыми искорками в глазах свои, русские парни. Умеют они так, между делом, на ходу приласкать и старого, и малого, одарить озорной улыбкой и ломтем хлеба. Старуха крестится, что-то шепчет, видно, хочет сказать: дошли до Христа-спасителя ее молитвы, покарал бог незваных гостей, дал силушку сыночкам и отцам.

До Унечи от Почепа пятьдесят километров. Этот путь пройден с боями всего за два дня. В те дни я шел со

стрелковой ротой лейтенанта Дойникова. После топкого болота рота с ходу завладела селом на подступах к Унече. За селом снова болотина. В азарте боя бойцы не обращали внимания на хлюпавшую в сапогах жижу, на промокшую, прилипшую к телу одежду. Только вперед, только в город! До него рукой подать! И откуда ни возьмись — сильный огонь с фланга. Немцы вырвались из засады, бросились наперерез наступающим. Еще минута, и два взвода будут отсечены, третий — уничтожен из пулемета.

Лейтенант передал по цепи: залечь! Командир роты прикинул, что у фашистов большой перевес сил, они идут на рукопашную, на ближний бой. Принимать его — значит зря пролить кровь. Рядом с командиром залег расчет станкового пулемета.

— Огонь! — приказал лейтенант.

— Как огонь? Можно же полоснуть по своим? — тревожился пулеметчик.

— Не мешкай! Бери прицел выше, в грудь фашистов.

Фашисты не смогли приблизиться на бросок гранаты, их покосили. И тут же команда во весь голос: «Вперед!»

По телефону передали приказ: «Отставить лобовую атаку!»

Воздушная разведка обнаружила, что на восточной окраине Унечи окопы в полный профиль, пушки, доты.

Потом мы узнали, что другие части вместе с танками устремились к дорогам, ведущим от Унечи на Сураж и Клинцы. Оседлав их, они накинули петлю на немцев в городе. Ночью враг в Унече дрогнул, начал отходить.

Взвилась ракета. Лейтенант Николай Дойников повел людей в атаку. Еще один успешный маневр. Еще один город наш!

Редакция «Знамени Советов». Она жила походной жизнью.

Далеко не каждый человек, ежедневно получавший на передовой армейскую газету, представлял себе, с каким трудом рождались ее номера, особенно в наступлении. Уходя в подразделения, мы не всегда знали, где встретимся. Зато каждое возвращение было праздником, особенно тогда, когда послеваляли к редакционной ленточке.

Вся газетная семья собиралась в хате или в большой землянке, а иногда, в теплые погожие дни, просто на полянке в лесу.

Писатели, поэты, корреспонденты и фоторепортеры всегда были в поиске фактов и новых форм подачи мате-

риалов. Повторяться, делать все на одну колодку не позволяла совесть и профессиональная гордость.

Кропотливо колдовали над макетами: время хоть и военное, а лепить полосы тям-ляп нельзя, верстки должны быть красивыми. От этих задумок доставалось больше всего наборщикам, верстальщикам, цинкографам, печатникам, корректорам, а также завхозу Гукаю: хоть из-под земли вынь да положи бумагу, типографскую краску, и не одну, а разных цветов. Достань спирт, свежие яйца, кислоты и щелочи, фотопленку для цинкографии, масло, керосин, бензин для моторов, мыло и ветошь для рабочих и шоферов.

Во время наступления почти каждый день передвигались вперед и цехи: печатный, наборный, цинкографский, корректорский. За ним следовали подсобные службы. Водители редакционных машин приобрели вторые профессии: монтеров и мотористов. Движки безотказно давали в нужное время свет, приводили в действие печатные машины.

Шоферам, кроме всего прочего, приходилось вести патрульную службу. Для офицеров и рядовых не существовало ни дня, ни ночи, ни будней, ни праздников. Отдыхали лишь тогда, когда позволяли обстоятельства, когда было ясно, что сегодня газета выйдет и попадет в полки. В бросках и походах приспособлялись отдыхать накоротке, спать в кабинах машин или на самодельных раскладушках; вместо одеял служили шинели, полушубки, плащ-палатки.

Каждый знал, как говорят, свой шесток. Коле Погребному, водителю первого класса, доверили фورد с наборным цехом. При переездах машина Коли первой отправлялась в путь с тем, чтобы на новом месте выиграть время для подготовки рабочих мест, успеть разобрать старые полосы и подготовиться к набору и верстке. Мне было поручено сопровождать фورد. В планшете — новенькая карта с обозначением маршрута и конечного пункта назначения.

Управлял Коля машиной, как игрушкой. В пути любил поговорить, сыпал шутками, а чаще сетовал на то, что занимается не своим делом. Ему хотелось управлять тяжелым танком, бомбовозом или истребителем. А тут, словно в наказание, приходится возить какие-то шрифты и бабенок. Слово «бабенки» в устах Николая не звучало презрительно. Что-что, а покорять женские сердца своими озорными лукавыми глазами сибиряк Коля умел, чем вызывал ревность со стороны отдельных представителей

офицерского корпуса: солдат, мол, а лезет в гусары! И только внешне, напоказ, Коля как бы презирал «войк в юбке». Проказник-водитель не избегал даже малейшего случая, чтобы разыграть девчат, заставить их подрожать, поволноваться. Он нарочно проскакивал на большой скорости ухабы, сворачивал без надобности на обочины дорог, чтобы машину бросало из стороны в сторону, качало вправо и влево, как крылья самолета, чтобы в крытом брезентовом кузове стояли вопли и визг.

— Зачем ты так, Николай? — удивлялся я.

— Пусть почаще жалуются Гукаю, меня скорее выгонят в три шеи, зато попаду на передовую.

В первый год войны Коля получил письмо о смерти брата, погибшего в атаке, поэтому рвался в бой, просил каждого помочь ему перевестись в часть, чтобы немцам от него было жарко, чтобы можно было давить их гусеницами машины или косить пулеметными очередями с воздуха. Порыв парня все хорошо понимали, но ведь классные водители, такие, как Коля, редакции были нужны позарез.

Неожиданно на Колю Погребнова свалилась беда: ему было предписано отправиться в госпиталь, так как врачи подозревали туберкулез.

Расставание было тяжелым. Мы сидели на завалинке, не находя слов от огорчения. А сказать хотелось бы многое. Сколько трудных дорог пройдено вместе! Золотые у тебя, Коля, руки, железная воля, нежная, отзывчатая душа! Помнишь, как ты почти перелетел на форде с одного берега на другой, обошелся без моста и прибыл на пункт назначения на три часа раньше других? За это тебе крепко влетело от завхоза Гукая. Ты стоял тогда, вытянувшись в струнку, а майор угрожал суровой расправой. Шутка ли? Ведь только случайность спасла наборщиков от гибели, а машина твоя едва не угодила на дно реки. Гремели угрозы, а в глазах твоих были написаны ухмылка: «Сумел, мол, «летать» на грузовике, поднимусь в воздух и на истребителе!»

Вечными зарубинками в памяти останутся наши маршруты: Унеча, Клинцы, Новозыбков. Не тронула тебя вражеская пуля, бомба, снаряд; подточили, знать, холодные росы.

Помню, как уходил ты: вещмешок за спиной тяжелым камнем клонил тебя к земле, ты не оглянулся и, наверное, как и я, смахнул с глаз предательскую слезу.

Только после войны узнал, что Коля добился-таки своего, попал в танковую часть, участвовал в штурме Бер-

лина. Но тут постигло его несчастье: во время переправы через Шпрее он был тяжело ранен...

Брянская земля! По тебе отступали наши бойцы в 1941-м. Горько, до слез обидно было уносить с собой молчаливые укоры мирных жителей, остающихся на суд и расправу врага.

Брянская земля! По тебе мы идем теперь победителями. Мы сполна узнали щедрость и доброту людей, живших в твоих селах и городах.

Дни коротких привалов запомнятся на всю жизнь. Мы прошли уже Мглин, Сураж, Молодечно, Жестово, Семире-чи. Кончается брянская земля.

Мы вступили в Белоруссию.

До свидания, брянская земля! До новой встречи! Теперь уже после разгрома врага, после победы!

Наступила XXVI годовщина Октября. Всю предпраздничную ночь редакционный радист Павел Мусько провел в своей рубке: принимал передачу торжественного заседания Московского Совета.

Сдав принятые материалы секретарю редакции Максиму Нечетову, Павел Мусько вытер лоб, собираясь подремать, но диктор из Москвы предупредил, что через несколько минут будет передаваться для газет новое важное сообщение.

— Помогай, друг,— попросил Мусько,— глаза слипаются. Я буду при тебе, буди, если случится какая поеха.

Заточив про запас карандаш, я сел к приемнику.

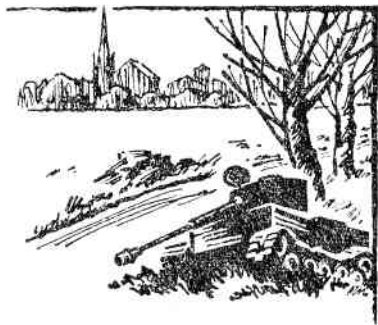
«Приказ Верховного Главнокомандующего,— передавал диктор.— Генералу армии Ватутину».

Освобожден Киев!

На юге Белоруссии вдоль реки Припять советские войска прорвались далеко на запад. Мы с нетерпением ожидали, что в ближайшее время будем участвовать в боях за освобождение Минска.

Но поступил приказ закрепляться на достигнутых рубежах. Линия фронта к этому времени заметно сократилась, появилась возможность высвободить высший командный состав для других участков фронта. Командующего 11-й армией генерал-лейтенанта Федюнинского отозвали в Ставку. Газета «Знамя Советов» перестала выходить. И нас, а также армейских работников послали в резерв.

Никогда бы не подумал, что горше всего на войне оказаться не у дел, без фронтовой семьи, без милых друзей.

ГОД СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ. В АРМИИ ГЕНЕРАЛА БАТОВА

ПЕРЕМЕНЫ. Сотрудники «Знамени Советов» встретили 1944 год в деревне Залипье, во фронтовом офицерском резерве. В резерве свои, особые, порядки. После настоящих дел на передовой такое житье в тягость. Нелепо и досадно чувствовать себя нахлебником после того, как познали мы бои 1941 года под Старой Руссой, бои на брянской земле и здесь, в Белоруссии. Было всякое.

А теперь...

Изба на курьих ножках бабки Настасьи, которая с утра до вечера сидит за пряжей, изредка плюет на кудель, сматывая нить в клубочки. Окна не занавешиваются, и старуха, как часовой, замечает все, что творится на улице: на площади возле дома Настасьи идут строевые занятия, люди в шинелях и полушубках учатся отдавать честь, выходить из строя и становиться в строй, стучат каблуками по льду, отбивая гусиный шаг. Вьется пар из походной кухни. «Слава богу, скоро шашаш,— шепчет бабка,— отойдут хоть немножко мужички». Настасья сыплет прибаутки, дает советы на все случаи жизни. «Болит голова? Значит, прихватил «головной» тиф. Лечить его надо кислым. И не возражай и не перечь! Нешто неизвестно, что любой тифозный просит квасу?»

Настасья ты, Настасья! Мудрая ты у нас и добрая. Вижу, что хочешь меня развлечь. Сердцем ты разгадала чувство солдата, видишь, что из головы не выходит

одна думка: скорее бы снова на фронт. Там, окрыленные летними успехами, наши части продолжают теснить немцев на запад. Освобождены Гомель, Речница, Мозырь. Сейчас бои идут в Полесье.

Наконец, повезло и мне. В ясный морозный день вызвали в штаб и вручили предписание отбыть в 354-ю стрелковую дивизию в качестве редактора красноармейской газеты «Советский патриот». Михаил Строков, прощаясь, обещал вызвать в армейскую газету, где он снова работает начальником отдела армейской жизни. Но ждать нет больше сил!

В дивизию под Калиновичами добрался на перекладных. Начальник политотдела дивизии гвардии полковник Буцол встретил приветливо, сразу же ввел в обстановку. Дивизия имеет много боевых заслуг, входит в состав 65-й армии, которой командует генерал Павел Иванович Батов.

— В газете, — пояснил полковник, — положение не блестящее. Редактор, писатель Агаков, выбыл по болезни. Газета, по сути дела, бесхозная. Люди там хорошие, но работают без перспективы, живут одним днем, добросовестно собирают заметки, лепят их одну к другой. Оборудование для типографии не богатое, собрано с бору по сосенке. Возлагаем на вас, капитан, большие надежды. На мою помощь можете рассчитывать в любое время суток. Редакция — в соседнем селе. Представитесь сами. Желаю удачи!

На месте деревни, которую назвал полковник, оказался всего один дом. Встретил меня щеголеватый капитан, одетый с иголочки. Широкий ремень с надраенной бляхой подчеркивал почти девичью талию. Лоснились хромовые сапоги, голенища гармошкой. Вытянулся тростинкой, отрапортовал:

— Капитан Аипов, заместитель редактора, исполняю обязанности редактора!

— Очень приятно, капитан. Будем знакомы.

— Разрешите представить личный состав?

— Будьте любезны!

— Лейтенант Сергей Аракчеев — секретарь редакции.

— Старший лейтенант Николай Янтиков — корреспондент-организатор.

— Старшина Алексей Сергеев — наборщик и печатник, мастер на все руки.

— Рядовой Бондаренко — наборщик.

— Рядовой Горошкин — наборщик.

— Рядовой Баулин — печатник.

— Рядовой Рябоволенко — наборщик, помощник печатника.

Я спросил старшину:

— А где же печатная машина?

— Вот она! — Старшина поднял дерюгу. На стареньких, видавших виды носилках прикреплена болтами машина, приводимая в действие от рычага. При виде крохотного печатного станка, место которому в каком-нибудь краеведческом музее, сердце мое сжалось. Но огорчения своего не показал: мало ли их будет впереди?

И пошло! Чем дальше, тем больше. Типография передвигается на санях и телегах. Лошади тощие, лохматые.

— Каждый мерин и кобыла что надо, с причудами, — пояснил печатник Иван Баулин, одновременно выполняющий обязанности конюха. — Может, прокатитесь верхом, товарищ капитан?

Чтобы не ударить в грязь лицом, я решил сесть в седло. Кобыла то крутилась на одном месте, то брела к канаве, то перла под встречные машины.

— Милос животное, нечего сказать! Посмеяться решил для знакомства? — обрушился я на Баулина.

— Боже упаси, товарищ капитан! Эта кобыла у нас самая резвая, только слепа на один глаз, ее вóвремя надо поправлять поводком, тогда пойдет куда надо. А вот у Серухи совсем другой характер. Ее хоть кнутом, хоть палкой бей — не шелохнется, пока ломтиком хлеба с солью не угостишь. Ох и намучился я, пока подобрал ключ к каждой скотине, но зато теперь, можете мне поверить, транспорт наш очень даже надежный. Сами скоро, товарищ капитан, в этом убедитесь.

Люди настороженно приглядывались ко мне, и я изучал их. Заместитель редактора Семен Анпов вежлив, тактичен. Секретарь редакции Сергей Аракчеев приказанья исполняет беспрекословно, от точки до точки, но своих предложений не высказывает. В его глазах, которые он то и дело отводит в сторону, написано: поживем, мол, увидим. А вот старший лейтенант Янтиков с первого часа проявил характер: дерзит, перечит без зазрения совести прямо на людях. Под пустяковой заметкой, сданной в набор, подписался как признанный всем миром литератор: Ник. Янтиков. Парень привык считаться, видно, с мнением тех, у кого большое звание, во всяком случае не меньше подполковника. Он так и хочет сказать: «Приехал какой-то

капитан, на одну звездочку больше, чем у меня... Подумаешь!»

Печатник Баулин старательнее всех, ни одной минуты не сидит без дела. То чинит валенки, то промывает машину, то носится с какими-то медными трубками, что-то мастерит, изобретает. Я похвалил его за усердие, да вышло, что похвалил на свою голову. После знакомства с людьми в политотделе дивизии вернулся в редакцию и ахнул: все до одного сотрудника во хмелю. Баулин с расплывшейся до ушей улыбкой поднес кружку:

— Выпей, редактор! Не что-нибудь — первач!

Вот для чего, оказывается, собирал этот «мастер» медные трубочки! Самогонный аппарат соорудил!

Проучил его утром: взял колун и ударил по тепленькому еще аппарату. Баулина передернуло. Всего ожидал от начальства, только не подобного варварства. Разбить такую ценность, о которой мечтают во сне и наяву!

Солдаты и офицеры помалкивали, как воды в рот набрали.

— Пора готовить очередной номер, — сказал я, — потехе — час, а делу — время! Так учил меня отец.

Стучат верстатки. Сообщения ТАСС прямо с рукописного листа ложатся в гранки. Старшина Алексей Сергеев смачивает набор мокрой тряпкой, связывает колодки шпагатом, щеткой отбивает оттиск. Секретарь редакции вычитывает текст.

Иван Баулин и Митя Рябоволенко сбрасывают с машины дерюгу. Набор осторожно вставляется в раму, прочно зажимается винтами. Баулин бережно, как ребенка, поднимает этот груз и несет в машину. Митя усаживается на низенькую скамеечку справа от машины. По команде Баулина он берет на себя рычаг этой старенькой, допотопной «Бостонки» и плавно опускает обратно.

Баулин подслеповатыми глазами изучает отпечаток, режет кусочки картона, полоски бумаги, клеит, не один раз вытаскивает раму из машины. Ему не все равно, как будет читаться текст, набранный сбитыми литерами, которые в мирное время уже давно бы отправили в переплавку. Вот и приходится где усилить, где ослабить натиск, выровнять печать. Баулин промывает талер, проверяет краску, сбивает кипу листов, на которых еще днем отпечатана вторая полоса со своими материалами. И когда все приготовления окончены, Баулин ласково, потечески говорит:

— За работу, Митя!

Оттиск. Еще один. Растет пачка газет. На дворе брезжит рассвет. Тираж готов, его ждут связные полков.

Иди, наш новый номер, в траншеи, рассказывай солдатам о том, что творится в мире, чем живет родная страна, неси бойцам ленинские слова, произнесенные как будто сегодня:

«Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»

Полевая почта. Она всегда рядом с редакцией. Начальник почты, экспедиторы, водители жили по своему уставу; хоть умри, а доставь солдатские весточки в армейский тыл, а на передовую — газеты, журналы, письма.

Работа начиналась еще затемно. Ночью долго чихал мотор. Водитель крутился у полуторки, отогревал факелом застывшее в картере масло, до седьмого пота крутил рукоятку, чертыхался на искру, которая «ушла в баллон».

У привязи — лошади, накрытые холстинами. Кони — про запас. Подведет техника, выручат сани или телега. Не может для полевой почты служить помехой ни жара, ни холод, ни дождь, ни снег.

К рассвету стекались к полевой почте посыльные из полков и батальонов, разгружали туго набитые сумки, помогали ставить штемпеля. Сдав корреспонденцию, расходились, располагались где удобнее, крутили козьи ножки.

Тронулась машина. Вот-вот придет встречный транспорт с мешками под сургучными печатями, и пойдут дела. Каждый день одно и то же, и каждый раз таинство...

...Взвешивание. Проверка ведомостей. И самое волнующее — снятие пломбы. Вываливаются на стол пачки, трубочки, конверты, треугольники. И пошла сортировка. Посыльные не отрывают глаз от стола, шепотом переговариваются:

— Это мне. Повезло сегодня, большая стопка. Будет у ребят радости!

— А мне нежирно.

— Не огорчайся, не загадывай. Может, еще прибавится, не с пустой сумкой к себе пойдешь.

И вот в путь. В части ждут посыльного с нетерпением. Как завидят, по траншеям эстафетой передадутся слова: «Внимание, идет почтальон — Смерть немецким оккупан-

там!» Шутка вроде? Это эниграф на газете, журнале и на фабричном конверте.

Письма! Разные они были: радостные и горькие, как полынь.

«5.8.41. Москва.

Здравствуй, братишка! Не могу передать чувство радости при получении от тебя письма. Письмо, да еще с адресом полевой почты. Хочется не только писать тебе, но и видеть тебя, и обнять. Знаю, что ты хочешь о нас, своих родных, узнать. О себе мне мало что можно сказать. Из сводок знаешь, что гады-фашисты хотят прорваться к городу. Работаю над тем, чтобы крепить оборону. Москвичи отвечают врагу организованностью и сплоченностью. Ты знаешь, родной, в эти дни между людьми создавалась какая-то особая близость, все спаяны одной мыслью и волей истребить гадов. Вася в Москве. Собирается в ополчение. Митя в Ленинграде, подал заявление добровольцем на фронт. Миша на Севере работает машинистом. Твоя жена и сынишка здоровы. Мама о каждом из нас беспокоится. Хорошая она у нас, добрая, сердечная. Она готова за всех нас отдать себя и хорошо понимает, что ее сыновья должны сейчас защищать Родину. Чтобы помочь фронту, пошла мама на старости лет косить сено и убирать хлеб.

Сообщай, братишка, хоть коротко о себе. В эти дни вы, фронтовики, творите историю, эти времена с благодарностью вспомнят наши дети.

Будь здоров. Крепче, чем прежде, — твой Леша».

Это письмо получено под Новгородом, когда зловещными факелами горели день и ночь города и деревни на псковской и новгородской земле, когда фашисты торопились истребить нас, убить морально. Письма из тыла окрыляли.

Старший брат Алексей в Москве, занимает большой пост — заместитель управляющего делами ЦК ВКП(б). С годами сохранил он чуткость и нежность. После смерти отца проявляет заботу о каждом в нашей многодетной семье.

И вот новое письмо от другого брата с датой и адресом 5.7.42 года. Полевая почта 804, 708-й дивизион.

«Братишка, привет. Удивлен, что ты до сих пор не получал моих писем. Я свой долг никогда не забываю. Да и можно ли забыть наших славных ребят!

Омрачена жизнь гибелью Леша. Не верится, что его нет в строю. Дико и нелепо. Погиб не от пули в атаке, а от

паршивой фашистской бомбы в центре Москвы. Тяжкая потеря навевает грусть и тоску. Но война требует мужества и стойкости. Надо отдать все для победы. Родина не оставит без благодарности борющихся за правое дело.

Работа, о которой ты спрашиваешь, у меня интересная. В стороне я никогда не был и быть не могу.

Целую. Василий».

Погиб Леша. Это непостижимо! Как набраться сил, чтобы не согнуться под тяжестью этой утраты?

Наверное, прав мой старший брат Вася: «Война требует мужества и стойкости. Надо отдать все силы для победы».

17 сентября 1943 года полевая почта понесла на далекую станцию Няндомы, затерявшуюся в архангельских лесах, мою солдатскую клятву сыну, сыну, которого я еще не видел:

Мы не в карманах, а в душе храним
Любимые и милые портреты.
Их не затмит сражений черный дым.
Мы все перенесем — лишения и беды, —
Чтоб засияло солнышко победы,
Чтоб ваше детство было золотым.

7.5.44 года. Письмо землякам в районную газету «Лесной рабочий»:

«Часто вспоминаю вас, моих далеких, милых земляков. Вспоминаю в пути, на привале, в минуты радости и печали.

Бесконечной кажется фронтовая дорога. Ее развезло. Жидкая грязь хлюпает в сапогах. Вправо и влево от дороги глубокие воронки. Канонада не утихает.

Мальчик лет семи вырвался из пекла, спрашивает:

— Дядь, близко ли деревня?

— Близко.

Как тень, плетется мальчишка на восток. Ноги изодраны до крови. Каждый шаг — великая мука.

Мы даем себе клятву: «Скорее на запад! Чтобы наши дети не знали мук, ходили в школу, смеялись».

На сыром песке сидит старуха. Сухие губы в язвах. Дом сгорел. Ни родных, ни скарба, ни крохи.

Мы даем себе клятву: «Скорее на запад! Чтобы наши матери, жены и невесты жили в тепле, не знали горя и нужды».

Что из того, что придется спать на снегу или в холодной землянке! Что из того, что не удастся поесть, что из того, что отекли ноги!

И если вам, землякам, сейчас удастся посидеть у горя-

щей печурки, если в комнате светло, если в небе тишина — вспомните о нас. Мы все перенесем. Мы все переживем. Будет победа! Будет встреча! Будет радость!..»

...Идет месяц за месяцем. В воздухе веет победой. А полевая почта 804 молчит. Вася будто сквозь землю провалился. Мои письма к брату возвращаются обратно. Тревожно на сердце.

...Чихает ночью мотор на нашей полевой почте. Наступает новый день. Машины отправляются в путь — пошли солдатские письма в дорогу. Навстречу летят весточки от родных и близких. В письмах полевой почты — дыхание дома и фронта, благословение и клятва.

Начфин. В лесу, где размещались тылы дивизии, доносился дробный перестук пулеметов, гудение «катюш» и ухающие взрывы тяжелых мин. Невдалеке через речку саперы наводили мост, слышался мирный стук топоров, жужжание пилы; веселый говор, пересыпанный крепкими шуточками.

Но все это происходило как бы в другом мире, не касавшемся в эти минуты начфина Власова, корневшего над отчетом. Время от времени начфин потирал крутой с залысинами лоб, напрягал близорукие глаза и шмыгал носом, точно школьник, у которого не сходится ответ. Вид у него был утомленный, веки припухшие.

Вечером он должен был упаковать конверт и отправить месячный отчет по назначению. Садясь за стол, строгий, подтянутый, подчеркнуто аккуратный, он предвкушал, как это письмо придет в штабарм, разумеется, одним из первых и генерал интендантской службы сообщит по телефону глухим, рокочущим баском:

— Порядок, Михайлыч, поздравляю...

Мигал фителек в снаряженной гильзе, цифры путались, в горле у начфина першило. Баланс не сходился: разница между дебетом и кредитом составляла одну копейку. Проклятущая копейка! Без нее не было того самого ажюра, на чем стоит любая бухгалтерия.

В землянку заглянул печатник Баулин, заходивший посидеть, посудачить со своим земляком, которого называл генерал-бухгалтером. Баулин сейчас пристрастился гачать сапоги из старых плащ-палаток. Сапоги получались щегольские. Сегодня Баулин решил сделать Власову сюрприз: принес с собой пару сапог. Обувь легкая, удобная, в ней хоть полста верст протопай — ноги не устанут. Баулин был удивлен и раздосадован, когда начфин

равнодушно взглянул на подарок. Лицо его посерело, поморщилось, ровно от зубной боли, он нервно барабанил пальцами по столу.

— Эхма, — рассмеялся Баулин, уловив суть дела. — Генерал-бухгалтер, а простой вещи смикитить не можешь. Доложи свою копейку — и всего делов. А то я подмогну.

Он полез в карман и замер под взглядом начфина: Власов с презрением смотрел на Баулина поверх очков.

— Удались, Баулин, — тихо сказал начфин и указал пальцем в сторону распахнутой двери.

Баулин открыл было рот, но осекся, вынул из кармана кисет. Попробуй пойми, на кой черт эти муки из-за копейки, когда кругом вверх столбом летит столько добра. Он робко ответил:

— Война спишет, Федор Михайлыч!

— Не совестно тебе? — сказал Власов, еле сдерживая себя от гнева. — А еще сознательный солдат! Пойми, дурень, не в копейке тут дело, а в принципе. У пушкаря чуть-чуть недолет — это большой просчет. Я тоже солдат, просчетов быть не должно.

— Это верно, — буркнул Баулин. — Бей врага копейкой, шибко чувствительно.

— Без копейки рубля не бывает! — взорвался начфин.

В этот момент от моста, от саперов, донесся крик:

— Воздух!

Землянка закачалась от близких разрывов. В дверной проем было видно, как дыбилась земля. Баулин нырнул под нары, сцепил зубы, ожидая конца.

Бомбежка кончилась. Баулин выполз перепачканный, отряхнул пыль с гимнастерки. В воздухе еще стояла сизая пыль, а за столом сидел начфин, обхватив голову руками. Его руки были восковыми, пугающими.

— Ты жив, Федор? — едва выдавил Баулин.

— Тебе сказано, удались! — ответил Власов.

Лицо его было бледнее обычного.

— Ну и ну! — промычал Баулин. — Ну и ну!

Пришлось возвращаться в типографию, размещавшуюся в роще. Березки, словно побледневшие после бомбежки, светились на солнце. В глубокой синеве медленно плыли облака. И показалось Баулину на миг: нет никакой войны, тревог. Кругом тишина. Перед глазами встал каменный Власов, восковая рука, лежавшая на костяшках счетов. Баулина вдруг охватило беспокойство, он сплюнул, затушил окурочек и пошел искать старшину.

Сергеева он отыскал возле повозок. Стал торопливо,

сбивчиво, будто опасаясь, что старшина не так поймет, рассказывать о начфине, о том, что пережил в землянке при бомбежке.

— Бесстрашный мужчина. Как помочь ему? Давай наши ведомости проверим, — робко добавил Баулин. — Что, как она у нас застряла, эта чертова копейка?

Старшина засопел. Баулин понял — не к добру.

— Ты в уме или нет? — набросился на Баулина старшина. — Надо срочно везти в ремонт рычаг твоей же машины. Не видел, что ли, подозрительной трещины? Заодно и продукты получить.

— Я, — сказал Баулин, — сам за тебя съезжу в автороту и продукты в ДОПе получу. Ты поройся, ради бога, в наших бумагах, ведь погибается начфин, и он как-никак и твой земляк. Дочка у него растет, письма пишет.

Дочку Баулин припел, знал, что и сам старшина ждет не дождется писем из дому, где растут дочки, сыновья. Баулина потрясла самоотверженность начфина. За копеечкой теперь он и сам увидел нечто большее, чем служебный долг, честь! И, как бы размышляя сам с собой, Баулин тепло, доверительно прошептал:

— Он ведь, черт лысый, чуть жизни не лишился из-за этой копейки. Бомбы рвутся, а он сидит — с места не сдвинешь. Так я пойду, старшина, запрягу лошадь — и того, в автороту?

Сергеев что-то буркнул.

Баулин получил вроде согласие, но, уходя, все же ждал, что старшина окликнет: «Отставить!»

Сергеев молчал. Баулин прибавил шагу к коповязи.

Часа два спустя, наварив рычаг и получив продукты, Баулин вернулся. Старшина сидел на пеньке с карандашом и кипой накладных на коленях. Он поднял на печатника свинцовые глаза и стал тихо повторять:

— Бумага ролевая — четыреста килограммов, флатовая — сто. Итого... И еще краска, шпагат, бензин...

Баулин притих.

— Откуда ты взял, что мы просчитались? — взорвался старшина. — Может, в другом месте напутали?

— Да нет, вроде везде в порядке, — соврал Баулин. — Начфин сказал, что везде в порядке.

Баулин и старшина теперь вместе уткнулись в накладные, в два карандаша проверяли друг друга, подбивали бабки. Старшина насторожился и строго спросил:

— Краску ты получал? За краску ты отчитывался?

— Ну я, — опешил Баулин.

— А теперь смотри. Сколько она стоит? А что ты написал? Твоя рука или нет? Округлил цифру, язви тебя, а? Округлил, миллионер проклятый!

Они оба так обрадовались находке, точно получили весточку из дому. Баулин трясущейся рукой достал кисет. Он уже прикидывал, как войдет в землянку и как ни в чем не бывало скажет: «Ну как, генерал-бухгалтер?» Слегка разыграет. А потом...

— Ступай,— доброжелательно сказал старшина, хлопнув по спине Баулина. Но, вспомнив свои заслуги в этой истории, сам зашагал рядом с Баулиным.

В землянке, как и днем, на столе лежали груды бумаг. Встретившись с усталым взглядом начфина, Баулин бодро проговорил:

— Слушай, Федор по отцу Михайлыч!

— Поясняю проще,— вмешался старшина.

Он подал листок начфину и опустил руки по швам, точно ему приказали стоять по стойке «смирно».

— Это мы тебя подвели, не серчай, Федор, не серчай,— извинительно говорил Сергеев.

Власов, казалось, ничего не слышал. Он близоруко уткнулся в бумажку, пробежал ее раз, другой, потом встал, качнулся, пересел на нары.

— Вы того, пожалуйста, удалитесь. Вздремну немного.

...Уже много месяцев мы стоим под Бобруйском. Под Бобруйском многое видел и слышал я в те дни, от чего сильно стучало сердце и першило в горле. Чаще всего эти истории были связаны с новобранцами из белорусских сел и лесов. Каждый из них по-своему мечтал о «настоящих» боях, чтобы поскорее рассчитаться с врагом за кровь, горе и слезы. От этих историй становилось не по себе солдатам, повидавшим в боях всякое.

...Солдат потерял пуговицу и пришел к шинели трофейную.

— С глаз долой! — потребовал отделенный.

— Велик грех,— проворчал солдат.— Старшина раздобудет фуникуру — пришью нашу.

— С глаз долой!

Не знал красноармеец, что их новый отделенный недавно партизанил в лесах тут же под Бобруйском. Там в лагере жена родила сына, назвали Павкой, в честь Корчагина.

Партизанский отряд часто менял стоянки. Мать и грудной малыш стали обузой. Решили переправить маму вместе с Павкой в глухую деревню, куда сам леший не най-

дет дорогу. Нашлась сволочь, навела врага на след.

Немец вошел в избу, когда Павка, насытившись грудным молоком, сучил ножками, гугукал. Он увидел на шинели немца серебристые пуговицы, потянулся к ним.

Полицай что-то шепнул фашисту, тот кивнул головой и выстрелил в лоб ребенка.

Деревеньку спалили.

Шепотом рассказали солдату ребята эту историю, и он с мясом отодрал трофейную пуговицу, швырнул ее подальше, с глаз долой!

...Новичкам вручили автоматы.

— А мне бы пулемет, — робко попросил паренек.

— Рановато! — обрубил старшина. — От горшка два вершка, а прешься в дамки.

Парень стиснул зубы. Много дней никто не мог выдать из него слова. «Миша, Миша, Миша!» А Миша молчит, будто контужен.

Старшина забеспокоился. Пробовал как-то подбирать к парню ключики, но все напрасно. Потом краем уха узнал о трагедии, которую пережил Миша.

В деревню пришли каратели. Миша зарылся в стог сена, но видел все, что происходило на улице.

Вот вошли фашисты в Мишин дом. Там лежал без сознания отец-партизан, его выволокли на улицу, били прикладом в спину, заставили шагать. Долго возились у виселицы на площади. Миша видел, как петля никак не попадала на шею отца. Миша кусал до крови губы, ему так хотелось, чтобы под руками оказался пулемет.

— Ты уж, парень, извиняй за неласковую встречу, — оправдывался старшина. — Служба есть служба. Мы же не у тещи на блинах.

Миша отмахнулся.

— Рана, как твоя, Миша, — продолжал старшина, — заживет только в бою. Сделаю я из тебя меткого стрелка поначалу, потом подружу и с «максимом».

С тех слов прошла у Миши обида. Старшина замешал ему отца.

...Настали деньки, когда солнце все выше и выше поднималось над горизонтом. Снег превращался в крупинки. Ночью набирал силу мороз, и земля покрывалась ледяным ковром-настом.

— Не торопись, весна! — шептали солдаты. — Может, скоро бой. В такую пору не стоит признавать ни дорог, ни тропок. Бить надо фашиста с фронта и с тыла!

...За спиной ельник. Хоть посеченный, израненный,

а ельник, чудо из чудес. У каждого ельника свой род и свое имя. Ельник-кисличник, ельник-брусничник, ельник-черничник. Ельник вдоль рек — хоровод. Тут и береза, и рябина, и ольха. Щедры просеки, гари, вырубки, вдоволь здесь всякой ягоды, раздолье для глухаря, тетерева, рябчика.

Есть в ельниках мшистые болота, где полным-полно клюквы, морошки. Только уж тут ухо надо держать востро. Подо мхом и осокой таятся озера, в них ни дна, ни берегов. Засосет, аукнуть не успеешь.

— Мшистые болота рядом,— сказал паренек,— загоним туда врага, чтоб ни дна ему, ни покрышки!

...На северных склонах оврагов лежал еще снег, а на просеках и в редколесье зацвела брусника. Кругом полным-полно зеленого ситца, набитого светло-розовыми капельками.

— Буйное цветение брусники бывает не часто,— поясняет бывший партизан,— быть доброму урожаю. Брусника всем ягодам ягода. Обмякнет она в бочках, покроется розовым соком. Зимой — это и лакомство, и лекарство, сок утоляет жажду. Ягода, оттаявшая в тепле, заправленная толочком,— объедение. Без брусники и праздник не праздник. Хороши шаньги, ватрушки, пироги, испеченные на противне на горячем поду. Одного такого пирога хватит и для семьи и для гостей.

— Помолчал бы, борода,— ворчали ребята,— разбередил душу. Не до лакомств сейчас. Жить можно, сыты, и слава богу. А ты бру-сни-ка! Вспомнил вчерашний день!

— Почему вчерашний,— ухмыльнулся бородач,— пока ягода созреет, покончим с немцем. В честь победы наскребем мучишки и на пирог!

...В лесу образовались проталины. В часы затишья солдаты присаживались на пеньки и, сняв шапки, жмурясь, грелись на солнцепеке. Выходил из блиндажа и капитан, брал на колени голубоглазого мальчика, которого подобрал на пепелище, теребил белокурые волосы, не смущаясь солдат, ласкал: «Вот и дожили до тепла. Бледный ты у меня. Грейся, закаляйся. Скоро обедать будем. А потом бай-бай. Спать тебе надо днем, набирайся сил. Ведь ты теперь вояка!»

Суровый на вид, резковатый на язык, командир с тех пор, как появился мальчик, преобразился.

Поговаривали, что капитан в детстве был беспризорным. Вырастили его люди Дзержинского. Кадровым военным стал еще до сорок первого. Человек, не знавший

материнской ласки, одинокий, не встретивший еще подругу жизни, вдруг просветлел душой.

Этому были рады безусые бойцы. Теперь, мол, меньше будет доставаться на «орехи» за нерасторопность. Опытные, в годах, вояки заключали: начал познавать наш капитан радость отцовства, добрый выйдет из него семьянин.

Капитан слышал тот разговор, сказал без строгости:

— Поблажек не ждите, они к добру не приведут. За то, что заметили отцовскую радость, спасибо. С ней и мне и вам легче идти в бой, легче побеждать!..

Медсанбат. Недалеко от редакции выростала глубокая землянка, с бревенчатыми и гладкими, как в обжитой крестьянской избе, стенами, настилом из тесаных жердей, маленькими оконцами под потолком, затянутыми марлей. В красном углу бочка из-под бензина поставлена на попа, с вырубленным зубилом квадратиком внизу, трубой из жести. В нижний квадратик, как в паровозную топку, бросают дрова, поливают поленья керосином, подносят спички и зажигают. Мигом загудит, затрещит костер. В момент, когда бочка становится малиновой, ребята в предбаннике сноровисто скидывают одежду и с визгом, как мальчишки, прикрывая ладонями «срамное» место, спешат в тепло, озоруют:

— Парку, парку, старшина!

Старшина черпает котелком студеную воду из бачка, обдаёт с размаху печку, шипит железо, огрызается горячим паром.

Парни ахают, плюхаются брюхом на пол.

— На полку, на полку, в пар,— командует старшина — и хлещет, хлещет по спинам распаренным веником, хлещет так, что дух замирает.

Банщик Мартышкин подносит с улицы кипяток, по ведру на брата. Ни больше, ни меньше. Разбавляй кипяточек в тазике, как твоя душа желает. Пар ушел через оконце. Видно теперь, как пленкой оползает грязь, багровеют надрасненные спины. Печь снова раскалилась, вот-вот начнет плавиться. Старшина плещет на солдат ледяную воду. Красные, как вареные раки, парни пробкой вылетают в предбанник. Тела стали невесомыми, забыты несчитанные версты от Брянска, когда шагали и шагали, обливаясь потом.

— Спасибо, Мартышкин! — говорят ребята банщику, низкорослому мужичку.— Ублажил. Всякого добра тебе. Нас не забывай, захаживай в редакцию. Свежий номеро-

чек «Советского патриота» для тебя всегда найдется.

Про газету банщик скорее всего пропустил мимо ушей. Заговорил про лес, где одна осина да ольха. А что от этой породы толку? Нет чтобы помочь махнуть на редакционных лошаденках в сосновый бор.

— А что, старшина, — начал Баулин, — вопрос ребром поставлен. Любишь кататься — люби и саночки возить!

— Проблемы тут нет, — пробасил старшина. — Не сегодня, конечно, дело к вечеру.

— Мартышкин, — спохватился Баулин, — у тебя по расписанию скоро дивизионное начальство приедет париться. Как же ты без дров?

— Не бойсь, — ответил Мартышкин, — за простака меня не считай. Для начальства у меня есть сердцевинка и смола. Лет тебе немало, а простой вещи не знаешь. У каждого полена середка всегда сухая, с ней хоть рядовому, хоть начальнику жар в бане будет.

— Умен, ох умен ты, Мартышкин. Спасибо, что просветил. Мне ведь тоже иногда доводится банными делами заниматься. Видать, тебе, Мартышкин, от клиентов одни благодарности сыплются. Вот должность!

— Само собой. Без добрых слов не обходится. Встречаются, однако, и пройдохи. Наш медсанбатовский интendant да повар всегда вместе, на особицу принимают процедуру. В банный день суп нальют мне погуще и каши с салом не пожалуют. А после «легкого пара» на меня ноль внимания. В котелке одна жижа, каши на доньшке, будто для воробушка. Про добавку и не заикайся.

— Паршивцы! — сплюнул Баулин. — Я бы от них махнул на передовую.

От слова «передовая» Мартышкина будто штыком проткнуло.

— Язва у меня, — прошептал Мартышкин. — Не проболтайся моим начальникам про суп и кашу. Место у меня канительное, хлопотное, но жить можно...

С того банного дня, чуть выпадал свободный часок, Баулин ковылял в медсанбат. Скручивая одну козью ножку за другой, расхваливая друг перед другом свой табачок, старики толковали допоздна.

Говорил больше Мартышкин. Баулин лишь поддакивал и удивлялся. Медсанбат и редакция были почти всегда рядом, а он о многом слышит впервые.

«В рукопашные мы не ходили, — говорил Мартышкин, — но, как по стрелке барометра, можно было точно определить, что происходит на передовой. Особен-

но туго приходилось всем, и санитарам, и сестрам, и врачам, в дни горячих схваток с врагом. Дым стоял коромыслом у приемно-сортировочных палаток. Бывало, что и в лютую стужу раненые ждали своей очереди на носилках, хотя, как часы, работал и взвод эвакуации, оперативно-перевязочный, госпитальный. В большие и малые операционные в первую очередь доставляли людей с газовой гангреной, чья жизнь висела на волоске.

Секрету в том нет, что выживали не все. Слишком много крови терял боец, пока волокли его на плащ-палатке с поля боя, оказывали первую помощь в санроте, потом везли на телеге или санях в санбат. И не раз мне, Мартышкину, приходилось подниматься чуть свет, долбить промерзшую землю для братской могилы...

После таких картин, обрисованных Мартышкиным, Баулин ходил мрачнее тучи, но через какое-то время отходил и снова шел к банщику.

«Ты, Баулин,— рассуждал Мартышкин,— печатник. Видел я твой станок. Сам Христос и тот не сообразит, как на таком допотопном чудище можно газету тискать. У тебя же летят оттиски, как блины с горячей, промасленной сковородки. Знаешь ты, что такое петит, корпус, ципер, натиск и прочее и прочее. Одна беда: дальше своего дела ни хрена ты не видишь, людей не замечаешь».

Баулин хотел было отбрить друга, но вовремя взял себя в руки.

— Не досадуй,— как бы извиняясь, продолжал Мартышкин.— Баня, как я заметил, творит чудеса. После ее легче на душе, тянет человека на откровения. Наслушался я в своей баньке всякого и стал вроде летописца...

— Говоришь, что ты летописец? Дай свои каракули почитать,— попросил Баулин.

— Бумажками не балуюсь. Полагаюсь больше на память. Она у меня пока острая. Выживу, расскажу землякам, с кем довелось иметь дело.

Как-то вернулся Баулин из санбата растерянный, подавленный. Старшина Сергеев встревожился: не прихватил ли какую хворобу? «Тянет тебя к этим палаткам, как на мед, тогда как человек в полном здравии обойдет это заведение стороной».

Баулин ответил, что хуже хворобы. «Друга моего, да и нашего, Мартышкина, на передовую отправили».

Старшина объяснил печатнику, что почитать надо обстановку. В полках народу мало. Хоть лопни, а рубежи держать надо. «Не горюй! Придет пополнение — вернется твой Мартышкин на свой банный пост».

«Так-то оно так, — думал Баулин. — А вдруг погибнет человек. Кто тогда обрисует санбатовский народ?» Мартышкин не раз упоминал имя Нармурада Тачмурадова. Говорил, что тот Нармурад крепыш, кровь с молоком. По должности вроде бы командир медицинской роты, а славится как первый среди хирургов. Крестился огнем под Москвой. Санбат попал в окружение, и хирург взял автомат, повел санбатовцев и раненых на прорыв. И вывел к своим.

Мартышкин, как говорится, на своей шкуре узнал, что Тачмурадов — мужик твердый, с характером. Не раз попадало банщику, когда по лености не вылизывал он в бане каждую щель. В таких случаях хирург кипел и имел обыкновение приговаривать: стерильность, стерильность и еще раз стерильность. Азбуку хирургии, как дважды два, должен знать каждый, неряхе нет места на фронте, а тем более в медицине...

Мартышкин ждал все время, что выставят его из санбата. Но Тачмурадов оказался не злопамятным человеком.

Потом узнал, что Тачмурадов любящий муж и отец, видел его в моменты, когда приходили письма от жены из Ашхабада. Расслабляется, бывало, целует конверт, листочек с контурами ладошки младшей дочки. Почему же не пишет дивизионка о таких самоотверженных людях? И сам же Баулин находил ответ: врагу не положено знать, сколько наших людей погибло, сколько ранено... Но ведь люди под крышей красного креста трудятся до седьмого пота, кто-то должен сказать о них добрые слова?

Пошли на передовую маршевые роты. Надо этому радоваться, а у Баулина все из рук валится. Он то и дело ворчит на своего помощника, безропотного парня Митю.

— Что ты, Иван Васильевич, рвешь и мечешь? — не вытерпел Митя. — В санбате хочешь побывать? Так иди. Я тебя подменю.

Вернулся Баулин сияющий, помолодевший. Без слов было ясно, что видел он Мартышкина. Пуля, слава богу, мужичка миновала, рассказывал он, а вот грыжа выросла, не давала покоя ни днем ни ночью. От этой грыжи готов был лезть хоть на вражеский пулемет, хоть под танк. Прямо с передовой угодил на операционный стол. Грыжу вырезали, а язвы, сказали, никакой нет. Белый свет теперь увидел, радуется, как дитя.

Мартышкин вскоре сам заявился в редакцию и сразу стал молить, чтобы пропечатали про доктора, который поставил его на ноги.

— Говори, — подбадривал его Баулин, — наши ребята запишут, может, и тиснем заметку.

Банщик торопился, рассказ получался у него какой-то беспорядочный, через пень-колоду.

Баулин досадовал, видно, друг его на передовой совсем потерял дар речи, а умел ведь все обрисовывать. Глаза Баулина умоляли: помогите же, помогите.

— Пошлем в санбат Сережу Аракчеева, — сказал я. — Он-то сумеет разобраться, что к чему.

Аракчеев ходил в санбат урывками не один день, потом признался:

— Живем поблизости и не ведаем, что у соседей-медиков очень много любопытного, о чем следует, пожалуй, подробно рассказать в газете.

Вот так мы все и узнали о Тачмурадове, что у него светлая голова и золотые руки. Прошел недавно слух, что в Москве применяют новокаиновую блокаду по методу Вишневецкого. Тачмурадов на это поерошил волосы и сказал, как отрезал: а мы что, лыком шиты. Стал применять ту блокаду, многим она спасла жизнь.

В операционно-перевязочном взводе верховодит майор медицинской службы Сергей Васильевич Кабанкин, человек такой же ищущий, как Тачмурадов. Недавно внедрил он рискованную процедуру — переливание крови прямо в артерию. Люди после этой процедуры оживают на глазах. Почти все сестры и санитары стали донорами. Отдадут кровь больному, на ногах еле держатся, а все же идут исполнять свой долг в операционных...

С полевой почты письма доставляют в санбат мешками. Пишут докторам: Татьяне Ароновне Слепак, Галине Тихоновне Саченко, Нине Филипповне Алексеевой, Михе Бучукари; сестрам Маше Земляковой, Зое Худяковой, Маше Алашевой, Тане Спициной, Ирине Фединой, Вале Кондрющевой. Пишут солдаты и офицеры. Пишут с передовой, из резервных частей. Шлют земной поклон, благодарности за то, что помогли им встать в строй.

Дирижер санбата — старшая операционная сестра Анастасия Архиповна Красова. Она встречает раненых, определяет, кого в какой взвод и в какую палатку направить. Она знает что где лежит: халаты, белье, перевязочные материалы и всякая другая всячина. Что ни спросят, один ответ: сию минуточку. Старшая сестра помогает новичкам войти в курс дела. И потому, наверное, в палатах не убывает умелых, ласковых рук. Трудятся бок о бок Татьяна Арсеньевна Трубецкая и ее дочь Татьяна Петровна.

Под началом старшей сестры работают санитары. Черемисин — мужчина видный, высокий, с бритой головой. Глаза с хитринкой. Поручения выполняет беспрекословно и одновременно дает понять, что он «сам себе голова». В дивизии с первого дня. В гвардии санитаров — Круглов, Зимин, Тюрин. Каждый — мастер на все руки, посит больных в хирургические, накладывает шины, как детей, «сни-мает» людей с операционного стола.

Какие-то они все разные и в то же время человечные. Даже интенданты-сухари преобразаются в горячие дни. Супы, бульоны, крепкий чай, приготовленные неизвестно из каких запасов, доставляют прямо к операционным, чтобы хирурги и сестры могли подкрепиться на ходу.

Оперировала Мартышкина Ольга Львовна Барышникова. Старожилы помнят, как появилась под Курском девчушка в туфельках на высоком каблуке, в красном с белым горошком платье, в шелковой косыночке на голове. В руках держала пакет с сургучной печатью: предписание из Москвы. Девушка только что кончила 1-й Медицинский институт, пробовала оперировать на последнем курсе. Предписание принял начальник медсанбата, припечатал ладонью по столу: хирургом, так хирургом!

Первую операцию делала Ольга на Курской дуге. Движок не работал, у операционного стола стояла керосиновая лампа. Больной находился в тяжелом состоянии, общий наркоз в таком случае применять нельзя. Волновалась, видно, сильно Оля: брызги новокаина для местного обезболивания попали на стекло лампы, она погасла. Ворчала старшая сестра. Но все же нашли выход из этого трудного положения.

Потом медсанбатовцы узнали о большом горе Оли Барышниковой.

Родилась она в селе Головчино Могилевской области. Мама хлопотала по дому, а папа работал кузнецом. В семье росли три сестры и брат. У мамы случился однажды тяжелый болевой приступ, спас ее хирург Гольштейн из Могилева. Тогда и сказала себе Оля: «Буду хирургом. Не оставляю детей без их любимых мам!»

Подруги отправляются в лес, в поле, а Оля спешит в медпункт, где орудовал фельдшер, чтобы вдоволь «падышаться» медициной, запахами йода, нашатыря.

Крови боялась, но в операционной никакого страха не испытывает, потому что здесь спасают жизнь!

Не шадит себя в работе Ольга Львовна а на сердце

постоянный камень. Расстреляли фашисты родителей и сестер, пропал без вести брат Гриша. Была она в составе комиссии в лагере смерти под Азаричами, видела тысячи и тысячи молодых людей, уничтоженных по-бандитски, выстрелом в затылок. Хоть и застилала глаза слезы, а все искала и искала среди жертв брата. Не нашла.

Приходилось работать Ольге Барышниковой и в полковом медицинском пункте, где частенько положение складывалось тяжелейшее. Погибли фельдшер Волкова, повар Понассейко, два хирурга получили ранение. Бывало, что фашисты бомбили и сам медсанбат. Ольга Львовна не раз была на волоске от смерти. Оперировала она под местным наркозом раненного в грудь и живот, не заметила, как опустела операционная. Раненый шептал: «Доктор, доктор, оставьте меня в покое. Люди в окопчике, а ты лезь под стол, он же железный!» Осмотрелась, когда заделала последний шов, палатка — в клочья, а между лоскутьев голубое небо.

Во время одного фронтового концерта подошел к Ольге Львовне красноармеец. Улыбка до ушей, вытянулся в струнку, ладонь к виску: «Разрешите доложить! Это — я. Помните операцию под бомбежкой? Как видите, в строю, воюю. Спасибо, доктор!»

Иногда машины с ранеными застревали на полпути к санбату, тогда хирург с сестрой и санитаром выезжали спасать людей. Оперировали прямо на носилках, о наркозе не могло быть и речи...

После одной такой поездки Ольга Львовна тяжело заболела. Терапевт из армейского госпиталя категорически заключил: «В тыл и немедленно. Может, выживет». Вот тогда она и не сдержала слез.

Командир медсанбата Афанасий Семенович Гапонько сказал на это, как отрубил:

— Никуда мы тебя, Оля, не отдадим. Сами выходим! И выходили.

Сразу же потянуло в операционную. Оперировал Тачмурадов, согнулся кочергой, наверно, скрутил его радикулит.

Увидел Ольгу, проворчал:

— Тебе еще рано за работу, лежи.

А санитар тут как тут:

— Будем мыть руки?

Так и встала она на пост. И пошло. Шьет вручную сосуды, оперирует сердце, легкие...

Баулин, слушающая рассказ Сережи Аракчеева, ерзал на стуле. Не утерпел, подковырнул Мартышкина:

— Что скажешь, ле-то-пи-сец!

— Все верно, — без обиды ответил Мартышкин. — Не все моменты отражены. Сложу, сложу еще я свой сказ. А вы пока пропечатайте про Барышникову, свет Ольгу. Тогда вам от меня земной поклон.

Мартышкин прав, подумал я, не закатишь же очерк Аракчеева на всю полосу, не к месту и не ко времени, про Барышникову пусть напишет...

Лето 1944 года. Выиграны сражения за Днепр и Правобережную Украину, сокрушены вражеские укрепления под Ленинградом и в Крыму. Возвращены Родине почти вся Украина, Крым, Ленинградская и Калининская области. Форсированы Южный Буг, Серет. Ждет полного освобождения Белоруссия.

24 июня началось наступление под Бобруйском. Прорывать брешь в немецкой обороне пришлось не так, как намечалось ранее. Спутал все карты дождь. Летчики не в силах были помочь пехоте. Пришлось идти за артиллерийским огневым валом. Не помогли немцам открытая местность и раскисшие болота. Наши части прорвались к Березине, отрезали все пути отступления. Многие дивизии врага оказались окруженными в Бобруйске и его окрестных лесах. Это случилось 27 июня. А через два дня вся окруженная группировка немцев была разгромлена. 29 июня Бобруйск стал уже глубоким тылом. Наступающие части к этому времени продвинулись на сотни километров.

В обороне газета рано утром попадала к солдатам. А как будет в большом наступлении? Все тыловые службы на машинах, только наша типография на конягах. Начальник политотдела Буцол заверил:

— Первая трофейная машина — ваша!

Машина машиной, а где возьмешь водителя?

Обрадовал старшина Сергеев:

— Полный порядочек, товарищ капитан! Наш наборщик и конюх Митя Рябоволенко водил когда-то танкетку.

— Что же ты раньше молчал, голова садовая! Давно бы с машиной были!

— По правде сказать, товарищ капитан, я и сейчас считаю, что с лошадаками сподручнее. Машина то забуксует, то мотор у нее зачихает, то вал какой полетит, а наши серые никогда не подведут. На них по любой тропочке, по любой дороге, по любому оврагу... Тише едешь — дальше будешь!

— Тоже мне мудрец! С тобой как раз побываешь в Берлине! — возмутился я.

Старшина, сверкнув глазами, ушел. Неделю будет теперь дуться.

На этот раз я ошибся. Не прошло и часа, как у наших палаток загрохотала полуторка, за рулем сидел красный от напряжения Митя. Из кабины выпрыгнул Сергеев.

— Вы плохо знаете своего старшину, товарищ капитан! Хлоп в ножки командиру автороты — и, пожалуйста, машина! Так что прежде чем обижать подчиненных, надо их слабые и сильные стороны изучать!

За хорошее дело я простил старшине эту маленькую потапию. А он словно преобразился, отдавал одно распоряжение за другим. Появились будто из-под земли доски, брусья, брезент. Раздобыли где-то пилу, гвозди, толстую иглу с дратвой. К вечеру полуторку переоборудовали в спецмашину. Потренировались размещать в кузове наборные кассы, печатную машину, радиопаратуру, ящики с продуктами. Офицеры и солдаты облюбовали себе места. Хорошо! Такое и во сне не снилось!

Тут как раз пришло распоряжение перебазироваться в деревушку в пятидесяти километрах от Бобруйска. Маршрут отмечен на карте.

Погрузились. Весь личный состав и имущество редакции — в кузове, я — в кабине, рядом с Митей.

— Ну, танкист, вперед, на запад!

Митя Рябоволенко завел мотор, кабина наполнилась гарью. Под кузовом что-то заскрежетало. Рябоволенко трогал то один, то другой рычаг, машина дрожала, но не двигалась с места, будто примерзла.

— В танке все проще, — рассуждал сам с собой Митя. — Там, помню, тягу на себя возьмешь — и машина пошла. Никаких тебе шарниров и тонкостей. К тому же там гусеницы, а тут колеса.

Мелькнула в голове опаска, как бы этот бывалый танкист не угробил нас. И вдруг машина неожиданно рванулась, выскочила на лежневку и понеслась по бревнам. Замелькали перед глазами кусты.

— На какой скорости гонишь, Митя?

— И сам не знаю! На какой вышло!

Увидев впереди какое-то препятствие, Митя бросил руль, ухватился обеими руками за рычаг. Грузовик со всего маху соскочил с настила, колеса зарылись в зыбкий грунт. Из кузова выпрыгнули перепуганные пассажиры. Танкиста лихорадило. Мотор кое-как заглушили и до шоссе машину катили вручную.

Досталось «на орехи» старшине Сергееву от всех сотрудников редакции.

— Теперь, товарищ старшина, мы знаем твои сильные и слабые стороны!

— Может, за лошадьми вернемся, как думасшь? На них сподручнее.

— Запряжем в машину и — «тише едешь — дальше будешь»...

А Митя оправдывался:

— Это старшина подбил меня назваться водителем. Среди танкистов я, правда, был, бензин на лошадях возил. Ну и видел, конечно, как ребята машину с места трогали. Дело вроде нехитрое!

Старшина скрипел зубами, всю дорогу не проронил ни слова.

Привалы становились все короче и короче. Батальоны и полки преследовали врага. Штабы то и дело меняли дислокацию. Нам для выпуска номера требовалось не менее ночи. Просидишь больше — не догонишь своих. Одна ночь! За это время надо принять сообщение ТАСС, набрать текст, сверстать гранки, сверстать и вычитать полосы, отпечатать номер. Дорога минута, а иногда попусту летят целые часы.

Бесили суета и нерасторопность старшины. Загружали машину навалом, а после броска не находили то антенну, то аккумулятор или ящик с продуктами.

Порядки, заведенные в обороне, явно не годились. А как же лучше приспособиться к работе в условиях большого наступления? Решил попытаться старшину.

— Что требуется солдату на большом привале в первую очередь?

Старшина мялся, чувствовал в вопросе подвох.

— Дело ясное, — пришел на выручку Баулин. — Пожрать! Чего же еще!

— А что нужно в первую очередь для редакции?

— Связь с Москвой! — бойко заявил Аракчеев, выдвинувшись петушком вперед.

— Все правильно! А какой вывод?

Старшина качнул головой и развел руками.

— Не знаешь; Объясню: надо, чтобы при погрузке и разгрузке каждый человек знал свое дело. В последнюю очередь грузить то, что потребуется прежде всего.

Повернулся к другим:

— Баулин!

— Я, товарищ капитан!

— Запомни раз и навсегда: ты отныне отвечаешь не только за печатную машину, но и за приемник, аккумулятор и антенну. Как будешь действовать?

— Грузить радиоаппаратуру под самый конец.

— Горошкин, Рябоволенко! За вами — наборный цех. Бондаренко! За тобой — суп и каша.

С этого дня дела у нас пошли лучше. Машину мы постепенно освоили. На привалах Баулин носился с антенной. Он словно нюхом обнаруживал длинные шесты. Как аркан, забрасывал провод повыше. Через несколько минут включался приемник, слышались позывные Москвы. Дежурный офицер записывал сообщения ТАСС. Стояли на удобных местах, поближе к свету наборные кассы. Когда типография была развернута, гремел котелками Бондаренко. Суп, каша и чай — пожалуйста! На аппетит никто не жаловался. Старшина, поглаживая живот, изрекал:

— Неплохо получается, товарищ капитан. На сытый желудок и работать веселее.

— Давно бы эту истину надо было уяснить, товарищ старшина. Знай теперь, что такое специализация!

Белорусские котлы. Июнь 1944 года. Как не похож он на июнь 1941 года! Котел под Бобруйском. Котел под Витебском. Оставшиеся в строю фашисты бегут по тропкам и дорогам, в сторону не свернешь — кругом топи. С ними разделяются партизаны. Они бьют врага, разрушают перед отступающими мосты. А их не перечесть, и возле каждого пробка: удобная цель для нашей авиации.

Гремели в эти дни имена прославленных советских полководцев: Жукова, Малиновского, Рокоссовского, Толбухина, Говорова, Черняховского, Конева, Баграмяна, Еремешко, Мерецкого.

Устами Левитана ежедневно оглашались на весь мир приказы Верховного Главнокомандующего. Назывались сотни освобожденных сел и городов. Сообщались имена командиров всех родов войск, осуществивших удачные операции. Войскам объявлялась благодарность.

Наступление началось 24 июня. А ровно через месяц разгромлена центральная группировка войск противника. В этот яркий летний месяц показали образцы взаимодействия фронты — 1-й Прибалтийский, 2-й и 3-й Белорусские. Освобождены столица Советской Белоруссии Минск, столица Советской Литвы Вильнюс, города Витебск, Могилев, Вилейка, Пинск, Полоцк, Орша, Бобруйск, Борисов, Жлобин, Ковель, Осиповичи, Молодечно,

Гродно, Лида, Слоним, Волковыск, Паневежис. Потери немцев составили: убитыми около 400 тысяч солдат и офицеров, взято в плен около 160 тысяч, в том числе 22 немецких генерала — командиры крупных частей и соединений.

Подтвердились в те дни слова Суворова: «Ничто не может противиться силе оружия Российского!»

Набирая очередную сводку, старшина Сергеев заметил:

— Бьют врага в три шеи и пехота, и артиллерия, и танки, и авиация. Каждый знает свое место и дело. Выходит, товарищ капитан, что наши летние котлы тоже результат специализации?

— А то как же!

Мы гордились тем, что наступали под водительством маршала Рокоссовского и генерала Батова. Стремительные броски совершали танки, мотопехота. Что ни день, то радостное известие. Освобождены Барановичи, Люблин, крепость Брест!

Это наступление не было легкой прогулкой. Военная мудрость и воинское мастерство проявлялись в большом и малом. Уничтожались вражеские войска в котлах под Минском и Брестом, и в это же время шел неравный бой на безымянной высоте и у пограничного Буга. Немцы не скупались на снаряды и мины, они бросались в одну контратаку за другой.

Письма, статьи, зарисовки об этих событиях поступали секретарю редакции Сереже Аракчееву. Он мог работать с большой отдачей в любых условиях и днем и ночью, схватывал на лету подсказанную ему мысль, охотно правил солдатские письма.

Во время боев в Белоруссии я попросил Сережу:

— Надо дать что-то в печать, ведь то, что происходит сейчас, пожалуй, только в стихах высказать можно: Беловежская пуца, после грохота орудий — оглушительная тишина, пьянящий воздух, тучи комаров и диковинные зубы.

— Напишу, — тихо ответил Сережа.

Горяч бой, но после него выдаются минуты, когда солдату особенно хочется шутки, острого слова. Зная об этом, Сергей Аракчеев взялся вести в газете поэтический раздел «Будни Кости Русакова, по профессии стрелка». Русакову присвоили звание сержанта, и свалились на него тысячи забот. Повел Сергей своего Русакова в атаки,

в схватки с танками, в разведку, в вылазки за «языками». Не было, пожалуй, в нашей дивизии бойца, который не знал и не любил бы этого отважного и веселого сержанта. Костя Русаков представлялся иногда реальным человеком даже для нас, его создателей.

Сергей Аракчеев в своих стихах умел органично сочетать рассказ о «технологии» солдатских дел с поэзией. Мы подшучивали над ним: он, дескать, способен любой устав стихами выразить.

А что, и выразил, если бы это понадобилось.

Ушли в предания белорусские битвы. Будто только вчера плелись по проселкам и шляхам тысячи и тысячи пленных. Некогда было их конвоировать. Помогла немецкая самодеятельность: обезоруженные солдаты и офицеры сами выстраивались в колонны. Старшему по чину вручали карту, указывали пункт назначения и — шагом марш! Подгонять колонны не приходилось. Голодная, вшивая солдатня перла к указанному месту, чтобы скорее насытиться у походных кухонь.

Из родной Белоруссии идут хорошие вести. Всего лишь полтора месяца назад под Бобруйском шли бои по окружению немецкой группировки. Это было в начале июля, а уже в августе в Бобруйске вступили в строй некоторые промышленные предприятия, на Березине курсируют суда, начала выходить на родном языке газета «Коммунист». Населению выданы продуктовые карточки, пенсионеры получили денежное пособие, готовятся к новому учебному году школы, действуют больницы, медицинские пункты, детские сады. Скошены на полях озимые, зерно поступает на заготовительные пункты.

Живи, трудись, радуйся, освобожденная земля. Пожелай нам скорой победы.

На польской земле. Из Беловежской пуши — стремительный бросок к реке Нарев. Здесь, на рубеже Висла — Нарев, фашисты готовили очередной «неприступный оборонительный вал».

Реку Нарев большой не назовешь. Кос-где ее можно перейти вброд. Этот водный рубеж с широкой поймой наши пехотинцы преодолели почти бескровно. Вырвавшиеся вперед подразделения захватили высокий западный берег, столкнули немецкие заслоны и окопались. Главные силы были еще далеко, а немцы предпринимали контратаки одну за другой. Они пустили в ход танки, тяжелые орудия. А у наших солдат лишь стрелковое ору-

жие да легкие минометы. Завязались рукопашные схватки, люди стояли насмерть. Но вот развернулись наши батареи, подоспели «катюши». Контратаки врага захлебнулись. На плацдарме наступило затишье.

Приближалась зима. О ней напоминал сизый иней по утрам на голых полях. Крестьяне польских деревень убрали урожай даже возле передовой, подняли зябь.

Днем на плацдарме — зловещее безмолвие, а ночью за холмами, в глубине вражеской обороны, натужно гудели моторы.

В октябре немцы неожиданно начали артподготовку. Земля заходила ходуном. На узком участке фронта бросились на наши позиции несколько немецких дивизий. Сотни танков рвались через проволочные заграждения и минные поля.

День за днем не умолкал бой. Фашисты предпринимали одну атаку за другой. Гитлер приказал своим солдатам умереть, но вырвать из советских рук пистолет, направленный в сердце Германии. Так называл фюрер плацдарм на Нареве.

Военный Совет фронта в эти дни обратился с письмом к бойцам, сержантам и офицерам. В нем говорилось: «Родина никогда не забудет славных героев Наревской битвы, повторивших стойкость сталинградцев.

Слава героям наревского плацдарма!

Своими подвигами они вписали новую страницу в историю блистательных побед Красной Армии.

...Славой Сталинграда, Курска, Днепра и Белорусской битвы овеваны наши знамена!

Недалек тот час, когда мы снова пойдем вперед на Запад, чтобы окончательно добить раненого немецкого зверя в его собственной берлоге!»

Семь дней! В нынешней мирной жизни неделя пролетает незаметно. А тогда счет велся на часы и минуты.

Капитан Аипов и недавно прибывший к нам литсотрудник Иван Казаков постоянно совершали вылазки на передовую и с ходу выкладывали на бумагу факты о подвигах. В тот же день они попадали в газету, на страницах которой мы вели прямой разговор с воинами:

«Товарищ! Ты помнишь тот памятный день, когда мы следом за отступающим в панике немцем ворвались на правый берег? Тогда командование сказало нам: — Молодцы! Вы открыли ворота в Германию!

Помнишь, как огрызался враг? Тогда земля, на которой ты ведешь сейчас бой, была полита потом и кровью

твоих боевых друзей. Помнишь, как с горсткой бойцов дрался старший лейтенант Соколов? Окруженные со всех сторон, герои не пали духом. Когда не стало патронов, они ловили на лету немецкие гранаты и бросали обратно. Потом, в самый критический момент, они пошли врукопашную, истребили немецкую роту и пробили дорогу к своим.

Враг притих. Но мы знаем, что раненый фашистский зверь огрызнется еще и еще, и оно это сделал. Танками, огнем он силится пробиться к реке.

Будь стойким, товарищ! Путь на Берлин, в берлогу зверя, лежит через крепость, которую ты обороняешь, через твою ячейку, через твой окоп!»

На двух страничках нашей газеты находилось место и для страстного призыва, и для песни, и для бесхитростного рассказа бывалого солдата. Старший сержант И. Чижиков сумел на передовой написать статью «Расчет, хладнокровие!»

«В последнее время, — сообщал старший сержант, — гитлеровцы пустили в ход тяжелые танки под названием «Королевский тигр». В отличие от других танков у него усилена лобовая броня. Бить в лобовую броню не следует. Если танк идет прямо на позиции, надо целиться под основание пушки, чтобы заклинить башню. Скорость у этого танка небольшая, есть возможность спокойно навести орудие и ударить наверняка, тем более что любой немецкий танк не выдерживает, если артиллерийский снаряд попадает под гусеницу или под башню».

Правильно написал старший сержант: на наревском плацдарме не спасла гитлеровцев броня.

За семь суток боя, как выяснилось позже, немцы потеряли 348 танков и около 12 тысяч солдат и офицеров.

Плацдарм остался за нами.

Напряжение спало. У всех одно желание: спать, спать! Офицеры редакции, как сговорившись, отстранили меня от ночных дежурств у приемника. Но в одну из тех почей капитан Аипов все же меня растормошил:

— Важное сообщение, товарищ капитан!

— Неужели не терпит до утра?

— Да вы послушайте. «За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» генерал-майору Джанджгаве Владимиру Николаевичу».

— Ну и что?

— Как что? Надо же немедленно сообщить об этом командиру нашей дивизии.

— Сейчас же ночь.

— Не грешно и разбудить генерал-майора ради такой весточки. Пройдемте к заместителю начальника дивизии по тылу, у него прямая связь с плацдармом.

Командир дивизии, услышав, что его разбудил какой-то капитан Петров, возмутился, но затем, поняв, в чем дело, пробасил:

— Благодарю за хорошую весть, редактор!

К вечеру мы остановились в полусгоревшем польском селе, неподалеку от реки Нарев. Здесь нам предстояло обосноваться, как обычно, по-походному и выпускать газету в ожидании, когда приказ поднимет нас и бросит вслед наступающим войскам.

Облюбовали крайний дом: Он выглядел нежилым.

Но уже через минуту выяснилось, что дом обитаем. В нем жила пожилая крестьянка с сыном и дочерью. Хозяйка была молчаливая, хмурая, в черном платке. Мы приютились в боковушке. Старшина очень вежливо всякий раз переспрашивал, можно ли взять стул, освободить стол для наборных касс, пытался шутить, но женщина ни разу не улыбнулась, в ее лице жила настороженность.

Кто-то из солдат-наборщиков, оглядев через окно по-осеннему золотой сад, голые, без плодов, деревья, сказал колдовавшей у печи хозяйке:

— Мать! Нельзя яблочек раздобыть? Не бойся, в долгу не останемся.

— Нема,— коротко ответила она, не оборачиваясь.— Немец пшисто забрал.

— А яблочный дух в избе,— подмигнул солдат.

— Ладно,— оборвал его старшина Сергеев,— может, у нее, кроме яблок, ничего не осталось. Вся еда.

Хозяйка ушла в кухню, прямая, суровая. За ней последовала дочь, все время вертевшаяся рядом.

Потекли дни, привычные, фронтовые.

Как-то старшина заглянул в котелок на плите, там хлопотало мутное варево. Он тайком сыпанул в посудину крупы, распечатал банку тушенки. По избе поплыл аромат сдобренной мясом и салом каши.

Из дверей высунулось курносое личико дочки, два диковатых зеленых глаза под челкой удивленно оглядели солдат, разбиравших шрифты. Затем послышался басо-

витый голос парня: «Мам! Есть пора». А вскоре вышла и сама женщина, что-то неся в ладошке.

Она остановилась у плиты, будто замерла. Согнутая в локте рука разжалась, просыпав на шесток соль. Я видел, как, вскинув голову, она с минуту смотрела в угол. Ее лицо в лучах заката совсем еще, оказывается, не старое, а темное от худобы. И подумал, сколько вынесла она за войну, кто только не врывался сюда с автоматами в руках: и немцы, и полицаи. Выжила, детишек сберегла!..

А за окном в пожухлой траве непаханое поле, кругом запустение, и в нем золотым островком садочек яблоневого.

Она неспешно поставила чугунок на стол, не поднимая глаз, сказала детям:

— Проше сядать.

Дочь и сын были очень похожи, оба светлоглазые, только парень поскуластей. Девчонка, усаживаясь, так порозовела, что стали явственно видны крупные веснушки у переносья.

После обеда старшина, вытягивая кيسет, перехватил взгляд парня, поднес ему махорки.

Ночью стучала наша печатная машина, росла стопка пахнувших типографской краской листочков. Наши корреспонденты при свете каганца торопливо писали.

— Эх, есть классный заголовочек! — кричит Иван Казаков. На него шикали:

— Тише, люди спят!

А поутру сквозь сон мы слышали, как тихий басок сына переплетался с глуховатым материнским голосом. Парень уходил на работу, он был в доме главной силой, до седьмого пота вскапывал под зябь крохотный клочок земли. Одно название — пашня, но без нее жизни конец.

Однажды, когда я готовил в набор очередную корреспонденцию, в комнате появилась хозяйка и высыпала из фартука на стол кучу отборных яблок.

— Прошу, пане,— сказала она и вдруг заговорила торопливо, почти скороговоркой. Сквозь темную кожу на щеках проступил румянец. Слов мы не понимали, но смысл был ясен: женщина извинялась за тот, за первый раз. Старшина снова стал было отнекиваться:

— Что мы, дети? Не надо.

— Дети,— сказала она,— для меня такие, как вы,— дети.

К концу недели похолодало. Печь хозяйка топила только утром — сварить пойло для тощей коровенки, берегла дрова. Лес был недалеко, да там рвались мины.

Потом, укутавшись в старые шали, сидела в углу на кухне и без конца твердила: «Зимно, зимно». Стены продувало, но в семье даже не пытались утеплить жилье: нечем. Все внимание было приковано к сараю. Не дай бог, буренка застынет.

— Это на что же похоже, мамаша? — удивился старшина. — Сами мерзнете, а корова как барыня.

Женщина не отвечала, в ее глазах стоял укор: разве трудно понять, что корова — это молоко, масло на продажу. Откуда еще возьмешь гроши? А их надо копить, не день и не месяц, а годы. Одно платишко у дочери, и то в заплатках. А сыну пора бы уже жениться!

Как-то, вернувшись с передовой, капитал Аипов привел во двор лошадь. Надо было на нее посмотреть! Вся в лишаях, тощая, едва переступала ногами. Капитан ругался на чем свет стоит: задержался в пути часа на два, теперь придется ночью корпеть над материалом. Но при всем этом вид у него был довольный, глаза под козырьком блестя.

— Это еще что за фокусы? — удивился я.

— Очень просто, — ответил капитан. — Заглянул на ветпункт, к знакомым. Скотинку эту хотели пристрелить. Ну уговорил врача, отдал мне лошадь. Вот, — поставил он на землю какую-то банку, — лекарством раздобылся.

Он подмигнул мне, крикнул старшину, они о чем-то пошептались.

Наутро старшина Сергеев достал где-то полмешка овса, и вместе с капитаном они накормили коня, почистили, затем вымазали его жидкостью из банки. Запах шел такой, что заглушил во дворе все другие ароматы. Солдаты пробежали мимо, зажав нос.

Не один день животное простояла в уголке сарая, и старшина каждую свободную минуту навевался к ней, подкармливал. А потом вывел коня во двор и позвал хозяйку.

Она появилась на крылечке, сложив руки под грудью, с недоверчивым любопытством и робостью глядела на старшину.

— Пани, — сказал старшина каким-то позванивающим от волнения голосом. — Пани... Ну, одним словом... Не могу я речи говорить...

Глаза их встретились. Старшина кашлянул... Подбородок хозяйки задрожал.

— В общем, бери подарок от Красной Армии. — Старшина махнул рукой и пошел к дому. В дверях хо-

зайка взяла его за рукав и молча ткнула лицом ему в плечо.

Несколько дней мать, сын и дочь буквально не выходили из сарая, возились с лошадыю, по очереди обмывая каждую болячку. Кормили ее, как ребенка, по часам. Тут же гудела железная печка, на ней грелась вода. И свершилось чудо! Животное будто обросло новой шкурой, шерсть стала гладкой, блестящей. По утрам лошадь встречала своих спасителей тихим ржанием.

Вскоре мы получили приказ двигаться дальше, готовилось наступление. Вся семья вышла нас провожать. Хозяйка молча терла глаза кончиком шали, что-то шептала вслед, крестясь: может быть, молила о том, чтобы мы остались живы, чтобы жили счастливо люди, оставившие в этом доме добрую память.

Новый год всегда праздник, даже на фронте. Верстается свежий номер газёты. Старшина Алексей Сергеев с большой торжественностью ставит на первой полосе: «Советский патриот», № 1, год 1945-й.

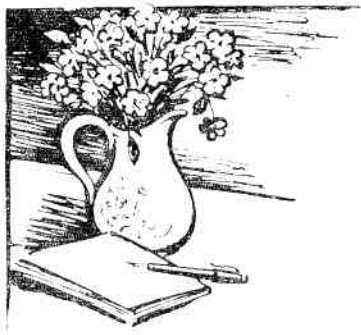
Газету поздно вечером отправили на полевую почту. Вся редакционная семья в сборе. Ребята прихорашивались: отмыли руки керосином, горячей водой отдраили шею и лица, пришили новые подворотнички, надели на гимнастерки ордена и медали.

В землянку принесли елку. Нашлись мишура, свечи. Под бой московских курантов зажгли огоньки. Блиндаж наполнился домашним теплом и уютом. Первый тост — за скорую победу! Многие приметы говорили о том, что она уже близка.

На дворе мороз. Над лесом бездонное звездное небо, в воздухе мирная тишина. Немец притих. Мы устояли на маленьком клочке земли на западном берегу реки Нарев. Свидетели недавних боев — неуклюжие чудовища, замершие на ничьей земле. Фашисты бросили их в бой прямо с копвейера. Машины не прошли даже заводских испытаний, кое-как они добирались до передовой. Тяжелого груза брони не выдерживали катки. Теперь эти полуразбитые танки служат хорошей защитой для наших разведчиков и снайперов.

Немцы ослабли, а в нашем прифронтовом тылу новые резервные части. Чего там только нет! Мощные дальнобойные орудия, танки КВ и ИС, «катюши».

Настроение у солдат и офицеров превосходное. Еще бы: к Новому году многие получили ордена и медали.

ГОД СОРОК ПЯТЫЙ.
В ЛОГОВЕ

ПРУССИЯ. В январе наша артиллерия возвестила о начале мощного наступления. Казалось, гнев всей России звучал в могучем гуле орудий. Каждый стремился к Берлину, но идти к фашистской столице довелось не всем. Войскам маршала Рокоссовского Ставка предписала разгромить немцев в районе Гдыни и Данцига. И двинулись мы не на запад, а на северо-восток.

Враг, отрезанный от центральной Германии, ожесточился. У него остался один выбор: прорваться к своим или умереть. Немцы превратили в крепости не только города и селения, но и отдельные строения.

Как воздух, нужен был для газеты материал, способный практически помочь воинам в этой новой обстановке. Наши корреспонденты находили опытных солдат и офицеров, которые хорошо изучили повадки врага в боях на городских окраинах, на улицах и перекрестках. Бывалые воины давали умные советы, как доставлять пищу в условиях городского боя, как выносить раненых, как распознавать вражеские «сюрпризы» и приманки. Никаких общих рассуждений! Только конкретные советы: не двигайся по прямым улицам, иди на штурм огневых точек дворами, через сады и огороды. Осматривай внимательно подвалы, погреба, чердаки.

Что ни день — новая тема.

...Вечерело. Часовой Костюшко вышел на пост. Немцев, по всем данным, не было близко. И вдруг автоматная оче-

редь. Откуда? Где враг? Всем взводом прочесали подвал, чердак, переворошили солому в сарае.

— Не померещилось ли тебе? — спрашивали часового. Успокоились, разошлись на ночлег.

И вдруг — новая очередь. Пули прошили снег возле ног бойца Костюшко. Он заметил: стреляли с крыши дома, где свили себе гнездо аисты. Воины дали туда хорошенького огонька, на землю скатились два немецких офицера.

Командир взвода прочитал мораль: ни дереву, ни бревну не доверяй, на вражеской земле опасность подстерегает на каждом шагу. Ухо надо держать остро!

...На перекрестке небрежно рассыпана колода повенских игральных карт с пошлыми яркими картинками. Солдат бросился собирать.

— Стой! — приказал сержант.

Осмотреть перекресток поручили саперу: возле карт он обнаружил мины.

— За картинками потянуло, в носу от них защеколота! — ворчал сержант. — Так и голову ни за грош можно потерять!

В конце марта десятки вражеских дивизий были прижаты к морю, к двум крупным портам на Балтике — Гдыне и Данцигу. Врага, окопавшегося в крепостях, с моря прикрывали огнем немецкие корабли, но это не помогло. Пала Гдыня. Очередь за Данцигом.

Наши самолеты разбрасывали над городом листовки. В них — ультиматум Рокоссовского. Продолжать сопротивление бесполезно. Во избежание бессмысленных потерь гарнизону предлагалось капитулировать. В случае, если ультиматум не будет принят, наш командующий советовал жителям покинуть город.

Ультиматум остался без ответа. Слова благоразумия — не для фашистов. Начался штурм. Данциг окутался дымом пожарищ. Из города хлынули тысячи мирных жителей. Потоки беженцев заполнили дороги. Старые и малые спешили подальше от ада. Немцы располагались таборами на площадях и улицах пригородов Данцига. Многие из них, особенно женщины, укутанные в шали и одеяла, жались от страха, ожидая расплаты. И каково было их удивление, когда то здесь, то там появились походные кухни с дымящимися щами, кашей и крепким чаем!

— Подходи, не трясись! Не съем! — говорил brave повар.

Немки не верили, подсылали для проверки детей: русские не тронут маленьких!

Голод, как говорится, не тетка. У кухонь выстроились хвосты удивленных, растерянных беженцев.

А в Данциге жарко. События развивались настолько стремительно, что невозможно было рассказать о них в газете. Решили перейти на выпуск листовок. Отпечатанные на цветной бумаге, бабочками летели они в боевые порядки наших полков.

30 марта все стихло. Данциг — наш! Война теперь где-то далеко. Войска маршала Жукова стоят на Одере. Там — последние приготовления к решающему сражению. Нам надо спешить туда...

Последние броски. Войска Рокоссовского форсировали Одер южнее Штеттина, прорвали вражескую оборону и продвинулись вперед на 30 километров. По приказу Верховного Главнокомандующего нам снова салютовала Москва.

Наборщиков не надо было подгонять. Экстренные сообщения набирались удивительно быстро и четко. Сережа Аракчеев предложил рифмованную шапку, ее поставили на первой полосе, выше заголовка: «Нас маршал отметил в приказе своем, быстрее последние версты пройдем!»

Все спорилось в нашем редакционном коллективе. И вдруг, как на грех, раскапризничалась «Бостонка», сломался рычаг. И как раз в тот момент, когда поступил приказ двигаться вперед. Авторота трогается в путь, а мы умоляем людей отремонтировать рычаг, без которого невозможно отпечатать готовый номер, да еще какой номер! Собрался целый консилиум. Предлагают поставить заклепки, наварить скобу. Лучше всего заварить трещину при помощи автогена, но где его возьмешь? Походная мастерская располагает только электросваркой.

Уходят драгоценные минуты, часы. Трудно будет нагонять своих. Но самое главное: газета с хорошими вестями не попадет утром в полки и батальоны.

Только в полдень мы подъехали к Одеру. На подступах к реке колонны с боеприпасами, тяжелая артиллерия, зенитки, санитарные машины. Техника в несколько рядов, а действует лишь один понтонный мост. Руководят переправой волевые командиры. За малейшее нарушение крепко попадает провинившимся. Не принимается во внимание ни чин, ни род войск, ни просьбы, ни уговоры. При-

кинули: если ждать очереди, будем «загорать» до вечера.

Не думали, не гадали, что груз, который мы везем в своей машине, обладает магической силой.

— Товарищ полковник, почитайте последние новости,— обратился капитан Аипов к одному из блюстителей порядка.

— «Приказ Верховного Главнокомандующего. Командующему войсками Второго Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Рокоссовскому, Начальнику штаба фронта генерал-полковнику Боголюбову...»

Эти строчки проглатывались одним махом.

— Где достал газету?

— Только что отпечатали. Пробиваемся к своим, да вот застряли!

— Дай еще номерок — и трогай по обочине!

Через пятьдесят метров та же картина.

— Куда без очереди?

— Почитай новости!

— Дай еще газетку! Да не скупись, не скупись!..

И мы на западном берегу. Мелькнули города Гарт, Пенкун, Шведт. Сады в буйном цветении. На балконах и окнах белые простыни и лоскутки — знак капитуляции.

Наконец, наша дивизия! Газета идет нарасхват.

— Молодцы! — говорит начальник политотдела Буцол.

...Литсотрудник Иван Казаков жаловался:

— Понимаете, товарищ капитан, места себе не нахожу. До сих пор был уверен, что умею переводить, а теперь, как ни пытаюсь разговаривать с немцами, они твердят только одно: «Нихт ферштейн», «Нихт ферштейн». Ума не приложу, в чем дело.

— Значит, плохо учил.

— Да нет, вроде в отличниках ходил.

За Одером остановки короткие. Привал на ночь — и снова в путь. Иван Казаков заметно повеселел, оказывается, он, наконец, встретил немцев, которые пачали его понимать.

Догнав штаб, мы облюбовали себе помещение для отдыха. Казаков любезно объяснил хозяевам дома, что нам надо. И тотчас же освобождаются комнаты для наборных касс, печатной машины, радиорубки.

Просьбы выполняются беспрекословно. Во всем — подчеркнутая угодливость. А в глазах немцев, особенно женщин — животный страх. Казаков объяснил мне: толь-

ко что работало немецкое радио, приказывало кончать жизнь самоубийством. Лучше, мол, умереть, чем испытать погромы, насилие со стороны русских варваров...

Степенная дама, хозяйка дома, что-то обеспокоенно объясняла Ивану Казакову. Тот обратился ко мне:

— О вас тревожится. Почему господин гауптман ложится спать без ужина?

— Будь друг, сделай так, чтобы хозяйка поскорее ушла. Ведь сам знаешь: неделю сапоги не снимали, фрау в обморок упадет.

— Понятно, товарищ капитан! Сейчас все уладим!

И вот впервые за годы войны — просторная кровать, накрахмаленные наволочки и простыни, пуховые подушки.

Ребята гурьбой ввалились в особняк. Его парадный вход с мраморными колоннами чем-то напоминал старинную русскую усадьбу. Затхлый, застоявшийся воздух, могильная тишина. Видно, господа и их челядь давно покинули это некогда обжитое гнездо.

Старшина Сергеев, шагавший впереди, снял с плеча автомат, ударил сапогом в массивную дверь, сверкающую позолотой. И тут все замерло.

Огромный зал, полный солнечного света, увешан гобеленами. В проемах окон торчат морды оленей с огромными рогами. Пол, как весеннее мшистое болото, зеленел ворсом новеньких ковров. В зале стояли кресла, диваны с фамильными гербами. На них, как на вокзале, сгрудились пожилые люди. Сухопарая фрау, дремавшая в каталке поближе к двери, дрожащими руками подняла лорнет. Из-под увеличительных стекол смотрят на автомат старшины оловянные глаза с расширенными зрачками. Бескровные губы слегка вздрагивают.

— Вот так встреча! — выдавил старшина, опустив автомат.

У солдат одно желание — вздремнуть хоть часок. Спать, спать! И тебе дом, что дворец, и отдых, похоже, что не короткий. А в доме не кто-нибудь, а фашистская знать с «голубой кровью». Бежали все от «русского зверя», подгоняемые речами Геббельса — бесноватого из Берлина, и обмишурились, не ждали, что незваные гости нагрянут как снег на голову. Возись теперь с ними.

Спать, спать, спать!

У Мити, дремавшего на ходу, вырвалось ядреное русское словечко, видно, не нуждавшееся в переводе: немцев как ветром сдуло.

Сергеев соображал: лучше этой комнатухи с рогами для наборного цеха не подобрать. Свету — хоть отбавляй, окна — что двери. Машину к карнизу — и полный производственный цикл. На коврах наборные кассы, а в машине печатный цех.

Скоро все устроилось. На посту дневальный, а остальные на боковую.

Ночью на дежурство у приемника заступил Сергей Аракчеев. На него можно было положиться: запишет все до последней запятой. И на этот раз Сергей сосредоточен до предела. Он, как обычно, обращал внимание на точность записанных слов и фраз, не сразу вникая в смысл. И только после сверки, когда был выключен приемник, он прочитал весь текст насквозь. Радио сообщило о том, что в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Не помня себя от радости, Сергей закричал:

— Конец! Конец! Конец!

Протирая сонные глаза, солдаты ворчали:

— Обалдел, что ли? Дерет горло среди ночи! Какой еще конец?

— Войне конец! Читайте!

Без команды, как-то само собой, наше небольшое воинство грянуло «ура!».

Печатник Баулин носился с шестами, орудовал топором и молотком. Вскоре у входа в замок трепетали два полотнища: справа — красное, слева — белое. На просторном дворе баронского имения он толковал взбудораженным людям, появившимся на свет, будто из щелей:

— Красное — Победа! Наша Победа! Белое — капитуляция Германии! А в общем и целом выходит: криг капут! Криг капут!

— Криг капут!— повторяли немцы.

Затем радио стало приносить одну весть радостнее другой. Войска Рокоссовского встретились с союзными войсками. Форсирован пролив Штральзунддервассер. Советские войска на острове Рюген. Приказ Сталина, возвещающий о Победе, его благодарственные слова, обращенные к народу.

Мир!

В наборном цехе устроили застолье. Тост за тостом. В них мечта о родной стороне, о семье, о детях. О тех, которые есть, которых не видели в глаза, и о тех, которые будут...

Боже мой! Как мы отвыкли от мирной жизни, от ее когда-то привычных и потому незаметных маленьких

радостей! Годы смотрелись в маленькое стеклышко. Видели глаз, нос, подбородок. А теперь стоит человек перед зеркалом и глядит на себя во весь рост! И ничего. Вид еще бравый. Правда, галифе и гимнастерка подзасалились, поистерлись. Но подворотнички свежие, ослепительно белые на загорелой шее. Сапоги хоть и кирзовые, а блестят, как лакированные. Проведешь рукой по щекам и подбородку — ни одной щетинки. Вот что значит побриться не спеша, с мыльной пеной. Охнуть от одеколона, который шпарит кожу почище кипятка.

А какими будем, если наденем сшитые по размеру пиджаки, брюки навыпуск. Вытащим из комодов, которые сейчас за тридевять земель от нас, рубашку, подберем галстук — чтоб он шел и к лицу, и к сорочке, и к костюму. Мать честная! Ведь все это было. А теперь, хорошо знаем — будет! Но не вернуть пропавшие лучшие годы. За это время горы бы свернули, к каким высотам поднялись! То один, то другой из нас, оторвавшись от работы, присаживается на крыльцо, дымит, размышляет, размышляет...

Вольготно чувствовали себя дежурные по пищеблоку: не раздувать до умопомрачения костер из сырых поленьев, не возиться у прокопченного ведра со щами или кашей. Напялил белый халатик, колпак и орудуй в свое удовольствие в огромной кухне. Пол из цветных плиток, что шахматная доска. На стенах — белый кафель. Луженые медные котлы всех калибров, сковородки, эмалированные кастрюли.

Дежурный, заявившись в наборный цех, спрашивал:

— Что желаете на завтрак?

— А что предложишь?

— Парное молочко, глазунью, отварную картошку.

Приправа на выбор — соленые огурчики, капуста, как ее, не выговоришь... про-ван-саль.

Дежурный куражился, но это не был розыгрыш. Управляющий именем по своей ли воле или по указке господина доставлял спозаранку на кухню много всякого добра.

Как-то утром заступил на дежурство по пищеблоку печатник Баулин. Прохаживаясь около касс, он, кроме всего прочего, предлагал «кофею или какавы». Старшина побагровел:

— Хватит! Кончай спектакль! Чего ты вертишься с бумажкой да карандашиком, как официант. Чего изволите? То — Горошкину, се — Бондаренко. Пора переходить на армейское довольствие. Армия на то и армия,

чтобы сегодня здесь, а завтра там. Сегодня в баронских хоромах, а завтра знаешь где? И я не знаю. Так что пузо людям не трави, это раз. А вот и два: подачки с господского стола не к лицу нашему брату принимать...

А работа шла своим чередом. День за днем ложатся литеры в верстатку, рождаются слова, фразы. Растут колонки. Старшина работает неторопливо. Замыкая набранную строчку, шевелит губами.

— Ты не спишь, разом? — спрашивают ребята.

— Сами поменьше носом клюйте! Наберут шатай-валяй, козел на козле. А потом перегоняй строки, особенно в полосе.

Во время верстки Сергеев особенно сосредоточен. Он вроде бы колдует над заголовком, шапкой, линейкой. Казалось, что во время этой напряженной работы он не обращал внимания на смысл статей и заметок. Но память у парня была удивительно цепкая. Он толково рассуждал о событиях в мире и родной стране. Слова у него были свои, нестертые.

Батраки сначала робко, а потом увереннее присаживались к ребятам на скамеечку во дворе усадьбы, протягивали портсигары.

Старшина в ответ предлагает попробовать нашу русскую махорку.

После первой затяжки немцы закатывались в кашле, лица их становились синими.

— Отойдет, — успокаивал старшина.

Но на вторую затяжку немцы не решались.

— Наше добро, видно, вам невпрок. Курите уж свои, поморощенные. Только в тех сигаретах не табак, а траванольня. Она не прочищает мозги, а только горло дерет.

Незаметно Сергеев увлекся разговором, хотя знал по-немецки всего несколько фраз. После каждой фразы для большей убедительности произносил: «Ферштейн? Ферштейн?»

Он пытался объяснить немцам, что час победы пропал. Тишина на земле и в небе. А Красной Армии передышки еще нет. Прижали, наступили на хвост фашистам в Курляндии, взяли там в плен ни много ни мало сто восемьдесят тысяч солдат и унтер-офицеров плюс восемь тысяч офицеров плюс сорок два генерала.

Лица собеседников нашего старшины были безучастны. А когда Сергеев сказал, что с 9 по 13 мая число пленных перевалило за миллион, у немцев свело скулы. Опомившись, они забормотали: «Я, я».

Через несколько дней Сергеев показал на пальцах крест.

— Капут фашистам на всех фронтах. Все в плену. Ферштейн?

Вечерами на перекурах управляющий стал появляться вместе с батраками.

Старшина, будто сам для себя, вспоминал Россию, где разруха, скудный паек. А народ щедр, как всегда.

Май. В эту пору проходит подписка на заем. Государство рассчитывало получить двадцать пять миллиардов, а советские люди дали двадцать шесть с лишним. Это надо понимать!

Город Ленина. Сколько мук выпало на его долю! Не все пока знаем. Будет еще время, все припомним про то, как Гитлер приказал сровнять с землей это святое для нас место... А сейчас фабрика «Красный Октябрь» начала выпускать пианино. Пи-а-ни-но! Вернется наш Иван Сергеевич домой, навестит ребятшек в школе, детском садике, сыграет, споет. И теплее станет в детских сердечках. Забудутся, как злые сны, бомбы, холод, голод.

В Москве открылось заседание Совета Народных Комиссаров.

Слово «комиссар» привело немцев в смятение. Они сникли, настороженно переглянулись.

— Страшно? — ухмыльнулся Сергеев. — Знаем, знаем, что говорили вам о коммунистах и комиссарах: они живьем людей глотают и даже глазом не моргнут. А мои командиры — вот капитан, старший лейтенант — кто? Комиссары. Живут среди господ и батраков. А почему-то голова у каждого немца на плечах.

Сергеев говорил о бюджете России на сорок пятый год, называл цифры, и каждый из нас понимал, что впереди мирные, но горячие денечки. Вдруг старшина притих, глаза его увлажнились, он еле-еле выдавил:

— Домой, домой, засучить рукава да за дело... Пропади она пропадом, прожорливая фашистская саранча.

Он встал и, не попрощавшись, пошел, еле волоча ноги, в особняк. Походил он в эту минуту на воина, тяжело раненного в бою...

Барон и его родня разместились в двухэтажном здании, похожем на казарму. Важные особы, видимо, нашли общий язык с прислугой. Никто из знати не появляется на свет божий. Только батраки и батрачки, как неутомимые муравьи, снуют по двору с утра до ночи. Скребнут коней, драят выездные коляски, чистят стойла породистых коров.

Трут швабрами цементные полы скотных дворов. Не приведи бог, чтобы где-то осталась пылинка или соринка! Ходят, ублажают, как малых детей, каждую скотинку, особенно быков-производителей с налитыми кровью глазами и раздутыми ноздрями. Двор застроен со всех сторон. Все на виду. Все под хозяйским глазом.

За конюшнями и коровниками с их кирпичными, почти крепостными стенами просторные поля. На глазах прут ввысь клевер и люцерна. Трава каждое утро скашивается и подается в стойла, а сочный корм не убывает. Взята трава с последней делянки, а на первой поспел уже второй укос.

Вокруг особняка стеной стоят сады. Распушились розовыми лепестками тутовые деревья, цветут яблони, груши.

По утрам барон считал своим долгом нанести нам визит. Он появлялся с управляющим, владеющим русским языком.

— Господа офицеры и солдаты будут достойно вознаграждены. Никто из господ не пожалеет, что побывал в Германии. Какая это страна! Какие великие имена! Какие мастера! Какие богатства! Бавария! Мюнхен Пинакотека. Дюрер, Рембрандт, Рубенс.

У Мити, помогающего мне умываться, дрожала в руках кружка — верный признак, что он вот-вот вспыхнет, выкинет какой-нибудь номерок. Я одергиваю его за полу гимнастерки.

А барон, что ни утро, продолжает свое:

— О, Германия! Надо знать, что такое Потсдам. Дворцы Сансуси, Шарлоттенгоф, Римские бани. Русская колония Александровка. Китайский чайный домик... Грех, грех, господа, если вы не побываете там! Надо знать, что такое Лейпциг. Город Иоганна-Себастьяна Баха. Город искуснейших мастеров книги.

А Саксония! Дрезденское барокко, бриллианты, изумруды, горный хрусталь, серебро, яшма, янтарь, оружие всех времен.

Барон, поклонившись, уходил. Митя провожал его обжигающим взглядом, выдавливал:

— Липнет, как банный лист...

Как-то утром чуть свет к Сергееву подошел Баулин, долго переступал с ноги на ногу, не зная, с чего начать разговор.

Оказалось, проведал он, что фамилия управляющего русская из русских — Иванов. Как узнал, ахнул и забес-

покоился: не перебежчик ли? Не власовец? Неспроста трется он среди батраков при перекурах.

— Ишь, какой бдительный! — усмехнулся старшина. — Будто я лыком шит. Давно про Иванова этого все знаю. Он еще с той войны, империалистической, когда мы с тобой пешком под столы ходили, осел в Германии.

— Как, старшина, все у тебя просто. А по-моему, по Малинину-Буренину, выходит, что Иванов прикидывается, будто перед нами у него душа нараспашку.

Сергеев вроде бы засомневался, а потом пристыдил старика. Можно ни с того ни с сего с дерьмом человека смешать. Баулин обиделся, показал Сергею щуп, который во время разговора держал за спиной. Этот щуп он сам соорудил, когда наступать начали под Бобруйском. «Не согнешь, — хвалился он. — Острие как с иголочки. Это для того, чтобы на мину не напороться. Хоть и стар, а взлететь на воздух нет никакого желания».

Со своим щупом он, оказывается, прошел по саду, по задворкам. Решил заглянуть в большой амбар, которого господские люди сторонились, как черт ладана. Воткнул свой инструмент в землю, что-то скрипнуло. Таким манером прошелся от угла до угла, от стены к стене. И везде острие натывается на что-то, на какую-то преграду под землей.

— Пошли!

— Боже упаси! Спугнем. Лучше уж ночью.

— Больше об этом никому, — предупредил старшина. — Доложим, куда надо.

Вышло, что Баулин оказался прав. Все обнаруженное им — баронский персональный самолет да еще кое-что — было изъято. Старику объявили благодарность.

Летели дни. Осточертел баронский дом. Сколько знали одно: вперед, на Берлин! Ради этого все пережили, все перенесли. Умывались слезами, теряя друзей. Утоляли голод махоркой. Давили обожравшуюся кровью мошкару и вшей. Слепли и задохались в землянках-могилах от коптилок. Шли и шли в осеннее ненастье и в лютые морозы. Забывали про застарелые, довоенные язвы. Не брала, не валила с ног никакая болезнь. И тут вдруг — стоп! Ни туда ни сюда! А дома, в России, нас ждут...

Разговорился как-то с начальником политотдела, откровенно рассказал, о чем думал каждый в нашем маленьком коллективе. Теперь, когда победа за нами,

вдвойне тяжело быть вдали от дома, от близких. Полковник Буцол не удивился, и он, как все мы, тоскует по дому. Но служба есть служба, отбой трубить пока рановато. Еще сказал Буцол, что наше печатное слово должно быть метким и острым. Жди, пока дойдут столичные газеты. А «Советский патриот», как всегда, тут как тут. И наконец, посоветовал не держать хлопцев на цепи:

— Пусть посмотрят победители незнакомые места!

Совет посмотреть незнакомые места был весьма кстати, однако о Потсдаме, Лейпциге, Дрездене, Мюнхене мечтать не приходилось: не устоялась еще погода после бури. А вот побывать в Ростоке, Штральзунде, полюбоваться Мекленбургской бухтой, посмотреть остров Рюген, роскошный курорт на Балтике, полковник нам разрешил. Ездили, конечно, не скопом, оставляли часовых, дневальных.

Все повидали, а ребятам мало и мало. Подавай Берлин!

Буцол и на этот раз не отказал. Заключил, что желание вполне законное. Хоть мы и не штурмовали фашистское логово, но определенное, далеко не второстепенное отношение к венку Победы имеем.

И мы побывали тогда в Берлине.

Вскоре меня вызвали в политотдел дивизии. Показали на карте место нового назначения и маршрута, по которому мы будем следовать. Вспомнились слова старшины: армия на то и армия, чтобы сегодня здесь, а завтра там.

СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ИДУТ НА ВОСТОК, ЗА ОДЕР. Армия Павла Ивановича Батова перебрасывалась в Силезию. Машину вел Иван Акшаев. Мотор пел, как по нотам. Впереди ровные стрелы автострады, сооруженной из бетонных плит-глыб. Две трассы рядом, одна на восток, другая на запад. Между ними зеленый газон. Едешь час, другой, и ни перекрестка, ни шлагбаума. Мелькают лишь мосты над трассой. Кругом ни хутора, ни селения, ни живой души. Справа и слева на песках набирали силу сосенки, посаженные рядками.

Но и здесь война неожиданно напомнила о себе. Воронки, воронки, взорванный мост. Осевшие на проезжую часть железобетонные балки, возле них горы искареженных машин, видно, врезались со всего маху.

Вот и сигнал на фанерной доске, предписывающий сворачивать вправо. Дорога не походила на проселок. По обеим сторонам широкой полосы плотно утрамбованного гравия — молодой рукотворный сосновый бор.

По такой дороге в любую непогоду пройдут танки, артиллерийские орудия, тягачи с прицепами. Меж плотных лесных зарослей мелькнули черепичные крыши. Мелькнули раз, еще и еще.

Остановились на перекур. Прошлись по безлюдному военному городку — казармы в несколько этажей, плацы для строевой муштры, стрельбища: стрелковые, артиллерийские, танковые. Вдали от них, в садах, коттеджи для офицерского корпуса.

Вот где, вдали от людского глаза, возвращивал, дрсировал войско Гитлер. И автострада, с которой мы недавно свернули, та, что тянется от Берлина к Варшаве, к нашим границам, проложена не для праздности. Закипала ярость, руки сжимались в кулаки. «В машину! — крикнул я. — Еще наглядимся на эти осиные гнезда».

Шуршала дорога под шинами колес, ровно гудел мотор. Резкий толчок: боль в затылке, искры из глаз.

— Виноват, — испуганно проговорил Иван, — не зашиб? Пришлось резко затормозить. Какая-то зверюшка, не то заяц, не то лисенок, метнулась под самое колесо. Давить жалко, хоть и крохотное, а живое существо.

За окном машины одна и та же картина — сосны, сосны, сосны. Все простое, обыденное, земное.

Лес кончился. Вдали мелькнул городок. На полосатом столбе, похожем на пограничный, надпись по-немецки: «Оберлешен».

— Все, Иван, прибыли. Здесь снова на прикол.

Машина задрожала на брусчатке. Началась уютная улочка с одноэтажными домами-близнецами, оплетенными от земли до крыши хмелем и диким виноградом. Окна задраены ставнями, хоть на дворе уже полдень. Тротуары и дорожки во дворах, выложенные из цементной и кирпичной крошки, заросли лопухом. Видно, ожидает нас опять безлюдье, которым сыты по горло.

Остановились на перекрестке. Небольшая площадь, вроде бы центр. На площади — ни души. Мои пассажиры повывскакивали из кузова, обтянутого брезентом. Жмурятся на солнце, пьянеют после темени и бензинового удушья, разминаются каждый на свой лад, разгоняя застоявшуюся кровь.

Рядом большой дом, похожий на гостиницу, с витринами, за стеклами которых ничего нет, кроме паутины. Справа и слева от дверей вывески, на них надписи с восклицательными знаками, бокалы с пенящимся пивом.

— С дороги по кружечке не мешало бы! — заметил Казаков.

— Что за базар?

Приутихли, узнали майора-квартирмейстера. До сих пор он занимался размещением командира дивизии и всех служб штаба. А тут, в глубоком тылу, вспомнил и о нас, приказал следовать по назначению, в особняк.

Особняк не походил на другие, стандартные дома, наверняка строился по особому проекту. Корпус в три эта-

жа со стреловидным, как у кирхи, верхом, парадный вход. Дверь в особняк прикрыта железной раздвижной решеткой, поперек нее перекладина и солидный висячий замок. К «кирхе» примыкает пристройка. На крыше никаких чердаков, везде оконца, оконца. Подобрать ключи к замку не удалось, придется пользоваться черным ходом.

Комнат в особняке полным-полно. Нашлось помещение для наборных касс, для радиорубки. Машина легко въехала в ворота, развернулась во дворе и торцом уткнулась в окно. Опять прямой ход от печатной машины к реалам и столикам для верстки.

Баулин копошится в приемной, что за дверью и железной решеткой. На полочках деревянные колодки всех мастей и размеров, видно, орудовал здесь сапожник. Старшина поправляет Баулина — не сапожник, а вся артель. Не видишь, сколько кругом станков: для обтяжки головок, для шитья рантов.

— Вот это да! — восхищается Баулин. — Всю жизнь мечтал об эдаком. Есть где размахнуться. Всех обошью. Ахнете!

— А ты, старик, не рано барахлом занялся? О своем наипервейшем деле не забыл?

— Антенну натянул. Костерик мигом разведу. Дровишек промышлять не надо, в сарае брикетов навалом. Каша в момент поспеет.

— Каша кашей. Ищи пока лопату, метлу, ведра, тряпки. Одного голубинового помета здесь — таскать не перетаскать.

После обеда Баулин доложил, что в подвале закуток на закутке, полочки, баночки, скляпочки. Что в них — еще не понюхал. Да не в этом суть. Если там комнатница с котлами, колонками для подогрева воды, топчаны. Банька! Понимаешь, банька! Не санбатовская, своя. Мойся, стирай, сколько душа желает. Ох и заживем, отмоемся добела! Одежонку приведем в божий вид. Эхма, как дома! Хоть и Обердешен (от одного этого слова в дрожь бросает), а обстановочка, можно сказать, царская!

Но по-царски жить не пришлось. Вскоре отменили сухой паек, открыли в том, с расписанными стенами, доме столовую. И пошли щи не щи, каша не каша, совсем не та, сдобренная когда салом, когда маслом из офицерского пайка. А тут плеснут в миску жидкое пресное варево. Вместо наваристого чая — мутноватая жидкость.

Литературная братия возвращалась из полков мрачнее тучи. О чем писать? Про утренний подъем, зарядку, строевую?

Я им слова Буцолы: носы не вешать. Какие вы газетчики, если не найдете приметное в солдатских буднях. Прошло время, когда мы учили воевать на боевых эпизодах. Пора всматриваться в лица людей, прошедших сквозь огонь, воду и медные трубы. Им трубуна...

У каждого из нас имелись заметки на все случаи жизни. Спросишь: нужен материал об особенностях городского боя? Пожалуйста! О форсировании рек? Есть! О встречном бое? Будет! Теперь больше, обстоятельнее надо говорить о человеке, нашем, советском.

Полковник Буцол не признавал разносов. Он любил, чтобы предложения вынашивались, прощирял газетные «находки». Сверлил, как буравчиками, черными глазами собеседника, когда следовало отчитать, приговаривал: «Не ожидал, не ожидал!» Никаких готовых предписаний. Сам соображай, как поступить, чтобы в дальнейшем не было огрехов.

Сейчас все рядом в Оберлешене. А совсем недавно было посложнее. Связь со штабом шла через заместителя командира дивизии по тылу подполковника Дмитрия Петровича Давыдкина. Когда ехал к генералу — приглашал и редактора и литсотрудников.

Тылы! Коротенькое слово. А нести эту ношу — ой как нелегко. Все видели, как рвется человек на части: авторота, мастерские, медсанбат, ДОП, пекарня, прачечные, полевая почта. Обеспечь людей на передовой удовольствием, не оставь без боеприпасов, вывези раненых...

Зима. Метель. Бои не стихают много суток. Полки хотя и с трудом, но продвигаются вперед. Раненых обрабатывают в палатках медсанбата. Хирурги, медсестры валяются с ног, но не оставляют своих постов.

Метель не унимается. Снег вот-вот прикроет тех, кто упал бездыханно на своем последнем рубеже. Махнуть рукой на сраженного в бою — кощунство. Живой обязан позаботиться о мертвом. А людей нет!

Давыдкин обращается за помощью к работникам клуба. Трубачи, баритоны и теноры собирают погибших, обшаривают каждый кустик. Берутся за лом и лопату, а земля скрипит, искрится, как железо. Собирают документы, составляют списки под копирку. Вырастает холм с деревянной пирамидкой, покрытой суриком, на након-

чнике звезда. Сколько их осталось позади? Они как вешки, как след отгремевших не небесных, земных гроз.

Бывало, артисты возвращаются в землянку еле живы, принимают положенные сто граммов, располагаются на ночлег. Ворочаются, стонут во сне не то от усталости, не то от тяжелой миссии, свалившейся на их долю, не то от надежд на бои, которые принесут успех без стольких жертв.

Давыдкин был непоседлив, хлопотлив, но всегда собран, аккуратен и заботлив. Перед тем, как сниматься на новое место, собирал людей, обговаривал даже то, что на первый взгляд казалось мелким, второстепенным.

Газетчиков любил. Как ценный дар принимал свежий номер, пахнувший типографской краской. Читал от корки до корки, заботился о том, чтобы сотрудники газеты знали, как отче наш, свой путь следования и как действовать в сложной ситуации.

Бывало, что Давыдкина подводили его «любимчики», подносили ему горькие пилюли.

Как-то зимой сорок пятого тылы срочно снялись с места. Мела поземка. Самое лучшее — следовать в колонне. У нас же — не у шубы рукав, идет сеанс связи с Москвой, полосы не сверстаны. Надо работать, сидеть до утра, доводить дело до конца.

На рассвете офицеры собрались у карты. Петлять по маршруту, предписанному Давыдкиным, означало потерять день. Решили срезать путь, ехать по проселку, втрое сэкономить время.

Срезали. В результате не столько ехали, сколько тащили машину на плечах. Холмы, холмы, безлюдье, и вдруг на пригорке домишки. Из одной трубы стрелкой поднимается дымок.

— Поднажмем, ребята, — подбадривал старшина, скинув ватник, бросив его вместе с автоматом в кузов. — Не околеет, скоро отогреемся.

Поднажали. Машина, как на крыльях, влетела на улицу. Гурьбой в дом: на кухне раскаленная плита, на столе огромная кастрюля с дымящимся молоком, кружки. В комнатах ни одной живой души. Не разглядели сначала, что за спиной, на вешалке у двери, немецкие шинели, а под лавкой гряда автоматов.

— Прибыли к черту на рога, — прошептал старшина. Я кивнул Сергею, чтоб прихватили автоматы, действовали, как положено.

Парни мои оказались сообразительными, не робкого

десятка. Один остался на посту, другие обшарили соседние дома. Доложили, что везде холодно и пусто, уют и тепло только в нашем доме.

— Разведать, кто в подвале?— спросил старшина.

— Голову под пулю? Она еще нужна для дела. Немцы попрятались, как мыши, значит испугались.

— А что? Похоже, что и так. Разомлев от тепла, расцелись за столом, слюни текут от «млеко горюнцаго», а тут тебе шум, гам, ревет мотор. Значит, прет большое войско! Та еще ситуация! А выход каков из нее?

Переглянулись, кивнули Сергееву: действуй!

Старшина пинком распахнул дверь в подвал, прислонившись к косяку, дал очередь из автомата, а вслед за ней швырнул гранату за гранатой. Едкий дым и пыль коромыслом. А потом тихо-тихо.

— Пить молоко — и в путь!

Старшина уходил последним. Глухо прозвучали взрывы. Что за чертовщина?

Сергеев вышел на крыльцо, накинул на плечи трофейный автомат, успокоил:

— Послал еще несколько лимонок... На всякий случай. Нашли своих поздно вечером.

Впервые видел я Давыдкина таким: он кипел, грозился упечь за самодеятельность, но, остыв, ограничился внушением, не доложил о допущенной промашке ни генералу, ни полковнику.

— Пронесло?— поинтересовался старшина.— Да-а. Был бы из нас бешбармак. Одной очередью немцы могли уложить всех до единого. В гимнастерочках, автоматы в кузове, ни дозора, ни разведки. Ну и стратеги, ну и вояки!

С тех пор — ни шагу с предписанного Давыдкиным маршрута. Оружие всегда в готовности.

— Новость, новость!— кричал Сережа Аракчеев, носясь среди ночи с листочками бумаг. (На них он только что записал последние сообщения из Москвы.)— Сессия Верховного Совета СССР! Единогласно принят новый Закон! Слушайте: «В связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны против фашистской Германии Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым произвести демобилизацию старших возрастов действующей армии».

— У-р-р-а!— подхватывает новость Баулин.

— Ты, Иван Васильевич, не ошалел?— пытался урезонить его старшина.— Спят же люди!

— Ошалел, ошалел! — подтвердил Баулин. — Не чуешь: провести демобилизацию стар-ших воз-рас-тов! А это значит — собирайтесь в дорогу, Иван Васильевич Баулин да Андрей Петрович Бондаренко. А тебе, старшина, еще трубить да трубить!

В возгласах Баулина старшина не приметил ни хвастовства, ни обидных для себя слов. Он обнял старика, целовал в губы, в нос, в лоб, в плешину.

— Медведь, чистый медведь, — взмолился Иван Васильевич. — Христос с тобой, задавишь. Старуху, внуков не увижу, отцепись, бога ради.

— Дорогой ты мой, — отвечал старшина, утирая слезы кулаком, — всякое было за эти годы...

У Баулина пересохло во рту. Жадно глотая воздух, он толкал локтем старшину на улицу. Уселись на крылечке, Баулин расстегнул гимнастерку, гладил, гладил грудь по-грубевшей, с надутыми венами рукой. Когда отлегло, чуть слышно сказал:

— Вместе тесно, а врозь скучно — это про нас.

Воякам было чего вспомнить. Станция Сходня под Москвой, их боевой старт. Калиновичи, имя этого города носит дивизия. Бобруйск.

Баулин гладил ладонью грудь.

— Побаливает?

— Щемит уже давненько. Виду не подавал, хоть кости до дому довести.

Проводы. Утром Баулин и Бондаренко стояли со скатками шинелей через плечо, с вещмешками за спиной, подбадривая друг друга:

— Легко, как после баньки. Вот что значит сбросить лишний груз. Считай, что сдали «на вечное хранение» поболее пуда — автомат, подсумки, гранаты, противогаз.

— Нам бы сейчас крылышки, порхали бы без пере-дыха до своих хат.

Только шутили мужички через силу. Голоса их были сдавленные, чужие какие-то, губы подрагивали, слезы на глазах.

Провожать вышли все. Старшина пытался бодриться, не скупился на слова:

— В дороге, други мои, пуще денег берегите красно-армейские книжки. И то правда! Все там есть: сколько за войну сапог да валенок износили, гимнастерок и штанов протерли, портянок и рукавиц перегорело от соли, ушанок, пилоток, ватников поносили новеньких и из БУ, сколько

котелков да кружек латаных-перелатаных поменяли. И все от государства. Без красноармейской книжки не видать, как своих ушей, ни военного билета, ни паспорта.

Проставят в том паспорте не загадочную полевую почту, а точнейший адрес. И никакой в этой записи не будет воинской тайны: пиши открытым текстом во все концы. А жизнь впереди какая! Трудная, но нескучная. Вкалывай до седьмого пота. Полным ходом восстанавливается Днепровская ГЭС. Ленинградский «Скорострел» выпускает сверхплановую продукцию. Будет вам обутка. Многие сотни килограммов чаю дали фабрики Аджарии. Будет вам заварка! На Северном Кавказе и Черном море открыты санатории. Получай путевку. Лечись! Печатаются учебники для школьников. Более сорока тысяч девчат и ребят примут вузы Ленинграда. Получат дети и внуки грамоту!

Присели.

Иван Васильевич еле слышно произнес:

— Не поминайте лихом. Может, что-то и невпопад получилось... Как из семьи уезжаешь, в семье-то всякое бывает.

Грузовик ждал демобилизованных на главной улице. Расселись старички на сиденьях из тесовых досок. Грянули трубы оркестра, не слышно наших голосов, но, судя по тому, как Баулин и Бондаренко утирали рукавами щеки, они по губам понимали наш последний наказ:

— Доброго пути, ветераны, долгой вам мирной жизни!

Прошел слухок, что скоро дадут команду по домам второй группе демобилизованных. Выходило, что пора собираться в дорогу старшине. Парня будто подменили: ушел в себя, стиснув зубы, стоял у кассы. Все свободное время держался подальше от людей. Козья ножка не потухала, дымилась и трещала, как костерик в ненастную погоду.

— Что с тобой, Алексей?— спросил я.

Сергеев обмяк. И, наверное, было с чего, нечасто называли его по-домашнему.

— Тоска. И сам не пойму, с какой стати пристала эта болячка. Воевали ради возвращения, а настает эта минута, и на тебе — жаль уезжать!

— Киснуть нельзя, не положено. Дома ждут здоровых, сильных, таких, какими провожали на фронт. Нам же очень повезло: выжили. Это ж понимать надо...

Настал и день отъезда нашего старшины. Сергеев бодрился, был, как всегда, собран, подтянут.

— Проводишь?— спросил, зайдя в кабинет.

Облапил, не удержал слез. Однако тут же взял себя в руки, чтобы не видел народ, что расхлюпался.

Ехали на грузовике, ветер рвал пилотки с головы, гудело в ушах, говорить трудно. Жаль: не высказано друг другу много, очень много.

Вот и сборный пункт. Разнесенная в щепки железнодорожная станция. Десятки санбатовских палаток. Нары, нары, нары. Поляки привыкают управлять транспортом, туговато им приходится: паровозов в обрез, выведен из строя подвижной состав, пассажирские вагоны обшарпаны, без дверей и рам. Летом еще туда-сюда, сквознячок. А что будет зимой?

Сидели, закусывали, думали о том, как будем жить, когда вернемся домой. Старшина все расписал как по нотам: Аипов будет добрым семьянином, Сережа Аракчев поэтом, Ивана Казакова выведет на большую дорогу песня.

Водитель наш Иван, а по красноармейской книжке Иван Петрович Акшаев, остался трубить в автороте. Глядишь, и получит под занавес права классного шофера, а это для гражданки не фунт изюма. Заявится домой, в Москву, скажет маме: «Здравствуй! Вот и вернулся. Поколесил по белу свету столько, что и во сне не приснится. Служил на Тихом океане, воевал в Белоруссии, Польше, знаю дороги Пруссии, Германии. В день Победы дышал и не мог насытиться свежим ветром с Балтийского моря». Ответит мама: «Вернулся, слава богу, твой старший брат Федор. Покалечило его малость. Теперь и ты, Ваня, в своем гнездышке! Пора семьями обзаводиться. Мне, старухе, пришло время внуков нянчить!..»

Поминальник у рода Сергеевых, как у попа в приходе, большой. И все пока числятся в списках «За здоровье». Есть в Неверкинском районе Пензенской области большое село План. Отец с первых дней октябрьской грозы возглавлял здесь Советскую власть. Потом батя и братья его изучали географию России с винтовкой в руках. Младшим Сергеевым, несмышленишам, позднее рассказывали: «Всякого хлебнули. Мерили версты в пешем строю, вгрызались в землю, когда лопатой, когда зубами. Били врага пулей, кололи штыком. Знаем, какой ценой досталась

новая жизнь. Берегите, цените ее пуще всего. Дай бог, чтобы узнали вы о лесах, равнинах, морях, реках, океанах по книгам, а сладость жизни познали в мирном труде».

В дружбе и ладу росли в семье три брата — Николай, Анатолий, Александр и сестра Люба.

А старшину жена Серафима наградила дочкой Верой, сыном Виктором, а потом опять повело на женский род. Топают ныне на своих ножках кроха Тая. А кто дальше будет, неведомо. Но знаю, что будет. Надо фирму сергеевскую развивать.

Как там поживают жена, сынок, дочери? Сад, наверное, одичал, зарос, нуждается в уходе, как малое дитя. Хороша ли картошка на огороде, хватит ли ее до весны? Запаслись ли домашние грибочками, капустой? Принялся ли хрен в сыром месте у колодца?

Вернемся с войны, полетят годы. Появятся снохи, зятья, внуки. Пойдет суматоха, водоворот. Подкинут будни разных мелочишек, хоть отбавляй. Закружишься, не до тоски будет. Это ж понимать надо!

Старшина открыл чемодан — поверх вещичек лежал альбомчик, нежно погладил его ладонью.

— Нашими руками сделан. Каждому заслуженному человеку в дивизии вручен. Первым делом покажу его дома.

На твердой цветной обложке написано: «Ветерану 354-й стрелковой Калининской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии».

В обложке вкладыш:

«Дорогой товарищ старшина
Сергеев Алексей Федорович!

Сражаясь в рядах 354-й стрелковой Калининской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии, Вы проявили образцы воинского умения, отваги и стойкости. Вы с честью прошли путь от Москвы до немецкой Померании.

Самой лучшей оценкой нашей боевой работы на фронте являются благодарности Верховного Главнокомандующего. 15 благодарностей, заслуженные Вами, — яркая страница Вашей боевой жизни.

Желаю Вам здоровья, сил и успехов в дальнейшей работе по укреплению могущества нашей Родины.

Командир дивизии

Герой Советского Союза
генерал-майор

Джанджгава».

Старшина листал выписки из приказа Верховного Главнокомандующего генералу армии Рокоссовскому.

— Не фунт изюма. Каждый приказ по большому счету. Брали штурмом города, форсировали реки. Числа им нет. Читать по складам — и то не выговоришь, язык сломаешь. Дома для наглядности сделаю карту. Пусть любуются дорогами Победы — нашей, кровной.

«Нервные» мужчины. Полковник Всеволод Казимирович Буцол, видно, по себе знал, что ни командиру, ни политработнику нельзя ни на минуту расслабляться. Служба есть служба. Офицеру положено в любой обстановке быть подтянутым и энергичным.

После проводов старшины Алексея Сергеева меня тут же вызвали в политотдел. Буцол посочувствовал:

— Тяжело провожать боевых ребят. Одна отрада — едут домой люди, а не в окопы. Будет время, свидимся. А у нас дела. Поедешь на совещание редакторов дивизионных газет, в шахтерский городок Силезии Вальденбург. Я там уже бывал. Стоит красавец цел-целехонек, не тронут войной. Проветришься, окунешься в городскую жизнь, увидишь собратьев по перу. Меня соседи политотдельцы не раз спрашивали: «Что за гусь объявился у тебя? Как ни свежий номер «Советского патриота», так сюрприз. Колдуют у тебя люди над каждой строкой, заголовком. Когда только находят время? Цирк у тебя, Буцол, а не редакция!»

Не знал полковник, какую радость принесет мне эта поездка. В Вальденбурге встретил я сразу трех друзей. Не затерялись они на фронтовых дорогах войны, по Северо-Западному фронту: Петр Белый, Ваграм Апресян, Максим Нечетов.

Петр Белый, донской казак, всегда открытый, и на этот раз не скрывал своего восторга.

— Выходит, что и ты и я шагали под знаменами Второго Белорусского фронта, а увидится довелось только после Победы. Выпускал я дивизионную газету, сейчас во фронтовой. А все равно, как и прежде, солдат, в бегах, в разъездах. Считаю, что я без пяти минут уже семьянин. Не знаю, кто кому вскружил голову, я ей или она мне, но есть теперь у меня подруга жизни Маша, Мария Васильевна. Рано или поздно махнем мы с ней в столицу. Поведет меня Маша по улочкам и площадям в Хамовниках, где родилась, где прошло ее детство. А потом повезу ее к сво-

им родным, в станицу Кушевскую. Ахнут старики, ахнут братья и сестренки. Чур! Чур! Чур! Не в семье ли Белых объявился офицер? При медалях, орденах! А рядом с бравым парнем кто? Жenuшка! Ну и Петя-Петушок! Вознаградила за горе и слезы. Ай да Белые, ай да казаки!

Поздравил я Петра и услышал привычное: потом, потом!

Петр Белый, как и тогда, в сорок первом, знал и ныне, наверное, больше всех. Он огорошил меня новостями!

— Маршал Рокоссовский, командующий Вторым Белорусским фронтом, отныне возглавляет Северную группу войск здесь, в Силезии. Штаб его в Бреслау, а в Вальденбурге — штаб 65-й армии, во главе которой Павел Иванович Батов. Здесь выходят и фронтовая и армейская газеты. Я, Ваграм Апресян, Максим Нечетов обзавелись квартирами. Обещают, что вот-вот дадут зеленую улицу семьям офицеров. Победа, а нам еще трубить и трубить на этой земле. Вот так!

От слов друга «трубить и трубить» мне стало не по себе.

Белый советовал:

— А ты не стесняйся, жми на свое начальство. Отстукал, отбрякал на передовой с первого до последнего дня войны. Плюс год солдатской службы до заварухи с Гитлером. Плюс служба после победного салюта. Пора и честь знать, пора и в отпуск в родные архангельские места, к жене, сыну, родне!

Ваграм Апресян говорил о том же, но более трезво, без эмоций и восторгов:

— Вижу, до сих пор в капитанах ходишь. Не велик чин. Пожалуй, в этом звании не разрешат тебе пригласить в наши края жену и сына. Побывка — это дело реальное.

О побывке и завел я речь у Буцола.

— Какая побывка, капитан? Ты посмотри на себя. Кости да кожа. Заводишься в разговоре с пол-оборота. Не нужен ты такой ни жене, ни сыну. Вот тут заготовлены нашим санбатом предписания. Есть бумажка и для твоей персоны: в госпиталь. Кстати, туда едет и первый разведчик дивизии Василий Антипенко. В добрый путь!

— Что за госпиталь? Да еще срочно? — ворчал Василий, читая бумажку.

В госпитале мы стояли в очереди к заведующему отделением, потом толкались еще в десятках очередей. Нас гоняли по кабинетам, брали кровь, просвечивали, про-

слушивали, расспрашивали о каких-то пустяках, недугах в детстве, юности.

Василий ухмылялся:

— Не представлял, что моя жизнь имеет такую ценность. Возьмется, как с малым дитем.

Вечером нас ошарашили категорическим требованием: явиться в госпиталь еще раз, через день. Покажитесь, мол, невропатологу, и анализы к этому времени будут готовы.

— Какая чуткость, какая деликатность! — не остывал Василий. — Не так воспитывали меня в полку. Вскочил у меня в одном месте чирей. Шагать не могу — искры из глаз. Фельдшер посмотрел, зарычал: «Сми-р-на!» И пошел: «Руки, ноги на месте? Голова на плечах? Кру-гом! Ша-гом арш!» Вот это постановочка вопроса! Чирей с испугу прорвался!

Сутки прошли в тревоге.

К невропатологу майор предложил мне идти первым.

Пожилая женщина кивнула, предложив сесть. В ее руках поблескивал молоточек. Она заставляла меня то вытягивать руки, то класть ногу на ногу. Я следил за молоточком и думал про себя, что со стороны, наверное, выгляжу очень глупо. Не стерпел и хмыкнул. Но тут же притих, так как глаза врача, увеличенные очками, стали строгими.

— Шутки плохи, дорогой! — заключила она. — Нервишки у вас не того, порасшатались. Есть строгий приказ из Москвы — таких, как вы, в горы. И немедленно!

Озадаченный стоял я в коридоре. Не заметил, как отворилась дверь и от врача вышел майор.

— Надо же, — еле выдавил он, — нервная система... У кого? У разведчика! Им что, путевки девать некуда? В горы!

...Санаторий был полон такими же, как мы, «нервными» мужчинами. Женщины-военврачи с настойчивостью ротных старшин заставляли нас выполнять многочисленные процедуры. Уклонение от правил рассматривалось как злостное нарушение устава санаторной службы.

Майор рвал и метал, костил на чем свет стоит и врачей и сестер, которые не лечат, а скорее калечат людей.

— Привыкли иметь дело с пилой, швами и шинами. А тут источники, один загадочнее другого. Водят чуть не строем в ванны, кабинеты с позолотой. Лежи и жди, когда перекатится песочек из одной колбочки в другую. Ни один леший, наверное, не знает, что это за курорт, что

за процедуры. Ходил на ногах. И вдруг уложили в постель. Поднялось какое-то давление, нарушился какой-то ритм. Что такое давление? Что такое ритм? Хоть убей — не возьму в толк. Таскали за шиворот «языков» — никакой тебе усталости. А тут чуть свет вопросики: «Нет ли одышки? Не подпрыгнул ли пульс?»

В спешке оставил недавно у врача часы. Спихватился, когда в кабинет вошел другой «больной». Пришлось ждать. Заглянул в дверь, заикнулся о своей промашке. А она: «Какие часы?» Говорю: «Наградные, именные». Слышу: «Чего нет, того нет». Пожал плечами, пошел в палату. Догоняет: «Вот ваши часы. А почему нет истерики?» Смерил ее взглядом с ног до головы, решил, если таким образом еще раз разыграет, тогда узнает, какова моя и какова ее нервная система. Наган, слава богу, пока при себе.

В санатории не раз бывал командующий армией Павел Иванович Батов, рассказывал, что на курорт «Бад Шварцбах» приезжали аристократы со всего света. Теперь дошла очередь и до наших молодцов. «Не стесняйтесь, высказывайте претензии. Мал срок? Продлим!»

Молчали люди. Какие могут быть претензии? Провались он пропадом этот курорт. Скорее бы в Россию.

Батов наказывал: не давайте скучать мужичкам. Рядом — чешское пиво. Доставляйте его свеженьким. Кружечка на второй завтрак не помешает. Крутите кино. Пусть посмотрят все, что «прозевали» за войну. Пригласите армейских артистов. Есть небось и среди офицеров свои таланты. Побольше книг, столичных журналов, тонких и толстых.

Видел генерал, что не клеится откровенный разговор.

— Знаю, знаю, в чем секрет молчания. Мне и без вас известно, что старые спецы с курорта сбежали, а наши армейские медики не успели еще подобрать ключики к источникам, которым, как поговаривают, цены нет. Уже нашли знающих людей. Поднимем вас на ноги. Выше головы, отцы, сыновья, женихи!

Василий теперь уже не ворчал, больше рассуждал:

— Жируем тут на казенных харчах, а дома ждет мать. Помочь бы в огороде, дровишек на зиму запасти. И еще... невеста.

Пришло, наконец, время, когда Василий с отпускным предписанием на руках катил на машине на станцию. И станция эта с островерхой крышей показалась ему

бесконечно дорогой, от нее начинался путь на Родину.

— Ну а у тебя как дела? — спросил Василий.

— Еду приступать к своим служебным обязанностям.

Не думал, что после курорта Буцол будет очень сговорчив.

— Побывка так побывка, — сказал он, — какой может быть разговор. Теперь тебе не стыдно и на людей посмотреть, и себя показать. Езжай, а возвращаться будешь уже не в 354-ю, а в распоряжение политотдела 65-й армии. Поклон дому! Желаю высокого полета!

Борис Рюриков. К редактору армейской газеты 65-й армии заявился прямо с поезда.

— С какого света? — озадаченно спросил Рюриков. — На тебе лица нет.

— Из родных мест.

Расспрашивать Рюриков не стал. Видно, я, отпускник, не первый попадал в переpleты. Уезжал осенью в пилотке, в хромовых сапожках. А как же иначе? Человек, вернувшийся после победы, должен иметь бравый вид. Забывали на радостях, что после осени наступают в родных местах трескучие морозы. Таскали в Москве по комендатурам, вдалбливали, что столица есть столица. Гарнизон уже давно перешел на зимнюю форму одежды. За партизанщину в нынешнее время по головке не погладим! Слава богу, обошлось без гауптвахты. Отпустили под честное слово. Купил на Дорогомиловском рынке старенькую солдатскую шапку. До Бреста добирался сносно, в тепле, а Польша не очень жаловала гостей. Пассажирские вагоны без окон и дверей. Десятки пересадок. Места в вагонах пришлось брать с боем.

— Что с тобой делать, капитан? — размышлял Рюриков. — Общежитие? Не подойдет. Тебе немедленно горячая ванна нужна. Пригласил бы к себе, да семья.

Тут оказался в кабинете редактора красноармеец, в кирзовых сапогах с широченными голенищами, в гимнастерке и галифе, в которых можно было утонуть.

— Марк, — обрадовался редактор, — ты появляешься всегда очень даже кстати. В редакции ты единственный холостяк, а квартирка, как мне известно, у тебя со всеми удобствами. Приютить надо капитана, окоченел человек.

— Будь zde! — ответил, козырнув, красноармеец.

Рюриков улыбнулся:

— Тоже мне строевик. Кто ж козыряет без головного

убора. Я тебе не ефрейтор и не старшина. Где нахватался такого: «Будь zde!»

Марк Соболев хлопотал и огорчился:

— Печки, колонки в ванной у немцев на все сто. Не успеешь подбросить брикеты, и тут же теплынь. А вот с харчишками у меня туговато. Мойся, отогревайся, ложись спать, хоть на кушетку, хоть на кровать. Простыней, наволочек у меня навалом. А я на службу. Солдат есть солдат!

Вскоре Рюриков предложил:

— Принимай пост секретаря редакции. Наума Халемского я перевожу к себе в замы. Приказ на этот счет уже есть.

Вальбжих — так ныне по-польски называется город Вальденбург. Граница Польши определена по Одере и Нейсе.

Наш газетный «гарнизон» готовился к встрече нового, первого послевоенного, 1946 года. К моим друзьям, военные журналистам, прибыли на побывку из родных мест жены и детишки. Просторные и тоскливые своим безлюдьем квартиры превращались в шумные семейные очаги.

Бывших фронтовиков словно подменили. Солидные люди, годами не отличавшие будней от праздников, вели себя как беззаботные подростки. Они стали вдруг делить время на «служебное» и «свое». Мужчины то и дело поглядывали на часы и выражали неудовольствие тем, что минутная стрелка плетется медленно и что до окончания рабочего дня, когда можно будет ринуться домой, остается целая вечность.

Город в те дни был похож на муравейник. На свои исконно польские земли возвращались переселенцы. Дома оживали. Во многих квартирах за полночь горел свет. Преображались улицы. Сначала в центре, а потом и на окраинах появлялись ларьки и киоски, сбитые из фанеры.

А затем, как грибы в хорошую пору, повзростели маленькие кафе, где можно разжиться чаркой водки, стаканом здесь же, на глазах приготовленного лимонада.

В рождественские дни на площадях запестрели елки, увитые мишурой. Но вокруг них в вечерние часы нет толпы. На улицах безлюдно. О предстоящем торжестве больше всего напоминают окна домов. Они светятся всеми цветами радуги. В гостиных трепещут огоньки зажженных свечей, елочные украшения мерцают сотнями искусственных звезд. Вот-вот настанет минута, когда за праздничным столом зазвенят бокалы и люди скажут:

— С Новым годом!

— З Новым рокэм!

Я к этим приметам Нового года был равнодушен. Жена и сын в этот час были далеко, в родном городишке Няндома, затерянном в архангельских лесах. Идти на торжества в чужую семью — значит, чувствовать себя сиротливо. Коротать время одному — тошно. Жаль, что кануло в вечность время наших военных «мальчишников». Как ни тяжело было, а каждый фронтовой новый год в памяти на всю жизнь. Сорок второй и сорок третий встречи под Старой Руссой, сорок четвертый — под Гомелем, сорок пятый — под Варшавой. И нынешний, сорок шестой — в Силезии, в одиночестве.

Выручил меня заместитель редактора Наум.

— Может, подежуришь? — осторожно спросил он.

— С удовольствием!

— Так уж и с удовольствием? — усомнился Наум.

Дежурить мне, «холостяку», приходилось часто. Не откажешь же в такой просьбе товарищам, которых ждут дома жены и презабавные мальчишки и девчонки. Наша редакция размещается ныне не в землянке, а в большом капитальном доме. О таких удобствах в дни войны, конечно, никто из нас и не помышлял. Чтобы попасть в типографию, не надо выходить на улицу. У многих отдельные кабинеты. В наборных и печатных цехах тепло, светло и уютно. О ручном наборе давно уже забыли. Оригиналы мигом набираются на линотипах. Кассы-реалы нужны лишь для шапок и заголовков. Выбор шрифтов такой, что глаза разбегаются.

Сообщения ТАСС принимаются в первоклассной радиорубке. Никаких тебе помех в эфире, никакой перво-трепки.

В ночных бдениях были и свои «плюсы». Никто не торопит, не понукает. Действуй на свой страх и риск.

Дежурному время от времени полагалось заглядывать в радиорубку и решать, какие срочные сообщения давать в номер. У мощного приемника колдовал радиотехник Вася. Не отрываясь от дела, он подавал мне пачку машинописных страниц.

В старинных дубовых часах, стоящих в углу комнаты, зашипело, а потом удар за ударом — бом, бом, бом. И тишина. В этот миг отчетливо, ясно диктор из Москвы сказал, что передача в очередные номера газет закончена.

Вася, скрестив руки на шее, потянулся до треска в костях. Встал, пригладил густую шевелюру, выключил аппаратуру. С чувством исполненного долга заключил:

— Кончилась, капитан, наша новогодняя вахта. Экстренных сообщений вроде нет. Полосы можно не трогать!

— Ошибаешься, Вася! Есть важные для нас новости.

— Какие?

— Сам же принимал.

— Видно, печатал механически. А ну покажи.

Мы вместе с Васей читали, что пишут жители села Фелисово Ярославской области. Люди гордились тем, что их земляк Павел Иванович Батов, ныне прославленный полководец, командующий 65-й армией, выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Об этом же пишет и коллектив школы села Сретенье, где Батов познавал грамоту. В письмах факты, факты. Один любопытнее другого.

— Не мешкай, капитан, — поддержал Вася, — засылай все это в номер, у тебя сегодня чрезвычайные полномочия!

Пачку свежих газет занес на квартиру редактора под утро. Думал, что гости уже разошлись по домам. Оказалось, что пир не затихал. Горели во всю силу люстры. Гремела музыка. Среди военных мундиров непривычно мелькали женщины в ярких нарядах.

В прихожей меня неуклюже, как медведь, обнял Наум.

— С Новым годом, труженик!.. Что не весел?

— А то ты не знаешь?

— Постой, постой! Ты не о своем ли рапорте? О приглашении семьи? Бумажка твоя в сейфе у меня. Ей-богу, не затерялась.

— Вот, вот... не затерялась...

Быть бы перепалке, да в этот момент вышел в прихожую редактор Борис Рюриков. Рядом с кругленьким коротышкой Наумом Рюриков выглядел каланчой.

Редактор развернул газету, пробежал полосы. Вчитался в новые материалы.

— Молодец, что переверстал первую полосу, — похвалил он. — Надо бы газету послать Павлу Ивановичу.

— Уже исполнено.

— Совсем хорошо!

Павел Иванович Батов. Это имя все чаще и чаще появлялось в газетах.

С особым чувством ждали 10 февраля, день выбора в Верховный Совет СССР. В январе началась агитация за кандидатов в депутаты. Наши войска выбирали своего командующего П. И. Батова. Вся редакция думала над тем, чтобы рассказать о нем как можно лучше.

Биография генерала не нуждалась в приукрашивании. Его жизнь — что называется, легенда. Юношей служил в царской армии. Запах пороха узнал еще в четырнадцатом году в Пинских болотах. В Красную Армию вступил в 1918 году в качестве помощника командира взвода 1-го Рыбинского полка. Дрался с белогвардейцами в Крыму. В тридцать седьмом году действовал бок о бок с Матэ Залкой — генералом Лукачем в Испании. В начале Отечественной войны командовал корпусом, оборонявшим Крым. А потом — Сталинград, Курская дуга, Белоруссия, Восточная Пруссия, форсирование Одера.

В выгодном положении оказался Наум. С первых дней войны он вел дневники о действиях 65-й армии, ему ничего не стоило подготовить «кусочек» в номер. Он любил проверять свои сочинения «на слух».

— Послушайте отрывочек, — предлагал он, — о взятии Ново-Алексеевской. Это, если помните, укрепленный пункт под Сталинградом.

«Стояла зима 1944 года. Метели перемели дороги; буксовали машины, пушки приходилось тащить «плечами». На учете был каждый снаряд, каждый сухарь. Батов на своем «виллисе» успевал побывать и в наступающих частях, и в ближних тылах. И везде его совет, шутка приходились кстати. Вот он прибыл в подразделение Меркулова. Полковник доложил, что солдаты майора Бажанова пошли в наступление. Батов приказал связать его с Бажановым.

— Майор на проводе, — доложил связист.

— Почему голос неуверенный? — спросил командующий.

Майор замялся.

— Докладывай, как на духу. Не смущайся.

— Правее высоты в землю закопаны немецкие танки. Огонь орудий мешает броску.

— Танки накроем артиллерией. Идем с Меркуловым к тебе. Встретимся в Ново-Алексеевской.

— Чуть-чуть повремените!

— Идем с Меркуловым к тебе. Скажи об этом бойцам. Посмотрим, как принимаете гостей.

— Хотя бы минут десять побудьте на КП.

— Ни минуты!

Когда Батов и Меркулов появились у окраинного дома, им доложили, что Бажанова в Ново-Алексеевской нет. Солдаты с ходу атакуют полевой аэродром.

— Не хочет принимать гостей! — пошутил Батов».

После таких чток Наум «дотягивал» рукописи.

Кто-кто, а Павел Иванович Батов знал, что после напряженных боев надо «снимать» нервные перегрузки. Помнится, когда стихли схватки под Варшавой, на нарвском плацдарме, вызвал меня начальник политотдела дивизии Буцол.

— Поедешь в дом отдыха, — сказал он. — Создан он по личному указанию командующего армией. Побываешь у Христа за пазухой.

В том доме отдыха продумали все до мелочей. Русская баня с парным и мыльным отделениями, с полком в несколько ступенек, березовым веником. После легкого пара новое нижнее белье, верхняя одежда: проутюженная, побывавшая в санобработке. Койки, накрахмаленные до хруста простыни, пододеяльники, наволочки. Богатырские завтраки, обеды, ужины, русский квас. Прогулки в основном бору. Концерты самодеятельности.

Три дня как на крыльях. Ласкает грудь байковая рубаша, нежатся ноги в свежих портянках.

За месяц — два до новых боев побывали в том раю тысячи.

Меня в предвыборные дни свела судьба с капитаном Василием Верелютиным. Он рассказал любопытный случай о Батове.

Зимой 1945 года Верелютина сильно контузило. Пришел он в сознание в госпитале. Медсестры рассказали, что побывал он во многих медсанбатах, санитарных поездах. А теперь — в Москве, числится красноармейцем. Посоветовали написать в часть. Оттуда пришел ответ: капитана Верелютина в списках части нет. Соседи по палате утешали, как могли. Не мудрено запомнить номер полевой почты! Главврач разрешил прогулки по городу. Было это летом сорок пятого. На улицах толпы военных в новеньких мундирах. За ними стайками носились ребятишки, спрашивали: «Вы — жуковцы? Вы — рокоссовцы? Вы — коневцы?» Верелютину хотелось кричать: «Я — рокоссовец!»

Москва готовилась к Параду Победы. Верелютин подумал: не может быть, чтобы в эти дни не было в столице командующего 65-й армией!

Медсестра помогла Верелютину разыскать квартиру генерала. Перед Павлом Ивановичем капитан вытянулся в струнку. «Вольно, вольно!» — скомандовал, улыбаясь, генерал. Он сразу же узнал Верелютина, вспомнил даже, когда и где капитан сопровождал его на наблюдательный пункт.

Неведомо, как хлопотал командующий об офицере. Только в скором времени Верелютина вызвали в отдел кадров Наркомата обороны и сказали: «Получайте, капитан, документы — и в часть!» Вот так и выручил Батов капитана из беды. Не надо, наверно, пояснять, что своя часть для воина — родительский кров.

Об этом я и написал.

Довелось мне побывать на приеме у Павла Ивановича Батова. Чего-чего, а этого я никак не ожидал.

Получилось это так.

Громом среди ясного неба прозвучало для нас известие о том, что Бориса Сергеевича Рюрикова отзывают из армии. Едет он не куда-нибудь, а в Москву, на ответственную работу в ЦК партии.

Провожали Рюрикова достойно. На ужине присутствовал весь коллектив. Приехал в гости и Павел Иванович Батов.

Бразды правления на этом вечере взял в свои руки Наум. Салютами звучали тосты.

— Дай мне, Наум, слово, — вызвался я. — В честь твоей персоны хочу здравицу произнести. Узнают люди, каков у нас тамада.

— Не о рапорте ли речь?

— О нем.

— Опять за свое. Одну секунду!

Наум подкатился к Павлу Ивановичу Батову. Командующий, выслушав его, одобрительно кивнул.

— Никаких тостов, капитан, — сообщил мне Наум. — Утром поедем на прием к командующему армией. Легкую машину дам. Вот так!

В назначенный час я был в штабе. Ждать не пришлось. Порученец, заглянувший в кабинет, сказал:

— Проходите, генерал ждет.

Павел Иванович, поднявшись с кресла, шел мне навстречу.

Просьба, с которой я пришел, показалась мне в эту минуту не такой уж значительной, чтобы решать ее командующий.

— Не смущайтесь, капитан, — подбодрил Батов. — Выкладывайте все, что наболело.

Слушал меня внимательно, не перебивал. Заключение было кратким:

— Семья — не второстепенное дело. Ради человеческого счастья пролито немало пота и крови. Ваше ходатайство о приглашении семьи поддерживаю.

Но вышло по-другому. Был дан зеленый свет на Родину. В кармане гимнастерки всю войну носил направление на работу, выданное еще в институте. В комиссии по распределению был представитель ЦК. Может, связаться с отделом?

Позвонил в Москву. Ответ был краток: «Ищите работу? Газетчики нужны везде, приезжайте, поможем».

На семейном совете — кто во что горазд. А брат как отрезал:

— Не слушай никаких советов, решай сам. По телефону такие дела не устраиваются, надо побывать на месте, увидеть, что к чему.

Яснее ясного: передышка кончилась.

...На здании на Старой площади развевается алый флаг. Подошел к первому подъезду, на мраморной доске высечены слова: «Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)».

Зашел в справочное и по внутреннему телефону позвонил в Управление кадров ЦК. Товарищ не забыл меня, сказал, что закажет пропуск.

Встреча с инспектором получилась совершенно неожиданно для меня сердечной.

— Надо же! — удивился он. — Что делает природа! При других обстоятельствах столкнись с тобой — в обморок бы упал: с того света человек пожаловал. Схож, очень схож с братом!

Инспектор, отвернувшись, смахнул слезу. Поборов волнение, пригласил сесть. Помолчав какое-то время, спросил:

— Знаете подробности гибели Алексея?

— К сожалению, нет.

И только в этот час мне стало известно, что 29 октября сорок первого, когда под Москвой не гудели сирены, возвещающие о воздушной тревоге, в центр столицы провалился фашистский стервятник и сбросил бомбу большого калибра. Она попала под основание здания, рухнули перекрытия, когда Алексей принимал в своем кабинете писателя Александра Афиногенова.

Когда перешли к моему делу, инспектор сказал:

— Советую поехать во Владимир. Область новая, создана в 1944 году, нужда там в кадрах большая. Просят помочь. Чего-чего, а работы невпроворот, — заключил инспектор, — время не ждет. Засучи рукава и за штатские дела, солдат!

— Есть. За штатские дела!

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ...

ПРОШЛО ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ. Видно, нужны были годы, чтобы отошла контузия военных лет, чтобы мало-помалу начало возрождаться фронтовое братство, чтобы начали люди искать адреса друзей-ветеранов.

Память все чаще и чаще начнет возвращать однополчан к тем нелегким дням войны, в ее будни, и вдруг прояснятся детали, мелочи, что в свое время воспринимались как само собою разумеющееся, но без чего не было бы Подвига, на было Победы.

В солнечный майский день семьдесят пятого года многие ветераны встречались в Александровском саду у Кремля.

Школьники-шефы стояли с фанерными щитками, прикрепленными к рейкам. На каждом щитке цифры и заглавные буквы, обозначающие номер и наименование частей. Ребята из города-спутника Москвы Зеленограда несли дощечку с надписью: «354-я С. Д.»

Мальчишки без конца щелкали затворами фотоаппаратов. Люди, много лет не видевшие друг друга, пожимали руки, а потом, приглядевшись, узнав боевого друга по незаметным для постороннего глаза приметам, бросались в объятия. То один, то другой отходил в сторонку и украдкой брал под язык пилюлю, чтобы остудить сердце, предупредить беду.

Многих узнавал в лицо прославленный полководец, командующий 65-й армией Павел Иванович Батов. Был он в эти минуты прост и доступен, как отец.

Я спросил чернобрового, моложавого не по годам человека: «Вы из какой части?» — «А вы?» — улыбнувшись, переспросил он. А потом: «Бог ты мой! Не узнали! Что делает время! Вот карандаш, вот бумага. Будем писать на спине. Прежний, военных лет, адрес известен. А новых адресов нет. Теперь будут!»

С тех пор пошли конверты. Мои в Киев, к подполковнику в отставке Алексею Кирилловичу Ющенко. Другие ко мне, в Москву.

«О войне нам многое известно, — вспоминал Алексей, — там все было против солдата. «Юнкерсы» будто специально пикировали на твой окоп, а «фердинанды» шпарили по нему прямой наводкой. Немецкие снаряды и мины рвались не где-нибудь, а в твоей траншее. Лютовал мороз. Плавил мозг некататное летнее солнце. Не оставалось сухого места от ливней и морозящего дождя. Казалось, что и командир под горячую руку слишком резок и придиричив, так и норовит послать тебя чаще, чем других, на самое опасное место. Житье цыганское: сегодня здесь, завтра бог знает где. Когда плохи дела в бою и суп не суп, и каша не каша, и хмель не берет от боевых ста граммов...»

Помнится из рассказов друга, что познал он все эти карусели еще на Карельском перешейке в тридцать девятом году. Войну с фашистами встретил в Белоруссии. Офицерские погоны надел под Курском. Стал с тех пор комсомольским вожаком в полку. Много выслушал советов о «ведении хозяйства». Первое время «плавал». Глодала совесть: и то не так и это не эдак.

К счастью, повстречался человек. Слов много он не говорил, не поучал. Но, глядя на него, можно было понять, как следует вести себя в бою, какое слово найти.

Этого человеческого человека Ющенко будет помнить всю жизнь.

В ноябре 1943 года 354-я дивизия в составе войск 65-й армии под командованием Павла Ивановича Батова форсировала Днепр у города Лоева, вступила в Речицу.

В середине января сорок четвертого войска Рокоссовского штурмом овладели городом Мозырь и крупным железнодорожным узлом и городом Калинковичи. В честь этого события Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. 354-я дивизия получила наименование Калинковичской.

Но не все шло, как по маслу. Нелегко, с кровью давались версты по белорусской земле. В эти дни и познакомился Ющенко с Мушегом Сагомоновичем Саркисяном.

Предстоял бой за хутор Соловейки. Полку придали отдельный танковый батальон. Это уже другой коленкор! Батальоны сопровождали американские «матильды» — танки с двумя орудийными башнями. Рядом с поредевшей пехотой сила эта вроде грозная, несокрушимая.

Перед рассветом, когда еще не рассеялась морозная дымка, наши орудия обработали огнем немецкие позиции. Но вместе с пороховой гарью испарилась и морозная дымка, занялась яркая утренняя заря. Внезапного удара по врагу не получилось. Немцы прямой наводкой били по «матильдам». Броня хрустела и рассыпалась, как стекло. Двигатели, заправленные бензином, вспыхивали от первой искорки.

— «Матильды», «матильды»! Черт бы вас побрал, — негодовали солдаты. — Не машины, а заморские свечи на поминки!

Наша пехота залегла. Вражеские пулеметы не давали возможности поднять голову. Снег изрешетили мины.

В этот момент в воронку, где укрылся с ребятами Ющенко, скатился старший лейтенант Саркисян. Осмотрелся, стал размышлять вслух: «В лоб, друзья, не пробиться. По болотцу, по редколесью надо обходить Соловейки. Я буду пулеметом из этой ямки огрызаться, а вы, если усвоили маневр, — с богом!»

В лесу, за хутором, солдат собралось с полсотни. Вскоре подоспел и Саркисян.

Немцы цепью, в полный рост, шли к горящим «матильдам».

Саркисян повел отряд на хутор. Перебили прислугу орудий, минометов, ворвались в Соловейки.

Две недели не затихал здесь бой. Семь раз Соловейки переходили из рук в руки. И все же наша взяла, фашисты отступили за реку Ипа.

За Соловейки парторг батальона Мушгер Сагомонович Саркисян был награжден орденом Красной Звезды.

Один бой, а школа для Алексея Ющенко — на многие годы.

В лесах и болотах под Бобруйском прошла зима. Здесь встретили и весну. Теперь при встречах с Мушгером Андрей мог перекинуться словечком, договориться с ним о проведении беседы в ротах и взводах, провести вместе комсомольские собрания. Им нередко приходилось дежурить на переднем крае, хотя и в разных батальонах. Мушгер без конца звонил, предупреждал:

— Учти, Алеша, ваш батальон на стыке с соседней

дивизией. Снайперы врага лютуют, да и лазутчики рыщут ночью и днем. Не зевайте, от греха подальше!

Мушег болел душой за людей не только в бою. Уму непостижимо, когда он успевал снять пробу в походных кухнях, похвалить или пожуричь поваров, найти мастеров по стрижке и бритью, снять стружку со старшин, если не было у них в запасе белья, портянок, бумаги и карандашей для писем.

Его неподдельная улыбка поднимала настроение людей. Бывало, что он метал гром и молнии, но быстро остывал, брал себя в руки. Человек, которому доставалось «на орехи», понимал, за что навлек на себя гнев старшего. После взбучки строго-добродушно раздавалась команда: «Ясно? Кругом арш!»

Зимой сорок четвертого года Мушег получил отпуск. Когда вернулся, рассказам о родном Карабахе не было конца. Андрей был несказанно благодарен другу за то, что он заглянул в Киев, побывал у его родных. Весной и Андрею подвалило счастье, сам попал в Киев. Что ни встреча с Мушегом, что ни письмо, восторженно говорили они друг другу: «Поклон тебе, Мушег, с ридни Украины!», «Поклон тебе, Алеша, с солнечной Армении!»

Свою дивизию друзья в шутку называли «трижды болотной». Такова, видно, была судьба, что схватки с врагом пришлось принимать в трясиных, непролазных местах...

Под Бобруйск пришла весна. Появились подснежники, потом колокольчики, бубенчики,

Солдаты же не замечали этих красот, в ближних тылах они готовили «мокроступы». Два таких продолговатых решета могли держать человека на мшистом, зыбком месте. На «мокроступах» должна была пойти в наступление пехота, на таких же, но более прочных плетенках артиллеристы будут волочить пушки, ящики со снарядами.

С утра до вечера тренировки, тренировки, тренировки. Глотали торфяную жижу. Выбирались на сухие места мокрые и волосатые, как ведьмы. Сушили на солнце штаны, гимнастерки, бельешко и портянки.

В июне грянул гром, пришел и наш черед идти вперед. Позднее мы узнали, что это было началом операции «Багратион».

В первый день наступления пробивали брешь в немецкой обороне. На долю первого батальона 1199-го стрелкового полка выпала задача штурмовать Дом Красной Армии в Бобруйске. Эсэсовцы соорудили здесь много

пулеметных гнезд. Короткая летняя ночь то и дело освещалась зарницами трассирующих очередей. Фашисты не жалели и патронов. У нас тоже имелся добрый запас свинца, но пулеметная дуэль не в силах была изменить ход боя. Подавить вражеский огонь могли пушки, но они поотстали.

Саркисяну трудновато было охладить пыл людей. В конце концов он дал приказ: прекратить штурм!

— Алексей, — сказал Мушер, — надо разъяснить каждому солдату такой план действий: скрытно подобраться к зданию, забросать лимонками окна флигеля первого этажа, а потом, ворвавшись в помещение, вести рукопашные схватки.

Три часа продолжался этот бой. К утру наступила оглушительная тишина.

Связные принесли пачки листовок, пахнущих свежей типографской краской. В них — приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Рокоссовскому: войска 1-го Белорусского фронта овладели городом и важным железнодорожным узлом Осиповичи, завершив тем самым окружение бобруйской группы немецких войск.

В те дни мы хорошо знали, что еще весной возвращена Родине почти вся Украина. Красная Армия вышла на Государственную границу СССР и Румынии. Каждый советский солдат жил мечтой скорее, скорее очистить от гитлеровской нечисти землю Белоруссии.

Второй взвод первого батальона 1199-го стрелкового полка, где находился Саркисян, вышел к Бугу. На западном берегу неприятельские солдаты купали лошадей. Тут бы рвануть с ходу, но Саркисян рассудил по-другому. Двадцать три человека не воинство, с ним горы не свернешь. Надо ждать подкрепления.

Ночью пришел связной полка, передал приказ срочно отступить: 65-я армия оказалась в мешке.

Саркисян вскипел:

— Какой еще мешок!

Солдаты готовы были дать посыльному по зубам.

— Не верите? Тогда слушайте!

Артиллерийская канонада гремела в нашем тылу, справа и слева.

Пришлось отходить. Знакомая дорога на Семятичи была запружена фашистскими войсками. Взводу удалось скрытно проползти под мостом небольшой речушки и выйти к хутору. Но и здесь были немцы. Они обнаружили взвод и открыли огонь из бронетранспортеров.

Алексей Ющенко лег к пулемету, готов был нажать на гашетку. В этот момент Мушег Саркисян толкнул друга, толкнул так, что расквасил Алексею подбородок.

Мушег негодовал: бойцов, мол, у нас раз, два и обчелся, каждый патрон, каждая граната на вес золота, а ты что делаешь? Ну, срезал бы очередью фашиста, а дальше? Не позволю сложить здесь головы ни за что ни про что! Выйдем к своим, обязательно выйдем! Тогда каждый из вас пошлет на тот свет сотни фашистов. Ясно?

Мушег по берегу речушки, по болотцу вывел солдат из-под огня. Два бойца получили ранения, их несли на плащ-палатках. К вечеру мы были в расположении полка...

Батальон пополнился белорусскими парнями. Была создана сводная учебная рота.

— Собирай ребят,— говорил Мушег Алексею,— будем заседать. Повестка дня: «Овладеть всеми видами автоматического оружия».

Новобранцы расселись на полянке. Мушег велел завязать ему глаза: вслепую он разбирал и собирал автоматы, пулеметы, гранатометы, наши и трофейные.

Ученики дивились колдовству Мушега. «Заседания» продолжались. Новички поочередно повторяли наглядный урок. Мушег приободрял: «Так, так! Молодчина! Вижу, что не растеряешься в бою!»

В то время обстановка в Беловежской пуще изменилась в лучшую сторону. Попытка немцев окружить 65-ю армию в районе деревни Клещели провалилась. Несколько вражеских дивизий были разбиты. 1 августа армия под командованием Павла Ивановича Батова вышла к Бугу, форсировала реку.

Впереди Польша!

На Буге тяжело ранило заместителя командира 1199-го полка по политчасти майора Владимира Ивановича Тюрникова.

Алексей и Мушег не могли поверить случившемуся. Любое совещание, инструктаж Владимир Иванович сводил к одному: политработник обязан беречь солдата, он отвечает за него перед матерью, отцом, женой, детьми. Вы для воина, как мама для своего дитяти. Беречь не значит оберегать. Учить и учить воинскому мастерству, сноровке, хитрости. Нельзя допустить, чтобы наш советский человек рвался на вражеский огонь бездумно, безрассудно. Побеждать малой кровью, только малой!

Но война без жертв не бывает. Сложил свою голову и Тюрников, так как во что бы то ни стало надо было

удержаться на западном берегу реки. Схватки продолжались десять дней. Выстояли. Пошли на запад по земле Польши. Пошли без Тюрникова.

Новое побоище завязалось у станции Тремблинка. Пехота врага шла в бесконечные контратаки при поддержке танков из дивизии «Викинг». Только на третий день после мощных залпов «катюш» удалось потеснить врага. Стало ясно, почему фашисты с ожесточением цеплялись за Тремблинку.

На своем веку повидали наши люди немало лагерей смерти: Азаричи, Слоним, Семятичи. Но то, что увидели в Тремблинке, ужасало, кровь стыла в жилах.

Тридцать шесть рвов-могил. В них бесчисленное число загубленных советских граждан. Несколько рвов фашисты не успели засыпать землей. Расстрелянных облили известью, ямы пузырились, шипели.

Мушег Саркисян рыдал, как ребенок.

Чуть позже он сказал:

— Алеша, это должны видеть все наши солдаты. Все! Пусть увидят и дадут наказ своему сердцу: «Смерть за смерть!»

После Тремблинки наши подразделения оказывались в глубоком тылу немцев, встречали отступающих огнем, били из засад штыками и прикладами.

Радисты ловили передачи из Берлина. Переводчики под копирку писали карандашом новости. Немцы кричали, что Красная Армия будет остановлена и разбита. Это произойдет на реке Нарев под Варшавой, где по велению фюрера созданы неприступные укрепления.

Два батальона нашего полка в те дни мчались на запад на самоходках и бронемашинах. Пятого сентября вырвались к Нареву. Фашисты, не дождавшись того момента, когда все отступающие части окажутся на западном берегу, взорвали мост.

Пустили в дело бочки, плоты, бревна. Одними из первых переправились через реку десантные группы капитанов Климовцева и Саркисяна, с ними шли артиллерийские разведчики. Дивизионные и полковые орудия поражали цели со снайперской точностью.

Атаки и контратаки с переменным успехом продолжались в сентябре и октябре. Сражались многие полки и дивизии, иногда трудно было определить, где враг, где свои. От траншей и окопов оставались рожки да ножки. Снарядами и гусеницами танков и самоходных орудий был перепахан каждый клочок земли.

Не раз было так, что немцы, казалось, вот-вот сбросят нас в воду. Рукопашные схватки завязывались даже на КП дивизии.

Снарядом убило знаменосца полка Загарина, тяжело контузило ефрейтора Маркова, который сопровождал знаменосца. Комсомолец переводчик Николай Вавилин завернул знамя в плащ-палатку, перетащил контуженного Маркова в густой кустарник.

Когда наступили сумерки, Вавилин надел мундир и каску убитого фашиста. Он, размахивая трофейным автоматом, кричал во все горло. Отборные ругательства на немецком языке сыпались, как из медной трубы. Вавилин миновал заслон врага, переплыл реку, спас знамя 1199-го стрелкового полка.

Комбата Ищенко ранило. Саркисян принял команду на себя. Немецкие танки шли на стрелков стеной. Новички дрогнули. Комдив Джанджгава приказал Саркисяну перекрыть мост, остановить бойцов. Боевой порядок был восстановлен: красноармейцы подбили два немецких танка.

Саркисяна ранило.

Трудных минут много было за время войны. Комбат майор Василий Николаевич Ищенко не раз говорил:

— Поверь, Алеша, без Саркисяна я как без рук.

К концу октября наши войска не только удержали плацдарм на Нареве, но и расширили свои позиции. Командиров и бойцов дивизии представляли к награждению орденами и присвоению звания Героя Советского Союза.

Мушг Сагомонович Саркисян не был удостоен наград за эти бои. Но для солдат, шагавших с ним плечо к плечу, он был настоящим героем. О нем не надо придумывать реляции, подвиги говорят сами за себя. Мушг первым ворвался в Соловейки, Семятичи. Первым был на переправах через Буг, Шара, Нарев, а позднее и Одер.

Высоко оценили операции на Нареве маршал Жуков, командарм Батов. Чуть позже Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил в приказе благодарность воинам дивизии. Наш 1199-й стрелковый полк получил наименование: Плоньский.

В декабре сорок четвертого шли бои на Висле. Переправа была сложной: тонкий лед, готовый каждую секунду надломиться, настилы, не выдерживающие ни танков, ни орудий.

Плацдарм, хотя и небольшой, удалось отвоевать.

Немцы вынудили второй батальон нашего полка отступить к обрывистому берегу, но сбросить нас в воду им не удалось. С правого берега хорошим огнем нас прикрывали орудия, минометы, «катюши».

Днем было сносно, но ночью фашисты не давали покоя. С обрыва на полосу земли у реки летели гранаты и фугасы.

Мучила жажда, но брать воду из Вислы было опасно: река была розовой от крови. Собирали снег, лед, кипятили их в котелках. Многих от этой водички пронесло, а Алексей от сильного отравления даже потерял сознание. Доложили в штаб полка, однако срочную помощь не обещали.

Мушег приказал оседлать его Зорьку, умудрился укрепить носилки возле седла и переправил Алексея в санчасть.

Потом, вернувшись в строй, он спросил Мушега:

— Как ты, друг, перенес ледяную купель?

— Хорошо,— шутил Саркисян,— избавился от насморка...

17 января 1945 года Алексея ранило, и служить в одном полку с Мушегом ему не пришлось. Встретились они около города Штральзунд. Тогда фашистская Германия капитулировала. Саркисяну присвоили звание майора. 354-я стрелковая Калининская орденов Красного Знамени и Кутузова дивизия была награждена орденом Ленина.

Двадцатилетие Победы друзья отметили вместе в Киеве. Мушег поставил условие, что следующий круглый юбилей они отметят в Карабахе.

Алексей Ющенко побывал в Армении, но не за праздничным столом: однополчане провожали в последний путь своего Героя.

У Мушега, как и у Алексея, есть три наследника. Теперь пошли внуки, одного из них зовут — Мушег Саркисян.

Этими воспоминаниями, как заметил в одном из писем Алексей Кириллович Ющенко, он выполнил долг ветерана. Дружба народов нашей страны, закаленная в боях с фашизмом, вечна!

Приближался новый большой юбилей: сорок лет Победы. От фронтовых друзей я узнал, что в Баку живет ветеран дивизии Газиз Калелов. Полковник. Хоть лопни — не припомню военного с таким высоким званием.

Сейчас вспоминай сколько угодно, но не восстановишь самого простого, житейского: откуда человек родом, чем он жил до войны, что его волновало, мучило, когда он оставался в окопе или землянке наедине с самим собой.

Вроде бы в дни боев под Варшавой мой заместитель капитан Аипов, вернувшись с передовой, рассказывал, что столкнулся в политотделе с человеком по фамилии Калелов, которого в дни боев за освобождение Белоруссии послали на учебу. Тогда мы удивлялись: народу в полках не жирно, а лучших младших командиров направляют грызть гранит науки в глубокий тыл. Когда-то из них выйдут офицеры и политработники? Разве что после Победы.

И вот теперь, спустя год, по словам Аипова, прибыл человек из Саратова. Звание — младший лейтенант. Получил назначение в 1203-й полк. Рад-радешенек, идет к своим!

С тех пор редакционный народ не упускал возможности, чтобы побывать в батальоне, где младший лейтенант Калелов стал парторгом. Парню сочувствовали:

— Тяжело у него на душе. Умерла перед войной мать, погиб на фронте отец. Сердце разрывается на части, а на людях бодр, подтянут.

Парень попал в самое пекло. Под натиском танкового десанта и самоходных орудий новобранцы дрогнули. Очертя голову они бежали к переправе через Нарев. Калелов подвернулся под руку генералу, тот приказал возглавить сводный отряд и чтобы ни шагу назад!

Младший лейтенант и сам не уразумел, чем он «снял» с бойцов страх. Кажется, кричал во всю глотку: «Саперные лопаты есть? Патроны есть? Гранаты есть?» — «Есть, есть, есть!» — робко отвечали ребята. «Если все есть, тогда нам сам черт не страшен!»

«Мигом соорудили окопы для стрельбы лежа, приготовили связки гранат. Смотрю, парни без команды действуют так, как я». Окопались пулеметчики, появилась на прямой наводке сорокапятимиллиметровая пушка, загорелся немецкий танк. Отсекли от брони немецкую пехоту. Пыл немцев охладел.

Опять появился генерал, поблагодарил, сказал, что в награду он может всю сборную штурмовую группу вести в свой 1203-й полк.

Только после Калелов узнал, что генерал тот был комдив дивизии Джанджгава.

Подтрунивал над Калеловым коммунист Павел Сима-

нин, знавший Газиза еще тогда, когда в боях под Москвой, на Курской дуге, в Белоруссии он командовал отделением.

— Набрался в училище знаний, спит и видит, чтобы вовремя провести заседание партийного бюро, обсудить важный вопрос на партийном собрании. А «мероприятия», как назло, не получаются. Только и знай штопай дыры в обороне, отбивай атаки немцев. Я ему и говорю: ты, Калелов, считай, что каждый день проводишь открытые партийные собрания. Ныне отбили атаку? Отбили. Сел сам за пулемет, дал веером огонек. Поддержали тебя другие. Чуть позже «пришли в себя» минометчики. Чем не собрание? Соблюден и воинский и партийный уставы. Ты сделал доклад, беспартийные тебя поддержали. Итог — враг отброшен.

— Собрание и бой — вещи разные. Не надо путать кислое с пресным, — ворчит парторг.

— Лекция и семинар в училище одно, — отвечаю я ему, — а фронт — другое. Как и в каких обстоятельствах надо поступать нам здесь, на передовой, в учебниках еще не написано. Об этом мы расскажем после Победы, да и то не сразу. Поостыть надо да поразмышлять.

...Ветераны 65-й армии раз в два года встречаются в Москве. На одну из таких встреч приехал и Калелов. Младшему лейтенанту в сорок четвертом было двадцать лет. Теперь полковнику все шестьдесят. Где уж тут узнать друг друга! Среди нас, столичных жителей, он выделялся лицом, прокопченным южным солнцем.

— Какие молодцы верховодят у нас в Совете ветеранов, — возбужденно говорил полковник. — Нашли!

Наступила весна 1985 года, прохладная, затяжная. Она совсем не походила на весну тысяча девятьсот сорок пятого года. Тогда в провинциях центральной Германии, за Одером, буйно цвели сады, по-летнему палило солнце. Оно не щадило солдат, уставших от непрерывных бросков-маршей и атак, мечтавших о том, чтобы вволю поспать, поостыть.

Прошло сорок лет после войны. Люди, добывавшие Победу в боях и труде, не мечтали о великих почестях, которых удостоит их партия, правительство, народ.

Почти в каждый дом пришли праздничные конверты. Советы ветеранов фронтов, армий, дивизий приглашали бывших воинов на встречи, посвященные 40-летию Победы.

Мне не пришлось побывать на Новгородской земле, где чтят воинов 202-й стрелковой дивизии. О них, от-

ходивших с боями от границы, остановивших врага в сентябре сорок первого года в лесах и болотах Невьего моха, я рассказал в первых главах своей книги. Теперь многим известно, что опыт борьбы с фашистскими головорезами в сорок первом, сорок втором годах окрылил людей в наступательных операциях, помог познать радость встреч с народом в освобожденных селах и городах Украины, Молдавии. 202-я дивизия одна из первых вышла на Государственную границу СССР. Имя комдива Штыкова, сложившего голову на Северо-Западном фронте, присвоено улице в поселке Лычково, набережной в Старой Руссе. О бойцах-штыковцах ведут речь экскурсоводы в школьных музеях в Кневицах, Старой Руссе, Новгороде, Москве.

Президиум Совета ветеранов 65-й армии извещал, что встреча однополчан состоится в городе-герое Москве.

Торжество началось в Александровском саду у Кремля. Набрали силу, подтянулись, как на параде, предвестники весны тюльпаны. Сад походил на муравейник. Люди сновали туда-сюда в поисках своих полков и батальонов. Ломило глаза от блеска орденов и медалей на штатской одежде, так как форма военного времени давно повыцвела и пришла в негодность.

После суеты, которая всегда предшествует построению, колонна тронулась. Никто не говорил вслух, что радость встречи омрачена, так как нет во главе колонны командующего армией, дважды Героя Советского Союза Павла Ивановича Батова, ушедшего из жизни накануне юбилея.

Состоялось возложение венков к могиле Неизвестного солдата.

Потом строй шел по Красной площади, к Ленину. Шел, чтобы доложить вождю: «Мы дрались, как подобает коммунистам. Мы отстаивали Советскую власть!»

Позднее ветераны 354-й дивизии собрались на центральной площади города-спутника Москвы Зеленограда, города-сада. Под музыку военного оркестра бывшие воины тронулись в шеренге по четыре. Они шли по земле, отвоеванной у врага в декабре сорок первого года, шли к школе № 617, к юным друзьям, создавшим музей реликвий дивизии.

Трубы и барабаны возвещали: идут освободители!

Вдоль тротуаров стояли горожане, не знавшие войны, ребятишки прикладывали ладонь к виску. Где им ведать, что с открытой головой чести не отдают.

Гремят трубы, надрываются барабаны. Горит в груди

огонь. Недолго и до беды: дают знать о себе старые раны. Хватает и новых недугов. Но солдат должен оставаться солдатом. Надо дошагать, надо выстоять!

А впереди новые радости-тревоги.

На школьном дворе застыл строй в красных пилотках. И тут же: хлеб-соль вам, дорогие гости.

Застрял ком в горле бывалых солдат, никак не выдать слов благодарности. Выросло, вымахало-таки новое племя! Выходит, не напрасно пролита кровь.

В коридорах школы первоклашки с букетиками подснежников, потерявших первоизданную свежесть в их горячих от ожидания ручонках. Где хором, где вразнобой слышно: «Здрассте, здрасте, здрасте!»

Заполнен до отказа актовый зал. Красноармейцы, девочки и мальчики несут вахту у боевого знамени, у знамен отрядов и дружин.

— Дети,— обратилась директор школы Маргарита Михайловна Чеканцева,— смотрите и запоминайте героев былых сражений.

Вставал ветеран, называл имя, отчество, фамилию, звание, воинскую должность. В зале звучало: пулеметчик, разведчик, минометчик, сапер, артиллерист, санитар, военврач, политрук, комбат, командир полка. Лица то бледные, то прокопченные, говорок то окающий, то с акцентом.

Долго, наверное, очень долго продолжалась эта переключка. Зал то затихал, то наполнялся грохотом, похожим на раскаты весеннего грома. Забыли про усталость стоявшие навтыжку юные барабанщики. Горели, искрились глаза мальчишек и девчонок.

Такое не забудешь до конца дней!

В тот праздник знамя 354-й дивизии представил воинам 65-й армии в Колонном зале Дома союзов гвардии полковник Василий Иванович Пятенко.

Он сказал, что дивизия формировалась в сорок первом году в Пензенской области и входила в состав резерва Верховного Главнокомандующего. Создавал ее генерал Д. Ф. Алексеев. Первые бои приняла под Москвой, участвовала в сражениях на Курской дуге, освобождала Белоруссию, Польшу, завершила войну далеко за Одером, на Балтике, в составе войск маршала Рокоссовского.

Не каждый, сидевший в празднично-торжественном Колонном зале, знал послужной список самого гвардии полковника Василия Ивановича Пятенко.

354-я дивизия стала его родным домом. Здесь он поначалу командовал взводом, потом стрелковой ротой, возглавлял штаб батальона, полка. Войну закончил в должности командира полка. Было ему в ту пору двадцать четыре года.

Уже после войны командир дивизии Герой Советского Союза Владимир Николаевич Джанджгава расскажет о Пятенко в своей книге, расскажет, как 4 октября 1944 года на наревском плацдарме под Варшавой противник превосходящими силами потеснил полки дивизии. Кое-кто тогда дрогнул. Комдиву с трудом удалось связаться со штабом 1199-го полка. Начштаба Пятенко доложил:

— Командир полка покинул НП, и, где находится, неизвестно. Командование полком я, Пятенко, принял на себя. Предпринята контратака. Враг оттеснен.

— Контратаковал, — ответил комдив, — молодец. Принял командование на себя. Быть по сему!

По своей воле, а не по приказу взвалил на себя ношу председателя Совета ветеранов дивизии Василий Иванович Пятенко. Он везет этот воз уже много лет. Его верный помощник — Ольга Львовна Барышникова, хирург, секретарь Совета. Совет знает, чем живет и дышит каждый бывший солдат и офицер дивизии, помогает работе музеев боевой славы в Зеленограде, Пензе, Калининковичах.

Весной восемьдесят пятого года без конца щелкали затворы фотоаппаратов. Снимки, снимки, снимки. Один из них особенно дорог: он сделан на сорок первом километре автострады Москва — Ленинград, где воздвигнут холм и установлен обелиск в честь сражений декабря сорок первого года. Сюда привел оставшихся в живых однополчан Василий Иванович Пятенко.

Отгремели торжества. Разъехались гости. Они уведли во все концы нашей земли весть о том, что фронтовое братство живет! Борьба за мир, завоеванный в сорок пятом году, продолжается!

Мне очень повезло на людей, с которыми пришлось пройти по дорогам войны. О них, живущих и ушедших из жизни, я попытался рассказать в этой книге.

Москва

1982—1985 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Год сорок первый. День за днем	3
Год сорок второй. Демянский котел	93
Год сорок третий. Брянская улица	151
Год сорок четвертый. В армии генерала Батова	192
Год сорок пятый. В логове	224
Сразу после войны	236
Через много лет...	258

Евгений Александрович Петров
ФРОНТОВАЯ БЫВАЛЬЩИНА

Редактор **А. Д. Сколочная**
Художественный редактор **А. С. Кулемин**
Технический редактор **Л. А. Фирсова**
Корректор **Т. Б. Лысенко**

ИБ № 4277

Сдано в набор 17.06.86. Подп. в печ. 14.01.87. А02820. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 15,56. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1237. Цена 80 к. Изд. инд. ХД-119

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Салунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Отпечатано с фотополимерных печатных форм «Целлофот»

